

Сэм Альфсен

РАССЕИВАЯ СУМРАК

БЕССОННАЯ
ВОЙНА

18+

Книжный клуб Мирай

Сэм Альфсен

**Рассеивая сумрак.
Бессонная война**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Альфсен С.

Рассеивая сумрак. Бессонная война / С. Альфсен —
«Издательство АСТ», 2023 — (Книжный клуб Мирай)

ISBN 978-5-17-158148-0

На Скидан обрушились беды, словно само провидение хочет стереть страну с лица континента. На северной границе идет война с Дарвелем. Лекарь Нуска сослан на юг, но всеми силами пытается попасть на фронт, чтобы оказать помощь эрду Сину. Бессонную войну не остановить, пока живы все главнокомандующие. Но что, если война будет длиться вечно, ведь противник Скидана бессмертен?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158148-0

© Альфсен С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог. Танец дня и ночи	6
Глава 51. Южная столица	12
Глава 52. Противодействие	18
Глава 53. Жеро Герье	26
Глава 54. Повстанцы	32
Глава 55. Непримируемая вражда	39
Глава 56. Огонь против огня	45
Глава 57. Ответ	51
Глава 58. Сон о сожалении	58
Глава 59. Гирру Герье	71
Глава 60. Покидая Арценту	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сэм Альфсен

Рассеивая сумрак. Бессонная война

© Сэм Альфсен, 2023

© Тимошина А., иллюстрация на обложку

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Пролог. Танец дня и ночи

Память – самое тяжкое бремя,
Что бывало на наших плечах.
Под накидкой твоей – звёзд система,
Её свет я храню в рукавах.

Долгожданный момент единения
Горькой правдой осел во рту:
Корабли потерпели крушение —
Не осталось живых на борту.

Дребезжали металлические трубы. Бой барабанов, обтянутых кожей, задавал ритм. Сви-стели и гудели духовые, жалобно завывал многоголосый хор.

Амфитеатр ломился. Зрители хлопали в ладоши и гремели бубнами. Выстроившаяся по краям сцены стража била копьями в щиты. Сотни звуков сливались в какофонию, от которой дрожали барабанные перепонки.

Несколько танцовщиц в длинных туниках, расшитых золотом, плясали на сцене. Сходились и расходились, то встречаясь, то вновь расставаясь под воодушевлённые крики толпы.

Однако стоило глубокому и одновременно высокому звуку пилки¹ сорваться со струн, как на сцену выступил юноша. Толпа притихла, заворожено воззрившись на него.

Одетый в одну лишь белоснежную накидку, перекинутую через шею и соединённую фибулой на плече, он остановился в центре, склонив голову. Танцовщицы закружили вокруг, завели хоровод, в такт безумной музыке поднимая руки к ночному небу и плавно опуская их вдоль тел. Их головы грациозно тянулись к центру, они шаг за шагом сужали круг, пока не заиграли флейты.

Факелы мерцали на сцене, освещённой огнями и светом звёзд. Невыносимо сладко благоухали раскинувшиеся вокруг амфитеатра кусты жасмина. Пьянящий запах молодого вина сплетался с ароматом цветов.

Юноша, чьи плечи были надёжно укрыты длинными белоснежными волосами, начал танцевать. В сравнении с нежными взмахами женских рук его движения были грубы, но точны: они напоминали сражение с невидимым зверем. Необыкновенно быстро и ловко он переставлял ноги, его босые стопы скользили по сцене в узком кругу танцовщиц; грациозно склоняясь к земле, он, как змея, замелькал под бесконечно поднимающимися и опадающими руками, которые теперь стали подобны прутьям темницы. Как вода через пальцы, он ускользал, танцуя меж них, пока не выбрался к краю сцены.

Раздалась барабанная дробь. Двигаясь всем телом, плечами и бёдрами, стоя спиной к зрителям, он наклонялся назад до тех пор, пока зрители не разглядели его лицо и выгнутое тело. И только тогда они заметили белую маску на его лице с эмблемой дневной звезды, вышитой золотом.

Его руки сплетались над грудью, изгибаясь в воздухе. Танцовщицы разошлись по краям сцены, а затем из-за занавеса вышел ещё один мужчина. Его волосы были черны, как и его

---

¹ Пилка – музыкальный народный инструмент в Скидане. Звукоизвлечение происходит благодаря туго натянутым на колышки четырем струнам. В основании грифа имеется шар диаметром десять-пятнадцать сантиметров, на котором расположены десять отверстий. Менять характер звучания можно затыкая данные отверстия пальцами. Часто используются затычки, чтобы на протяжении всей песни большее количество отверстий было закрыто.

накидка, а на тёмной маске поблёскивал полумесяц ночной звезды. Однако он не танцевал – под радостные крики и вопли зрителей он обнажил меч, направив его на танцора.

Юноша в белом выпрямился, уловив усилившийся бой барабанов. Разворотом он склонился к краю сцены, пальцами ноги подбросив лежавший там меч в воздух. Поднявшись, он поймал его, чтобы начать бой.

Сражение Дня и Ночи – бой первых духов. Разыгрываемая религиозная сцена была до того реалистичной, что на трибунах кто-то то и дело ахал и вскрикивал от восторга. Меч ночного танцора не плавно опускался, а рубил, намереваясь пронзить соперника. Однако дневной танцор продолжал выплывать вокруг своего врага, парируя все его удары выпадами, а затем медленно и плавно уходил вбок, заставляя его крутиться на месте. Противник рассвирепел и бросился на юношу в белом, но тот снова уклонился. Под хохот толпы ночной танцор чуть не врезался лбом в одну из колонн сцены.

Темп музыки ускорился, танцовщицы вновь сплелись в завораживающем танце у занавеса. Когда ночной танцор вновь бросился на противника, взметнув свой меч, его горло перерезали. Алая кровь брызнула на сцену, испачкав пол и белоснежные одеяния дневного танцора. Герой же, олицетворявший Ночь, упал замертво на глазах у нескольких тысяч зрителей.

Толпа заревела. Вскликая с мест, каждый кричал и воздавал хвалу и молитву герою, игравшему День. Однако сам танцор, наблюдая за расплывавшейся на сцене лужей крови, выругался на чужом языке, швырнул свой окровавленный меч наземь, а затем быстрым шагом покинул сцену.

Редчайшие цветы – лилии, астры, гвоздики, нарциссы и гиацинты – полетели на сцену, в спину удалявшемуся танцору. Музыканты на секунду прервались, но затем продолжили играть с большим энтузиазмом. А что им оставалось, если танцор покинул сцену?

На секунду растерялись и танцовщицы, но затем змейками закружили по сцене, перепрыгивая через растянувшийся на сцене труп и лужу крови.

Праздник продолжался. Но не для всех.

За занавесом была небольшая площадка. Там танцор сбросил маску дневной звезды, а затем направился к одному из ходов, уходящему с закулисья под землю. Через несколько минут он услышал поспешные шаги за спиной. Ещё один юноша бежал за ним и звал:

– Господин! Господин! Молодой господин!

Танцор развернулся. Нахмурившись, он молча уставился на подоспевшего мальчишку.

– Молодой господин... – в который раз обратился он, а затем, сглотнув, продолжил: – Как вы?

– А как я должен себя чувствовать? – взметнув бровь, очень медленно проговорил танцор, чувствуя, как заплетается язык. Понимая, что теряет контроль над собой, он поспешно развернулся и направился дальше, прочь от амфитеатра, всё глубже погружаясь под землю.

– Вам... подать трубку? – неуверенно пробормотал юноша, стараясь не отставать от своего господина. Он на ходу сунул руку в суму, надеясь выудить из неё всё необходимое.

– Да.

Прежде чем покинуть амфитеатр, танцор ударил кулаком по облицовке. Мрамор разошёлся длинными трещинами, а затем и вовсе посыпался крошкой на землю. Арка задрожала. Танцор продолжил путь, но не в город, а, минуя взволнованных зрителей, углубился в сад.

Ступая босыми ногами не по камню, а по траве, он пытался найти в себе силы, чтобы пережить это. Сегодня он... перерезал глотку своему спасителю.

Когда молодой господин наконец остановился, они находились глубоко в саду. Кипарисы и тополя окружили их, а красиво стриженные кусты жасмина и лавра спрятали от чужих глаз. Мраморные фигуры могучих воинов в звёздном свете не вдохновляли, а пугали мертвенной белизной и застывшими глазами.

Молодой господин медленно сполз на землю и прислонился к кусту. Ароматные цветы оплели его голову, а он уставился в небо, усеянное мириадами звёзд.

Его подопечный поспешил сесть рядом и набить трубку, а затем пальцами стал греть табак. Передав дымящую трубку в подрагивающие руки господина, он проговорил:

– Вы... ни в чём не виноваты. Его всё равно ждала смерть за расправу над принцем Кроу. Пускай сонийская знать превратила это в развлечение для зевак, но так он меньше мучился и с лёгкостью покинул нас.

– Оáннес, я убил того, кто спас меня, – не выпуская металлического кончика трубки из рта, напомнил молодой господин.

– У вас не было выбора. Вам его не оставили.

– Это пляска на костях. Это...

– Дикость и мерзость. Вы уже говорили. Но вы ничего не можете сделать с традициями сонийцев. На этом празднике героем, играющим Ночь, является приговорённый к смертной казни. По их обычаю это считается милостью со стороны господ...

– С каких пор смерть может считаться милостью?!

– Господин Нуска... я не это имел в виду.

– Я не хочу жить в этих обычаях. Мне мерзко. Я больше не могу.

Нуска прикрыл рукой лицо, растирая веки. Едкий дым обжигал глаза, приближая его срыв. Табак уже давно плохо успокаивал господина, и Оáнн об этом прекрасно знал. Всё, что оставалось подопечному Нуски, – это отсесть подальше и наблюдать.

Сначала Нуска подскочил к одной из статуй и, использовав её, отломал одну из мраморных рук, а затем этой же рукой... стал крушить другие статуи.

Камень бился о камень. Отколов одну конечность статуи, он брался за другую, продолжая ломать. Мраморная крошка стояла в воздухе взвесью. Светлая энергия вспышками освещала тихий ночной сад. В любой момент могла подоспеть стража и увести молодого полуголого господина, который решил уничтожить королевскую собственность. Однако Оáнн поднялся с места лишь для того, чтобы подобрать дымящуюся трубку с травы и потушить её пальцами левой руки. Со вздохом он снова опустился на колени и продолжил вслушиваться. Если подоспеет стража, им надо будет как можно скорее обратиться.

Однако Нуску это явно не беспокоило. Он уже забрался в фонтан с одной из отломанных у статуй ног. Размахивая ею, как мечом, он пытался расколотить статую на верхушке пятиярусного фонтана. Возможно, это было бы не так страшно, если бы статуя вдруг... не шевельнулась.

Словно тень отделилась от статуи обнажённого воина, взметнувшего над головой копье. А затем молодой господин свалился прямо в каменную чашу, а сверху на него рухнул... мужчина в чёрной накидке и маске с полумесяцем.

Он тут же поднялся. Выбравшись из фонтана, мужчина отвернулся, сбросил одну маску и заменил её на другую – на маску страшного рогатого чудища. А затем подал руку ошарашенному Нуске, растянувшемуся в воде.

– Я снова напугал вас. Прошу прощения.

Оáнн вскочил на ноги. Нет, только не это! Что этот человек творит?! Как он сюда попал?! Уже неважно! Выжил и выжил! Но зачем он показался молодому господину именно сейчас, когда тот в таком состоянии?! Неужели хочет умереть ещё разок?! Оáнн уже бросился на выручку, но не успел.

Нуска протянул руку, взявшись за ладонь странного незнакомца. А затем, вместо того чтобы выбраться из воды, со злобным животным рычанием повалил в фонтан и его.

В ход шло всё: кулаки, ноги, даже конечность несчастной статуи, однако незнакомец терпеливо сносил удары. Тогда Нуска принялся просто душить его под водой, выкрикивая:

– Я, th'аге, уже прикончил тебя! А раз так, то сдохни!

Несмотря на все старания Нуски во второй раз убить своего спасителя, они не увенчались успехом. Поэтому вскоре молодой господин выбрался из фонтана и прислонил руку к груди, явно намереваясь обнажить оружие дэ.

Оанн сглотнул. Не то чтобы его сильно волновали возможные разрушения или труп этого незнакомца, но Нуске ни при каких обстоятельствах нельзя было показывать своё оружие. Поэтому Оанн всё же подскочил к своему господину, мягко взявшись за его руки и мешая это сделать.

– Господин, пожалуйста, опомнитесь! Как бы он вас ни злил, но этого делать нельзя!

Тогда прилетело уже и Оанну – он покатился наземь с разбитым носом. Встать снова он не решился, поэтому продолжил круглыми от страха глазами наблюдать за перепалкой двух героев, всего час назад игравших на сцене амфитеатра День и Ночь.

Один всё ещё был в белом, второй – в чёрном, их завораживающая схватка продолжалась.

Несмотря на это, кажется, ночной танцор решил не придерживаться сценария. Он медленно выбрался из фонтана, кругом обошёл готового к битве Нуску, а затем сказал:

– Успокойтесь. Я жив, вы не могли меня убить. Этот кошмар закончился.

– Нет. Я уже убил тебя. То, что ты не умер, не делает мне никакой чести, – злобно бросил Нуска в ответ. Его руки напряглись, но он пока не спешил ввязываться в драку снова.

– И всё же мы разыграли отличное представление. Народ доволен, судьи тоже. И мы оба живы. Чем вы недовольны?

– Собой, – огрызнулся Нуска и отвёл взгляд, а его руки медленно опустились. Несмотря на колкий ответ, он решил не продолжать, раз не встретил должного сопротивления.

Молодой человек в чёрной накидке и маске ещё раз обошёл Нуску по кругу, а затем опустился перед ним на колени. Взяв его руку в свои, он снова заговорил:

– Я могу вас забрать отсюда. Вам не придётся больше участвовать в этих играх, больше похожих на побоища.

– Я не просил о помощи.

– Вам не придётся больше терпеть рабское положение.

– Я не говорил, что меня это не устраивает.

– Вы сможете вернуться домой.

Нуска зажмурился. Яркая вспышка вырвалась из его тела, а человек в чёрном отлетел в кусты. Тогда молодой господин распахнул глаза, подошёл к незнакомцу ближе и, склонившись над ним, спросил:

– Как, ты говорил, тебя зовут?

– Риннэ.

– Риннэ, я здесь по своей воле. Я хочу остаться здесь, и здесь моё место. Даже если мне не нравятся местные обычаи, даже если я не выношу эти кровавые представления, я не могу уйти. Уже несколько лет я – раб, у меня не может быть своих желаний и воли.

– Но они есть.

Нуска нахмурился. Подняв ногу, он наступил на грудь развалившегося перед ним Риннэ.

– Тогда, может, ты войдёшь прямо во двор короля и скажешь ему об этом? Сообщишь во время праздничного пира, что у рабов, оказывается, есть воля?

Удивительно, но Риннэ улыбнулся. Его глаза блеснули, а он, даже лёжа придавленный к земле, вновь протянул Нуске руку.

– Если вы хотите, я так и поступлю. Пойдём сейчас или на рассвете?

Нуска расхохотался. Бросив Риннэ валяться под кустом, он стал вышагивать вокруг фонтана, размахивая руками.

Возможно, эта странная сцена продолжалась бы и дальше, но острый слух Оанна уловил тяжёлую поступь.

– Господин! Господин! Сюда идёт стража!

Нуска ещё несколько раз грязно выругался и сощурился. Как бы он был рад разделаться с этим бессмертным трупом прямо здесь! С тех пор как он появился, на голову Нуски сыпались одни беды. Если бы не Риннэ, ему бы не пришлось участвовать в этом празднике, наряжаться в эти постыдные одежды и кого-то убивать! Почему этот навязчивый незнакомец не может просто взять и исчезнуть, как плохой сон?!

Однако Риннэ думал иначе. Схватив Нуску за руку, он снова поволок его неизвестно куда. Какое-то время они бежали через сад, а затем, перепрыгнув через живую изгородь, помчали по аллее. Стройные кипарисы слева и справа походили на решётку. Даже приятный запах хвои, ударивший в ноздри, не смог перебить это ощущение. Нуска оттолкнул Риннэ, пролез между податливых кипарисовых веток и, смахнув с головы пару шишек, побежал к улицам.

Нагнать Нуску этот странный мужчина смог только за пределами города. Запыхавшийся молодой господин склонился над землёй, хватая ртом воздух. Пот лился с него ручьём, а ноги дрожали от усталости. Однако Риннэ хоть и не настаивал на своей компании, но и не спешил уходить.

Они застыли друг напротив друга. Каменистая почва и сухая трава уходили вдаль, стелясь в звёздном свете длинной жёлтой тропой. В округе не было ни деревца, ни пещеры, ни единого места, где можно было бы укрыться от цепкого взгляда незнакомца.

Дождавшись, пока Нуска восстановит дыхание, он вновь заговорил:

– Почему вы так не хотите возвращаться?

Нуска выпрямился. Наученный у местных ораторов, он медленно и спокойно ответил:

– Есть сотни причин покинуть это место, но есть тысячи причин не возвращаться домой.

– Кто хочет – ищет способ, кто не хочет – ищет оправдание, – парировал Риннэ.

– Существует только один путь к счастью – перестать беспокоиться о вещах, которые не подвластны нашей воле², – ответил Нуска.

– Что заставляет вас думать, что всё происходящее не подвластно вашей воле?

Нуска вздохнул. Он бы с радостью и дальше просто перекидывался избитыми сентенциями, а не думал о том, какие душевные терзания вынуждают его это говорить. Однако, как он догадывался, Риннэ не был человеком. А значит, ему можно сказать немного больше.

Вскинув голову, Нуска свистнул. Чёрный ворон, сверкнув синими глазами, тут же опустился ему на плечо. Только тогда молодой господин произнёс:

– Удовольствие и спокойствие – это благо, но не когда оно вызывает раскаяние, – снова процитировал Нуска и опустил взгляд к своим ободраным ногам. Его ступни, привыкшие за последние годы к мягкой обуви, резала даже сухая трава.

– Что заставляет вас раскаиваться?

Риннэ медленно подошёл ближе. К удивлению Нуски, ворон тут же перепрыгнул на плечи этого создания. Птица начала тереться о него головой, жмурясь, как котёнок.

– Всё то, что было там, – буркнул Нуска, а затем отвернулся от собеседника и уставился на северо-запад.

Теперь они стояли вдвоём посреди каменистой пустоши и наблюдали за россыпью звёзд над морской гладью. Небо сливалось с водой, отражая мерцающие огни светил, а волны несли их к берегу. Казалось, выйди на берег да подбери пару выброшенных на песок звёзд. Но Нуска не двигался с места, его одолевали сомнения. Он снова перевёл взгляд на Риннэ и спросил:

– Кто ты?

– Риннэ.

– Ты не человек.

– Верно.

---

² В прологе используются в том или ином виде высказывания известных греческих и римских философов, ученых и политических деятелей.

– Кто управляет тобой?

– С чего вы решили, что всеми кто-то управляет? Я хоть и не человек, но у меня есть своя воля. Можете ли вы похвастаться тем же?

Нуска нахмурился и отвернулся, продолжив наблюдать за волнами, накатывающими на берег.

– Может быть, это и есть мой выбор – быть запертым в клетке и не иметь своей воли вовсе.

– Местные ораторы плохо на вас влияют.

– Верно. Я несу полную чушь. Не может быть воли в том, чтобы лишиться её. Я согласен с тобой. Но что ты можешь мне предложить?

– Бегство.

– Я уже бежал однажды, но из свободного бедняка превратился в раба.

– Я могу предложить вам большее. Не только свободу, но и уверенность в завтрашнем дне. Если вы столкнётесь с тем, чего боитесь, то сможете понять, от чего бежали. Сейчас же вы прячетесь, не зная зачем, и страдаете, не понимая причины.

Нуска покачал головой. Он не знал почему, но общество этого странного существа было ему приятнее общества любого сонийца. Возможно, потому, что уже некоторое время они беседовали на скиданском, а Нуска даже не заметил, когда перешёл на родной язык.

Но Риннэ, видимо, не хотел молча стоять и ждать наступления утра. Он обошёл Нуску, скрыв от него вид на море за своей страшной маской. Затем он медленно снял её, а Нуске открылась уже знакомая картина: страшные шрамы и бледный слепой глаз.

– Скидан нуждается в вас, а вы нуждаетесь в Скидане. Вы можете избавиться от собственных кошмаров и спасти от кошмара всю страну.

Нуска знал, что он скажет дальше. Поэтому заткнул уши руками, но шёпот обжёг его пальцы, а слова – сердце:

– Вы должны вернуться домой.

Глава 51. Южная столица

Обжигающая звезда, жаркое время. Горячий воздух и запах раскалённого песка. Именно так Нуска встретила Арцента. Только вот сам лекарь... тоже преподнёс городу некоторые сюрпризы.

- Эй, ловите его! Вон он!
- Опять?! Да сколько можно!
- Быстрее, на этот раз он уволок сразу два кувшина!
- Бездна!

Нуска быстро мелькал меж однообразных жёлтых построек. Догнать его не смог бы ни один стражник в Арценте, а потому он, не особо напрягаясь, насвистывал под нос мелодию и двигался широкими прыжками, иногда одним скачком взбираясь разом на невысокую крышу.

Жарко. Очень жарко. Лекарь обливался потом, вслушиваясь в удаляющиеся крики. Волосы намокли и слиплись, а лёгкие светлые одежды уже давно облепили тело.

Скользнув с крыши вниз, в переулок, Нуска сразу же ввалился в приоткрытое окно и покатился по полу, прижимая к груди два кувшина с... конечно же, вином!

Однако удача лекаря, как всегда, быстро отвернулась от него: упал он прямо в ноги прибившемуся у стола арценту. Тот чуть было не выронил из рук собственную глиняную чашу, наполненную терпким напитком, его лицо вытянулось, а в глазах блеснула ярость.

– Аха-ха... Жамин, Жамин, прости, не ругайся, ладно? – давясь от смеха, проговорил Нуска и поднялся с пола. – Я поделюсь с тобой! Ладно, да? По рукам?

Нуска лукаво и даже немного заискивающе улыбался, смотря на застывшего перед ним мужчину. Это был именно тот арцент, который сопровождал его из Эрьяры напрямик в Арценту: высокий и тонкий, как девица. Волосы Жамина отливали медью и кудрями спадали на плечи, обрамляя и без того мягкие черты лица. Тёмные глаза казались омутами, полными безудержной агрессии, однако пушистые ресницы так неудачно обрамляли их, что испугаться взаправду не выходило.

Нуска с той же ласковой улыбкой поднялся и, сократив дистанцию, запрокинул голову только для того, чтобы кратко коснуться губами щеки мужчины. Это было традиционным приветствием в Арценте, но Жамин каждый раз так смешно шарахался, что лекарь не мог удержаться от того, чтобы не поддеть торговца, преисполненного чувством собственного достоинства.

– Нуска, ты опять...! – только и успел возмущённо выдать он прежде, чем спрятаться за длинным обеденным столом.

– Нуска опять! – согласился, не увиливая, лекарь, тихо смеясь и вскидывая руки с двумя тяжёлыми глиняными кувшинами. – Но кто виноват, что ваши законы не позволяют продавать алкоголь сурии младше двадцати лет?! Эти правила что, ввёл какой-то наместник-аскет?!

– Мы уже обсуждали это! Живёшь в Арценте – подчиняешься законам Арценты! – отрезал Жамин, хмуро уставившись на украденный товар. – Как мне вести дела в городе, если мой жилец ворует у других торговцев?!

– Я не арцент! Если вы сходите с ума, выпив чашу вина, то я в чём виноват?! – парировал Нуска, одновременно медленно отступая к двери, желая поскорее спрятать добытое в недрах своей комнаты.

– Верни всё обратно! Верни украденное! – запальчиво стал повышать тон Жамин и стукнул кулаком по столу. От этого удара искры так и полетели по комнате, только вот торговец всё ещё не выглядел устрашающе, скорее он походил на насупленную сестрицу.

– А вот и нет! – со смехом отказался Нуска и уже вбежал в дверной проём, но... вновь оказался чересчур неудачлив.

Именно в этот момент на шум пожаловал третий жилец небольшого глиняного домишки: совсем юнец, коим и лекарь был совсем недавно. Двое столкнулись, и Нуска, успевший развить приличную скорость, повалился на пол.

Внешность того была так чудна, как его имя и поведение, что лекарю было тяжело иметь с ним дело и даже просто находиться рядом под одной крышей. И сейчас ему посчастливилось приземлиться на него.

Нуска был не дурак: при падении он возвёл руки к потолку, спасая кувшины от неминуемой гибели, но именно из-за этого столкнулся прямо нос к носу с вошедшим.

– А... Ох... Оанн, ты это, кхм... Прости! – быстро проговорил Нуска и, вымученно улыbnувшись, сразу же поднялся.

Мальчишка, которому только стукнуло шестнадцать, покраснел как переспевшее яблоко. Он мелко задрожал, видимо, ещё и больно ударился спиной при падении, но не издал ни звука. Его необыкновенные каре-синие глаза в этот момент походили на два блюда.

– Оаннес, немедленно останови его! – успел только услышать Нуска, скрываясь в проходе.

– Брат, я...! – вскричал в ответ юноша дрожащим голосом, но было поздно.

Конечно, этот задохлик не мог даже мечтать о том, чтобы встать у лекаря на пути. Даже Жамин не смог бы противостоять Нуске: не только из-за разницы в силе, но и в ранге.

Этим Нуска и пользовался день ото дня, безобразничая в столице огненных магов и злоупотребляя гостеприимством двух братьев-торговцев.

Спрятавшись в своей комнате, больше похожей на каморку с голыми стенами, лекарь устало вздохнул, опустил на постеленный на пол матрац и пристроил рядом кувшины.

Глиняные дома арцентов отличались простотой. Гладкие стены, иногда испещрённые трещинами, ничем не украшались, но днём дарили прохладу в этом h'aidgel³ жарком городе. Иногда, когда приходилось выходить днём на улицу, лекарь думал, что оказался в занявшемся кострище, – до того здесь было жарко. Но звезда продолжала палить, обжигая кожу, словно не слышала мольбы спешащих по своим делам жителей.

Нуска не ждал: молча откупорил один из сосудов и наполнил чашу, которая так кстати оказалась на низком деревянном подносе у матраца. Казалось, что лекарь сдался, прекратил всякие попытки сбежать и вернуться в столицу, но... это было не так. Просто Нуска поумнел.

Только оказавшись в городе, он, конечно же, предпринял несколько попыток, но всё было бесполезно. Пройти через стражу могли лишь подписавшие военный контракт добровольцы, направлявшиеся на фронт. Нуска же никоим образом не походил на смуглых, темноволосых и темноглазых арцентов. Даже сейчас, проведя на юге по меньшей мере месяц, он почти не загорел, лишь содрал с себя несколько слоёв кожи.

И сейчас, сидя на закате дня в своей тёмной комнатушке, Нуска смотрел в маленькое резное окно на окрасившееся в красный небо и распивал вкуснейшее местное вино.

Он был в ловушке. Син поймал его, сковал цепями своего влияния, но... ненадолго. Все эти дни лекарь искал... искал одного человека, внешность которого запомнил смутно, но слава о котором разошлась далеко за пределы Арценты.

Словно из тумана вновь всплыли старые воспоминания:

«Если будет нужна помощь, то всегда обращай ко мне или в дом Герье. Буду рад встрече, если вдруг решишься посетить Арценту...»

– Жеро. Жеро Герье, – вслух повторил Нуска и нахмурился.

Он запомнил того арцента совсем не из-за его внешности или знатного рода. И даже не потому, что тот прямо на глазах у многотысячной толпы превратил лицо Ив в кровавое месиво. Навык, которым он воспользовался, был настолько ужасающим, насколько и восхитительным. Неповторимый аромат выжженного дотла цветочного поля теперь преследовал Нуску во снах.

---

³ h'aidgel – ругательство, прилагательное, грубый синоним русского слова «проклятый».

Когда шум внизу стих, лекарь услышал шаги. Вскоре в его комнату постучались, но Нуска уже и без того ожидал гостя.

– Проходи, – повысив голос, разрешил лекарь, залпом опрокидывая в рот очередную чашу кисло-сладкого напитка.

Нуске потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к своему положению в этом доме. И Жамин, и Оанн были обыкновенными торговцами и довольно слабыми сурии, а потому и ранг их был соответствующим – тарки. И лекарь, который уже долгое время официально имелся сурии, являлся для них своего рода «господином». Они не могли ни указывать Нуске, ни врываться в его комнату без предупреждения. Поначалу лекарь растерялся от внезапно свалившихся на его голову почестей, но затем очень быстро научился пользоваться своим положением.

Дверь отворилась, и в комнату медленно вошёл скромный юноша, на которого Нуске совсем недавно пришлось, в прямом смысле этого слова, свалиться.

– М-молодой господин... Я смог узнать, где находится поместье Герье, – смущённо пробормотал мальчишка, потупив взгляд. Оанн так и застыл в дверях, не решаясь пройти.

Но вот Нуска не горел желанием распространяться о своих планах. Если Оанн простоват, то вот Жамин... хоть и был слаб, но далеко не глуп. Он бы быстро разузнал, что Нуска задумал, а затем воспользовался бы связями, чтобы свести все старания лекаря на нет.

Нуска тут же вскочил на ноги и, приблизившись вплотную к вошедшему, захлопнул дверь за его спиной. Однако лекарь вновь оказался нос к носу с мальчишкой, который тут же отвёл взгляд.

И что не так с этими двумя? Почему в городе, где все только и делают, что лобызают лица друг друга, эти двое боятся даже подходить к кому-то ближе, чем на расстояние вытянутой руки?

– Проходи. Мне бы не хотелось, чтобы Жамин что-то узнал, – шёпотом сказал Нуска и улыбнулся.

– А... да, – кивнул юноша и тут же скользнул за спину лекаря, направляясь к матрасу и аккуратно присаживаясь на краешек.

Нуска лишь ненадолго задержал взгляд на госте, а затем уставился в стену. Если Син обладал лицом, от которого глаз было невозможно оторвать, то этот молодой арцент был наделён обликом столь необыкновенным, что рассматривать его можно было часами. Так как это не считалось нормальным даже в свободной в выражении чувств Арценте, Нуске приходилось каждый раз смотреть куда-то вдаль или же под ноги.

Мальчишка был юн, лёгок, как стебель вереска, но зажат и жёсток в своих словах и жестах, как камень. И он не был чистокровным арцентом. Тайна его рождения до сих пор была покрыта для Нуски мраком, но... Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что этот ребёнок стал результатом любви между арценткой и фасидцем.

Глаза его были пегими, как и кожа. Радужки цвета ореховой скорлупы были покрыты синими пятнами; словно испачканные, они блестели и часто искрились от влаги. Мальчишка прятал под одеждой руки и шею, но, несколько раз побывав с Оанном в бане, Нуска узнал, что тело его подобно глазам: смуглая кожа была покрыта белыми островками на конечностях и спине. И волосы, блестящие и золотистые, как у сифов, мягкими прядями спускались на плечи и завивались на концах.

В сравнении с ним даже Нуска уже не выглядел шуткой природы.

– Оанн, выпьешь? – не задумываясь, предложил лекарь, усаживаясь рядом и наполняя для себя чашу. – Я бы хотел отблагодарить тебя за помощь.

– О, нет-нет, ни в коем случае! Мне нельзя ничего крепкого ещё четыре года! – с ужасом в глазах запротестовал юнец и смял тонкую ткань шаровар. Оанн уже долгое время сидел, сложив ноги под собой и цепляясь пальцами за собственные бедра.

– Хах, как скажешь... Хотя не думаю, что ты смог бы что-то натворить. Разве твоё оружие дэ – не музыкальный инструмент?.. – с улыбкой начал разглагольствовать Нуска, не желая сразу переходить к животрепещущей теме. Было бы как-то некрасиво расспросить юношу, а затем сразу выпроводить его вон.

– Это не важно. Помутнение рассудка от этого приятной вещью не становится, – отчаянно замотал головой Оанн и даже отсел подальше, словно боясь, что хулиганистый лекарь сейчас начнёт вливать в него отраву силком.

Нуска только вздохнул. Да разве он даже в те же шестнадцать был таким размазнёй?

– Хорошо, как скажешь, – спокойно согласился лекарь и пожал плечами. Ему же больше достанется.

– Молодой господин... – шёпотом затараторил Оанн, видимо, желая поскорее покинуть покои Нуски. – В западной части города есть потайной ход. Он никем не охраняется, а потому пробраться туда будет несложно. Под землёй вы сможете пройти за пределы первых ворот. Там расположен большой особняк из кирпича, огромное здание в форме пирамиды – это и есть дом Герье. Но... говорят, они не принимают гостей. И вообще не желают общаться с кем-либо, кроме ближайших знакомых, так что...

– Да-да, конечно, все аристократы высокомерны и держат других за скот. Это не новость для меня, Оанн, – хмыкнул Нуска, вглядываясь в полупустую чашу и тут же осушая её. Затем он продолжил: – Я всё равно пойду туда. Мне нужна поддержка. И... я должен покинуть Арценту во что бы то ни стало.

– Но разве вам так плохо здесь, господин Нуска? Почему бы и не остаться? Брат, конечно, иногда бывает вспыльчив, но...

– О, нет-нет! Ха-ха! – Нуска даже не сдержался и рассмеялся. – Твой брат – просто прелесть. Да и... торговцы, и все, кто зарабатывает золото трудом и умом, намного лучше любого *vevih`al*⁴ аристократишки. Те получают золото из казны только за свой статус да прожигают оставшееся от родителей наследство. Я бы предпочёл вашу компанию любой другой.

Нуска ухмыльнулся и скосил взгляд на Оанна, но в который раз пожалел об этом. В глазах юнца поблёскивали слёзы, а на устах играла невинная улыбка. Кажется, он был расстроен и растроган одновременно. Лекарь кашлянул и вновь отвернулся – не умел он разговаривать с такими людьми. Как и с женщинами, детьми, да и всеми, кто так бурно выражал свои эмоции...

– Тогда оставайтесь с нами. Вы ведь уже даже начали неплохо зарабатывать, подлечивая местных, – продолжил уговаривать мальчишка, смяв ткань своих свободных штанов так, что та сложилась гармошкой. – Зачем вам... отправляться на войну? Раниться, подвергать себя опасности и... и у-убивать...

– Ты прекрасно знаешь, что ваш климат мне не подходит. И что я не могу находиться здесь, не надеясь на чью-либо милость, – усмехнулся вдруг Нуска и поднялся на ноги, потянувшись. – И да, я должен перед сном заглянуть к твоему брату, так что давай закругляться...

– Господин Нуска! – вдруг прервал Оанн и вцепился пальцами в штанину лекаря, вскинув голову и уставившись глазами-блюдцами на Нуску. – Вы... Вы можете воспользоваться моей кровью!

Лицо юнца горело так сильно, что Нуска мог разглядеть этот яркий румянец на смуглых щеках даже в спустившейся на город темноте. Лекарь почувствовал в душе холодок и резко шагнул вперёд, не позволяя мальчишке и дальше на себе виснуть.

– Я не могу этого сделать, – холодно отрезал он, – и ты сам прекрасно знаешь, по какой причине.

---

⁴ *Vevih`al* – ругательство, прилагательное. Обычно используется для обозначения неприятного запаха (как в прямом, так и в переносном смысле).

Оанн разом побледнел. А затем вскочил на ноги и выбежал из комнаты. Нуска только проводил его взглядом, подождал немного и вышел следом.

Верно. Только кровь чистокровного арцента могла спасти лекаря от всепоглощающего жара этого города. Но... была и иная причина для отказа. Оанн слишком сильно привязался к Нуске, преследуя его хвостиком. Этот мальчишка был глуп и придавал слишком большое значение эмоциям. И Нуска больше всего боялся этой невинной глупости.

Лекарь, недолго думая, направился напрямик в комнату Жамина. Даже если они часто цапались, отношения их были довольно хорошими. Во всяком случае, с точки зрения Нуски...

– Жа-амин! – с широкой слащавой улыбкой выкрикнул лекарь, врываясь к арценту в комнату.

Тот сидел на полу в привычной для арцентов позе со скрещёнными ногами и с серьёзным лицом вчитывался в книгу. Но, увидев баламута, тут же выронил том и сразу же поднялся на ноги.

На его лице отразилась паника: было понятно, что он ждёт от лекаря любой неприличной выходки.

– Нуска, ты... – начал он, вновь закипая.

– Даже не думай упрашивать меня вернуть вино – я его уже откупорил и вылакал до дна! – приврал лекарь и быстро сократил дистанцию, фамильярно схватив арцента за руку. – Да и я по другому вопросу.

Жамин вытянулся и напрягся. Его худые острые плечи вздрогнули – он тяжело вздохнул.

– Ещё не время. Переизбыток чужеродной дэ в крови...

– Я уже умираю от жары. Ещё пара дней – и просто запекусь до золотистой корочки. Братец, ну помоги! – протянул Нуска с озорным блеском в глазах всматриваясь в лицо Жамина.

Лекарю уж очень нравилось дразнить этого статного не по рангу господина. Неизвестно, кто и как его воспитал, но Жамин точно не был преисполнен открытым нравом и дружелюбием южан.

– Я соглашусь, но только в том случае, если ты пообещаешь больше не воровать, – нахмурившись, процедил арцент и рывком выдернул руку из захвата. После он проследовал к небольшому сундуку в углу и достал оттуда блеснувший в полутьме нож. Комнату освещал лишь подрагивающий огонёк от единственной свечи, а потому лезвие на секунду ярко сверкнуло, будоража кровь.

– Ладно-ладно, – проговорил Нуска и вздохнул. – Но я ведь всё равно потом отправляю им серебро вместе с тобой, разве нет? Проблема только в ваших вае'al⁵ законах!

– Ни слова больше, иначе вспорю не своё запястье, а твою глотку, – злобно выплюнул Жамин. – Ты больше не воруеть – и точка. Точка! Это невежливо по отношению к торговцам и страже, которая тратит потом по половине дня на твои поиски.

Нуска сокрушённо выдохнул, но был вынужден согласно кивнуть. Всё равно он скоро покинет этот город – так какая разница?

Когда Жамин приблизился, Нуска почувствовал исходящий от него запах вина. Арцент выпивал редко, видимо, сегодня тоже был неудачный для торговли день. Нетрудно догадаться, что этим и была вызвана его сегодняшняя чрезмерная вспыльчивость.

Насколько Нуска знал, Жамин в юные годы участвовал в Континентальной войне. Пускай он и не был сильным бойцом, но в той войне принимали участие все, даже новобранцы. А потому лекарь в который раз наблюдал, как этот утончённый торговец, проводящий дни за чтением книг и заключением договоров, с безучастным видом вскрывает вену на запястье.

Они стояли друг напротив друга. В небольшой домишко с бледными стенами врывался свет ночных звёзд, слепя лекаря глаза. Нуска, не теряя ни секунды, склонил голову и при-

---

⁵ Вае'al – ругательство, прямой культурный перевод: «отродья бездны», синоним в русском языке – «чёртов».

пал к запястью мужчины, собирая капли крови губами. Смуглые пальцы сразу же сжались, а арцент попытался отстраниться, но лекарь аккуратно придержал руку, настойчиво приникнув к источнику огненной дэ.

– Заканчивай, – хмуро отозвался Жамин и пошатнулся. Несмотря на отсутствие страха перед ранениями, он плохо переносил потерю крови.

Но Нуска дождался того самого момента – этой боли во всём теле, растекающейся по венам лавой. И только тогда медленно отстранился, сцепив пальцы на руке арцента кольцом и исцеляя рану.

– Спасибо, теперь продержусь в вашем вонючем городке ещё пару недель, – полушутя проговорил лекарь, но вдруг горько усмехнулся. Ему хоть и импонировали некоторые местные обычаи, как и вино, которое он без зазрения совести мог назвать лучшим, но этот климат и положение пленника сводили Нуску с ума.

Жамин отстранился, не желая стоять так близко к кому-либо без причины. Однако его взгляд вдруг упал на дверь – он сощурился и помрачнел.

Послышались шорох и звук быстро удаляющихся шагов.

– Оанн?.. – спросил Нуска, обернувшись. Но, конечно же, уже никого не увидел.

– Он странно себя ведёт в последнее время. Не будь с ним чересчур добр. Оаннес... глупый ребёнок, – произнёс Жамин. Но именно в эту минуту в его глазах промелькнул намёк на нежность. – Он никогда ни с кем не общался. Даже в школу не ходил. Твоё внезапное появление сбило его с толку.

– Что верно, то верно. Он даже неделю не выходил из своей комнаты, – равнодушно пожал плечами лекарь.

– Я слышал, что... нечистокровные довольно привязчивы. Всю жизнь проводя в борьбе с самими собой и своей натурой, они часто выбирают один пример для подражания. Если ты не планируешь оставаться в Арценте надолго, то... не сближайся с ним, – медленно и спокойно проговорил Жамин и отвернулся, спеша поскорее спрятать нож в сундуке.

Однако Нуска на секунду застыл. Высказанная арцентом мысль поразила его, но он отогнал прочь все свои размышления на этот счёт.

– Разве не ты должен был стать для него примером для подражания? – только и смог проворчать лекарь в ответ.

– Так и было. До поры до времени. Однако наша мать... никогда не любила Оаннеса. Всегда ставила меня в пример. Сначала он пытался равняться на меня, но затем... – уверенный голос арцента на секунду дрогнул, и он замолчал, застыв у стены.

– Оанн не может тебя ненавидеть за это. Не думай, что он так уж глуп.

– Может быть, – кивнул Жамин и вновь развернулся к Нуске. Однако его взгляд всё ещё оставался тяжёлым. – Иди к себе.

Нуска так и поступил. Некоторое время он ещё поразмышлял о странных отношениях между двумя сводными братьями, но в данный момент его беспокоила куда более важная проблема.

Например, как завтра сбежать из-под надзора Жамина. И как поскорее встретиться с Жеро Герье, тем арцентом пугающей силы. Чтобы затем как можно скорее покинуть этот чуждый и жаркий город, ставший для лекаря тюрьмой.

Глава 52. Противодействие

С каждым днём Нуска всё отчётливее ощущал, что становится одержим. Конечно, он играл роль дурачка, а иногда действительно веселился, но мысли о побеге не покидали его ни на секунду.

И война. Её дуновение ощущалось даже здесь, далеко на юге. Несмотря на то что действующий наместник Арценты отказался задействовать главные военные силы региона, добровольцы, которые ровными шеренгами покидали город, всё равно были. Большинство из них происходили из бедных семей: голод и низкое положение заставляли их искать славу в битве.

Нуска же знал, что его радостные и беззаботные деньки закончились. Даже если он вернётся, у эрда не будет ни секунды на лекаря, проделавшего огромный путь через всю страну. Но именно эта опасность, именно этот страх, воображаемые сцены, мучившие Нуску день ото дня, заставляли его торопиться.

Однако следующий день оказался на редкость неудачным для побега. Внезапно на пороге появился престарелый арцент, долгие годы страдавший от слепоты. Следом за ним ещё хуже... роженица. Муж той женщины влетел в дом торговцев и навёл такого шума, что у Нуски не было никакой возможности отказать ему в помощи.

Промучившись половину дня от рассвета до зенита, Нуска чувствовал себя настоящим работягой. Словно он вновь вернулся в те времена, когда подлечивал каждого нуждающегося в трущобах. Да только кое-что всё-таки изменилось.

«Господин лекарь, просим вас оказать милость!»

«Лекарь! Дорогой лекарь, прошу, посмотрите, что с моими глазами?!»

«Жена... Моя жена! Господин лекарь, умоляю вас, не откажите! Схватки только начались, а уже вся простыня в крови!»

Теперь положение Нуски было иным, а способности, которые росли изо дня в день, позволяли чуть ли не вытаскивать больных из бездны.

Но лекарь только тяжело вздохнул и облокотился о каменную стену. Он не успевал даже перевести дух: больных в Арценте было столько, что этот труд казался просто каплей в море. Излечил одного-двух, а назавтра целое семейство заболело какой-то заразной мразью.

«Сурии тёмной стороны... так часто болеют? Что же получается? Риры не подвержены болезням, но медленно сгорают изнутри и умирают в муках. Арценты круглые сутки страдают от разного рода болячек – страшно даже чихать в их сторону. Карборцы и вовсе редко доживают до пятидесяти лет, а затем превращаются в руду. Разве жизнь должна быть так несправедлива? Почему хаванцы, сифы и фасидцы живут по сто лет и более, а представители других народов гибнут косяками, едва достигнув зрелости?»

Нуска впервые задумался о том, что есть во всём этом что-то неправильное. Что, может, не так и хороша эта чистота крови, которую так блюдут скиданцы.

«Я уже вижу, что Оанн намного здоровее Жамина. К чему тогда вся эта помешанность на традициях? Может, было бы лучше, если бы все народы перемешались между собой?»

Но что бы тогда стало с их способностями? Кто бы направлял потоки дэ в этом перенасыщенном энергией мире?

Нуска покачал головой. В последние дни он слишком много думал. Иногда его речи и размышления оказывались непонятыми даже Жамином, этим книжным червём, который не вылезал из своих пособий.

Пыльный город, выстроенный между скал, степей и пустыни, наполнился шумными головами. День был в разгаре, и все спешили по своим делам. Глиняные домишки с резными дырами-окнами опустели: казалось, сейчас на улице собрались все жители Арценты.

Однако сам Нуска застыл у одной из стен, спрятавшись в тени переулка. Здесь было довольно чисто и немногочленно, но лекарь боковым зрением заметил движение за жёлтыми горшками в углу.

Между стеной и глиняными посудинами спряталась небольшая собака. Кажется, её пугали человеческие голоса, а потому она только забивалась всё глубже и глубже, боясь выдать себя.

Нуска улыбнулся. В Эрьяре и Карборе практически не было уличных животных. Ему редко приходилось видеть этих милых созданий, но здесь, в Арценте, голодные глазюки бездомных зверей так и прожигали спину. Лекарь медленно подошёл ближе и протянул руку, чтобы тут же получить в ответ за проявленное внимание укус. Нуска поморщился, помахал пострадавшей рукой, а затем пригляделся.

У чёрно-белой пятнистой собаки половина морды была измазана кровью. Глаз не открывался и, кажется, вовсе отсутствовал. Нуска с некоторой грустью подумал о том, что уже не сможет вернуть животному зрение, однако снять воспаление и боль он, конечно же, в силах.

И лекарь, присев рядом на корточки, протянул руку. Чужая слюнявая пасть с тихим предупредительным рычанием распахнулась и сомкнулась прямо на запястье молодого хаванца. Только Нуска не отреагировал на боль и продолжил давить лёгкую улыбку. Его пальцы легли на пострадавшую морду и мигом залечили рану, мучившую бродяжку.

Клыки тут же разжались. На морде животного на секунду даже отразилось недоумение: как это боль пропала? Куда она делась? Что сделал этот человек?

Нуска только рассмеялся, хлопнул ладонями по бёдрам и поднялся на ноги, отирая руки от слюны. Он не пытался стать благодетелем или собачьим лекарем, но... Не мог лекарь пройти мимо нуждающегося, когда ему всего-то и надо было, что протянуть руку, чтобы облегчить страдания.

Странное ощущение роем холодных мурашек спустилось от затылка вниз по позвонкам. Нуска быстро спрятался в тени, но успел увидеть чей-то развевающийся плащ и собранные в хвост каштановые волосы.

В Арценте молодых людей такой внешности было пруд пруди, но Нуска старался как можно меньше доверять своим глазам и как можно больше – чутью.

Выглянув из-за поворота, лекарь уставился на удаляющуюся спину высокого мужчины. Его поступь была легка и развязна, он шёл так, словно владел всем миром и не знал, что такое страх.

«Вьен».

Нуска узнал бы его из тысячи по одной только походке и дэ. Получается, что после пленения в Эрьяре и освобождения он направился напрямик на родину, в Арценту? Но зачем?

«Так много всего произошло, что я, blathien⁶, совсем об этом забыл! Вьен ведь потомок главного рода арцентов. Но он же и убийца предыдущего наместника, своего отца. Что, tje vae⁷, он здесь вообще забыл?! Неужели его совсем...»

... не мучает чувство вины?

Конечно, наёмник не может мучиться от чувства вины. Но ведь и Гевер Ариера – не просто цель для убийства, а его родной отец!

Нуска с каждой встречей всё больше разочаровывался в старшем брате. Этот человек, который на протяжении нескольких лет был для него примером и опорой, совершал всё более и более чудовищные поступки.

---

⁶ Blathien – ругательство, в одном из значений – экскременты.

⁷ Tje vae – ругательство, буквальный культурный перевод: «провалился в бездну», «бездна дери». Синоним русского выражения «чёрт побери».

Вот и сейчас Вьен не просто так болтался по улице, а примкнул к группе, одетой в длинные бордовые плащи. Никто в Арценте не одевался подобным образом – здесь почти все ходили с голыми пупками и накидывали на плечи полупрозрачные ткани, чтобы не сгореть на солнце. Даже Нуска был вынужден сменить свою тёплую одежду на лёгкие шаровары из местных тканей и укороченную жилетку без рукавов.

Нахмурившись, Нуска обмотал вокруг головы белый лёгкий платок и направился следом, пытаясь затеряться в толпе.

Люди шумели, громко обсуждали назревающую войну и стоимость мяса. Толпились, спорили, обнимались и обменивались поцелуями в щёки.

Всё как и всегда. Никто не обращал внимания на странных людей в красном. Нуске в какой-то момент показалось даже, что, может быть, он перегрелся и всё это ему привиделось.

Однако несколько услышанных разговоров открыли ему глаза:

– Они опять здесь...

– Что им нужно? Неужели опять собираются мутить воду?

– Сплошная суета. Чем им только не угодил... Кхм... В общем, не понимаю я их.

– А ведь сильнеешие воины Арценты. Лучше бы выступили против Дарвеля, а не...

– Тише-тише. Пойдём в дом...

Один из зевак приобнял друга за плечи и повёл скорее в тень узкой улочки. Пристальный взгляд Вьена уже прожигал болтунам спину.

Все расступались, склоняли головы и сбега́ли с улицы, пропуская странную группу из десяти арцентов. Все делали вид, что не знают их, но на самом деле прекрасно понимали, кто перед ними.

«Повстанцы», – мысленно заключил Нуска и почувствовал внутри дрожь.

Учитель Хайи, Хинг, лидер карборских повстанцев, оказался просто завистливым старикашкой. Вьен же был фигурой куда более пугающей и влиятельной. Он бы не моргнул и глазом, вспарывая брюхо каждому, кто промолвил хоть слово против его идеалов.

Вьен ненавидел знать, ненавидел власть имущих, ненавидел богатство и расточительность. Нуска догадывался, что даже его собственное мировоззрение было сформировано под влиянием старшего брата.

Нуска был аккуратен. Он двигался медленно, медленно перебирался из одной тени в другую, но в какой-то момент Вьен всё равно резко остановился. Окружавшие его арценты застыли в нескольких шагах впереди.

– Что-то не так?

– Да, из-за чего задержка? Нам нужно поскорее убраться с главных улиц.

– Хвост, – тихо и мрачно проговорил Вьен. И Нуска словно вживую увидел усмешку, отразившуюся на его лице.

Прежде, чем рука старшего брата достигла груди и обнажила оружие, в толпе поднялась суматоха. Один из прилавков, доверху наполненный овощами и съестным, вдруг перевернулся: Нуска только с удивлением проследил глазами за катящимися в пыли кочанами капусты.

– Ах ты, дрянной мальчишка! Что натворил?!

– Нельзя было поаккуратнее! Кто теперь всё это будет собирать, а?! Да как я вообще продам такой товар?!

– Возмещать убытки как будешь? Твои одежды что-то не больно дорогие, а...

– Стойте, это разве не брат Жамина? Ну этот, как его...

– А-а... Полукровка. Что с него взять! Откуда тут взяться манерам. Плати!

Сердце Нуски несколько раз чуть не покинуло грудную клетку. Он часто дышал, вцепившись похолодевшими пальцами в стену дома.

Однако всё внимание Вьена захватило это маленькое происшествие. Он ещё немного постоял, цыкнул себе под нос и быстрым шагом направился дальше. Видимо, он хотел совер-

шить расправу быстро, но теперь, когда на улице собралась целая орущая толпа, это так просто не провернуть. И Нуска, не желая вновь подвергать себя угрозе, воспользовался подаренным шансом и побежал в сторону дома.

Но страх всё равно тугим кольцом свернулся где-то на дне желудка.

– Оанн, как ты там оказался?! Ты хоть понимаешь, насколько это было опасно?!

Нуска чувствовал, что слишком взбудоражен случившимся. Его голос гремел на весь дом.

– Я... Я... Нуска, простите... – только промолвил мальчишка и спрятал лицо за длинным голубым платком. Лекарь не дал ему даже снять верхнюю одежду: как только Оанн живым и невредимым вернулся домой, то сразу же потащил его в свою комнату.

– Простите?! Ты разве не почувствовал, что они опасны?!

– Мне не надо чувствовать. Я знаю, – несколько обиженно отозвался Оанн и опустил голову ещё ниже.

И Нуска только тогда понял, что этот юный арцент наверняка даже не заметил мощную дэ, исходившую от повстанцев. Лекарь разом остыл и громко сокрушённо вздохнул.

Вскоре на шум пожаловал Жамин, но Нуска с Оанном уже сидели на матрасе. Лекарь тихо распивал вино, а юнец – виноградный сок.

– Что за шум? Что-то случилось в городе? Нуска, ты снова воровал, да?

О, этот возмущённый тон и насупленные брови! Лекарь разом почувствовал себя лучше и поднял чашу вина.

– Братец Жа-амин, присаживайся. Я не воровал, это всё то вино, что я не допил вчера, – с улыбкой протянул Нуска. Он и сам не знал, почему от одного вида этого злобного лица ему на душе становилось легче.

– Что-что? Ты ещё предлагаешь мне пить с тобой краденое вино?! Хочешь познакомить свою голову с кувшином?! Ну, так я тебе это устрою!

Кто-то другой наверняка подумал бы, что это пустые угрозы. Но Нуска знал: Жамин – человек слова. В его руках очень быстро оказался опустевший сосуд, который тут же полетел прямо в голову лекаря.

Нуска бросил лишь один взволнованный взгляд на Оанна, сидевшего рядом, и ловко увернулся, утянув мальчишку следом. Кувшин оказался разбит вдребезги о стену, но никто не пострадал.

– Рассказывай, что случилось сегодня! Что ты снова натворил, бесстыжий лекарь?! Кому из моих друзей доставил неприятности?! Разве ты можешь просто выйти в город и вернуться оттуда с хорошими вестями?! Да ты только и делаешь, что притягиваешь беды! Моя голова и так без конца забита заботами торговой ассоциации, а ты... ты... ты!..

Бесконечный поток ругани прекратился только в тот миг, когда Нуска незамеченным подобрался к Жамину и привычно поцеловал его в щёку, дружелюбно улыбаясь.

– Со мной всё в порядке, Жамин. Не стоит так беспокоиться. И Оанн тоже в порядке.

С лица арцента сошли все краски. Он сделал несколько шагов вперёд и плюхнулся на пятую точку, практически присев задом на осколки. Его придирчивый взгляд лишь скользнул по учинённому беспорядку, но он всё равно занял место на матрасе.

– Слава духам, – тихо ответил он и опустил веки, а затем прикрыл ладонями лицо.

Нуска покачал головой. Он успел неплохо изучить повадки этого мужчины, закатывающего скандалы подобно избалованному знатному hve⁸.

– Налей мне выпить, – процедил Жамин и поднял чашу, из которой ранее выпивал Нуска.

Лекарь только плечами пожал и закатил глаза, а затем исполнил просьбу.

---

⁸ Hve – ругательство, в одном из значений – оскорбление в сторону человека, сравнение его с животным, грубый синоним русского слова «скот».

Они сели втроем на матрасе, потеснившись. Жамин зажёл свечу и устроил лампаду на полу. Этот торговец не был так уж богат, а потому экономить приходилось на всём подряд.

Сначала Нуска и Жамин молча выпивали из одной чаши, по очереди передавая её другу. Оанн же сидел тихо как мышка, ковыряя собственные пальцы.

Вскоре Жамин не выдержал и начал расспрашивать:

– Так что, проклятая бездна, произошло в городе?

– Жамин. – Тон Нуски стал серьёзным, а глаза блеснули в темноте. – Расскажи всё, что знаешь о повстанцах в Арценте.

На секунду арцент словно проглотил язык. В его глазах вновь всколыхнулась такая буря чувств и ярости, что лекарь неосознанно прикрыл руками голову, боясь последующего удара.

Однако подвыпивший Жамин всегда становился мягче. Он сдержался и, скрипя зубами, заговорил:

– Куда вы... успели влезть? Вы думаете, что моё влияние безгранично? Бездна, я обычный торговец, Нуска! Я не эрд! Я не смогу защитить тебя от всего на континенте!

– Мы никуда не влезли. Благодаря Оанну. Но... я знаком с одним из повстанцев. И мне нужно больше информации, – медленно проговорил Нуска и потянулся к чаше, но Жамин отказался передавать её.

– Местные хулиганы, разбойники, работники увеселительных заведений, другие торговцы, а теперь – повстанцы... – часто дыша, перечислил Жамин, а затем запрокинул голову и разом влил в рот содержимое чаши. Утерев губы, он, постепенно повышая тон, продолжил: – Что случится завтра, Нуска? Я узнаю, что ты настроил против себя наместника Арценты? Весь город? Весь Скидан? Весь континент?!

В какой-то момент даже у Нуски кольнуло где-то под сердцем. Он виновато склонил голову.

– Жамин, я... не хотел навлекать неприятности на твою голову. Это было в последний раз, – тихо пробормотал лекарь. – И всё же Расскажи мне всё, что знаешь об их организации...

– Организации? Думаешь, всё так просто? – шипел Жамин, наполняя чашу за чашей и залпом осушая их. – Это тебе не детские игры, Нуска. Эти люди опасны. Мы не отделаемся одними угрозами и штрафами, если встанем у них на пути. Они способны не только припугнуть, но и...

– Убить, – кивнул лекарь и криво усмехнулся, отбирая чашу у быстро пьяневшего арцента. – Я лучше других знаю об этом, Жамин. Вьен – мой названный брат.

В комнате повисло молчание. Даже Оанн, который ранее делал вид, что не вслушивается в разговор, вдруг вскинул голову и уставился на Нуску.

– Но этого не может быть. Вьен – убийца, это знают все, – проговорил мальчишка. – Он не может быть твоим братом.

– Оаннес, откуда ты... – начал Жамин, но Оанн и не думал его слушать.

– На той неделе Вьен убил женщину, сборщицу налогов. На этой неделе он посещал самого наместника и, кажется, был принят как гость. Господину Нуске не стоит в это лезть, – покачал головой Оанн и тут же вновь опустил взгляд.

Хаванец и арцент застыли, разинув рты. Если Нуска всё ещё плохо разбирался во внутренних делах города, то Жамин наверняка должен был знать все новости и сплетни, но сейчас даже он выглядел ошеломлённым.

– Оаннес, ты хочешь отправить меня поскорее на небосвод? Так ты не со стариками в море ходишь, а таскаешься по переулкам со всяким сбродом?!

Весь гнев Жамина сразу же перекинулся с лекаря на Оанна. Только вот мальчишка почему-то сейчас выглядел на удивление спокойным под этим горящим взглядом. Он всё ещё сидел, сложив перед собой руки, а затем тихо промолвил:

– Я нигде не шатаюсь. Я наблюдаю и слушаю, – его голос звучал обиженно, – и, в отличие от тебя, я могу рассказать Нуске то, что он хочет.

У Нуски было всего мгновение, чтобы предотвратить ссору. Жамин уже занёс руку, когда лекарь влез между братьями и подставил лицо. Конечно, он мог бы отбить этот удар, но тогда стычка переросла бы в драку. Лучше было позволить арценту выпустить всё накопленное за день напряжение.

Смачный удар ладони пришёлся ровно по щеке. Нуска припомнил, как днём дал собаке покусать себя, теперь же – позволил себя ударить. Возможно, он действительно нескоро сможет привыкнуть к своему положению сурии и всем этим треклятым привилегиям.

– Оанн, выйди, – тихо скомандовал лекарь.

Мальчишка замялся, но, бросив взгляд на вновь закипающего брата, повиновался. Когда дверь хлопнула, а хаванец и арцент остались наедине, Нуска больше не медлил. Он занёс руку над головой мужчины, но совсем не для удара. Повалив Жамина на матрац, прямо на оставшиеся там осколки, он накрыл лицо арцента ладонью и воспользовался светлой дэ. Мягкие блики осветили искажённое от бешенства лицо Жамина, и постепенно его черты начали смягчаться, а гримаса медленно сползла с лица.

– Я думал, что вчерашнего кровопускания будет достаточно, но ошибся. Жамин, ты болен. Ты должен чаще прибегать к использованию огненной дэ, она туманит твой рассудок и сводит с ума, – спокойно заговорил Нуска, сдерживая рыпающегося торговца.

– Ни за что! Я не собираюсь... – вновь громко заспорил Жамин, и тогда лекарь усилил поток энергии. Арцент закусил губы, но не издал ни звука, хотя можно было догадаться, что он испытал сильнейший приступ боли.

– Это перегрузка дэ в каналах, Жамин. Ты небезопасен даже для собственного брата. Выходи на пустошь и жги всё, что захочется. Что тебя останавливает?

– Тебя это не касается, пустоголовый лекарь.

Нуска вздохнул, но продолжил лечение. Светлая энергия медленно очищала разум арцента, его помыслы. Но лекарь догадывался, что всё не так просто. От этой напасти нельзя избавиться, лишь пощупав голову больного.

Однако теперь Нуска с большим восхищением вспоминал эрда, который мог держать себя в руках даже тогда, когда его разум был целиком забит чёрным маревом.

Вскоре Жамин пришёл в себя, но и не подумал извиняться. Ушибленная щека горела, и Нуска, не желая расхаживать побитым, быстро снял тянущую боль.

– Оаннес прав: я не смогу рассказать тебе больше. Он всегда был довольно наблюдателен, его память тоже заслуживает доверия. Так что обратись по этому вопросу к нему.

Жамин ушёл и оставил лекаря в замешательстве. Нуска знал: если он покинет город так скоро, как планирует, то этот арцент, скорее всего, погибнет.

«Ему уже двадцать пять? Средний срок жизни арцента... Сорок, пятьдесят лет? Разве это не слишком мало? Разве жизнь сурии должна быть так коротка?»

Нуска поднялся и встал у окна. Перед ним раскинулся город, утопавший в холодном звёздном свете. Голые стены жёлтых домов-коробок, песчаные дороги, а вдалеке – верхушки дворцов знати. Никакой растительности, только бесплодная почва и сухой горячий воздух.

Лекаря вновь преследовали проблемы, и он не мог закрыть на происходящее глаза. Ведь повстанцы – это не просто кучка разбойников, это самопровозглашённые борцы с существующей властью. Если Оанн сказал правду и их поддерживает сам наместник, то... Это ведь предательство. Это угроза не только порядку в стране, но и самому эрду.

В данный момент Син не может покинуть фронт и заняться делами в Арценте так, как сделал это в Карборе. Возможно, в этом и состоял план правителя? Направить Нуску сюда для решения возникших трудностей? Поддержать его на юге, укрепить влияние эрда?

Нуска тихо посмеялся над собой и свесил руки из окна.

Нет. Син никогда бы не посмел рассчитывать на чужую помощь.

– А я ведь возьму и помогу, – с улыбкой проговорил себе под нос Нуска.

Он долгое время стоял, смотря на два огромных белых шара на фоне чёрного неба.

Нуска не просто направится к Жеро Герье и попросит вытащить себя из Арценты. Нуска попытается повернуть ещё одну знатную шалость.

Дождаться пробуждения пьяного Жамина Нуска не стал, но оставил записку. Под покровом ночи лекарь покинул дом торговца, но не один. Весь месяц Нуска не обращал никакого внимания на слабого и скромного парнишку, который жил с ним под одной крышей, но оказалось, что этот юнец обладает недюжинными талантами.

– Жеро Герье – обладатель посоха, один из сильнейших сурии в Арценте. Наверное, он единственный, кто может помериться силами с Вьеном. Господин Нуска, вы говорили, что Вьен – потомок семьи Ариера? Тогда повстанческое движение в городе – это не просто бунт. Это переворот. Если место действующего наместника займёт такой человек, то начнётся междоусобная война. Вы ведь хотите поддержать эрда Сина в этом противодействии, верно?

Нуска впервые слышал, чтобы Оанн говорил такими сложными и длинными предложениями. Ни разу не заикнувшись, тот за раз выдал всю расстановку сил в Арценте, однако продолжал смотреть на лекаря круглыми и невинными глазами. Что ещё скрывает этот полукровка? Стоит ли ему доверять?

– Верно. Пока мы будем добираться до поместья Герье, расскажи мне всё, что знаешь. Ты сможешь мне... подыграть? – Нуска, проговорив это словечко, улыбнулся. Давние воспоминания захлестнули его.

– Господин Нуска, я сделаю всё, что вы скажете. Спасибо, что взяли меня с собой. – Оанн сказал это тихо и так широко улыбнулся, что Нуска почувствовал укол вины.

Он не должен был пользоваться расположением этого мальчика. Не должен был, но выбора не оставалось. Ему нужна была помощь, чтобы претворить свой план в жизнь.

Глава 53. Жеро Герье

Длинный и тёмный потайной ход под землёй был отвратителен. Нуска мысленно проклял всю Арценту, пока пробирался по тесному лазу, но ни разу не пожаловался и не подумал повернуть назад. Оанн был медлителен, но аккуратен: с ним хоть и приходилось придерживаться непривычно медленного темпа, но полукровка первым подмечал приближение стражи.

Когда они выбрались с другой стороны стены, ночная звезда уже сдвинулась на несколько пальцев ниже. Внутри вторых ворот в городе располагались резиденции богачей и знати. Здесь же Нуска и увидел три самых отвратительных в своём великолепии дворца. Один был огромен и похож на спускающиеся с небес ступени. Жёлтый массив закрывал небеса и звёзды, протыкая верхушкой небосвод. Другое здание, наоборот, было округлым, как яйцо: неизвестно, каким образом были уложены кирпичи, но к постройке невозможно было придраться. Третий же дворец как раз и был сооружен в форме пирамиды, устремленной ввысь. Несколько балконов украшали необыкновенный гладкий фасад, а резные округлые окна приглашали бывшего воришку пробраться внутрь.

Только вот всё не могло быть столь просто. Там, где есть знать, всегда крутится и орава стражников, готовых защищать своих господ до последней капли крови.

Но ночные улицы были пусты, а все фонари – погашены. Голая песчаная земля, на которой не росли ни деревья, ни кустарники, не могла скрыть двух пробравшихся внутрь нарушителей. Нуска на секунду даже растерялся: как можно спрятаться на этом пустом жёлтом участке?

– Господин Нуска, давайте проберёмся вдоль стены. Мне кажется, стража уже отправилась спать. Мало кому из горожан могло прийти в голову влезть на территорию сильнейших сурии в городе, – тихо подсказал Оанн.

Нуска обернулся и вновь увидел эти цветастые и блестящие в холодном звёздном свете глаза. Мальчишка выглядел на редкость спокойным и счастливым, кажется, он на самом деле наслаждался тем, что оказался полезен. Он даже не был напуган: Нуска зря его недооценивал.

Лекарь в который раз огляделся, а затем спустил с руки два сгустка светлой энергии: эти маленькие ищейки обычно были бесполезны, но периметр возле дворца обыскали быстро и вернулись ни с чем. Пусто. Ни одного охранника.

– Но разве это не странно?.. – тихо заговорил Нуска и сглотнул. К горлу подступил комок: он понял, почему вся эта ситуация его напрягала. Даже голос на секунду отказался повиноваться.

В последний раз, когда он пробрался на чужую территорию и не встретил сопротивления... все жители того места оказались мертвы.

Нуске потребовалось собрать все свои силы в кулак, чтобы не потерять лицо. Но он всё равно заметно побледнел и, пряча помрачневшее лицо под платком, медленно пошёл вдоль стены.

«Кровью не пахнет. Скоплений тёмной дэ нет. Успокойся».

Вокруг дворца-пирамиды была всего одна невысокая изгородь, обвитая шипами. Нуска недоверчиво посмотрел на неё и обвёл взглядом видневшуюся меж металлических прутьев пустынную площадку. Ни цветов тебе, ни деревьев, ни фонтанов. Ничего из того, чем предпочитает украшать свои дворы знать. Неужто Арцента настолько бедна?

Лекарь знал, что необходимо сделать выбор. Стоять на месте и мяться, конечно, безопаснее, но так они никогда не попадут внутрь. Однако стоило Нуске сделать шаг вперёд, как Оанн вдруг побежал – он первым достиг изгороди и коснулся её.

– Господин Нуска, можем попробовать взобраться. Она безопасна, – сказал мальчишка, обернувшись на лекаря.

– Не делай так больше. Ты ведь даже не можешь почувствовать, опасна ли она, – нахмурился Нуска и медленно подошёл к забору. Он всё ещё не мог понять мотивы Оанна, но совсем не одобрял его методы. Поскольку и сам раньше предпочитал сначала влезть в болото по пузо, а потом проверить, есть ли там дно.

– Зачем мне это чувствовать, если я знаю, что Герье никогда не заботятся о безопасности своего внутреннего двора? – непонимающе переспросил Оанн.

Нуска в который раз изумился. Если он всю жизнь руководствовался внутренним чутьём, то мальчишка полагался только на факты и логику.

Сначала лекарю захотелось поспорить и таким образом утвердить своё положение старшего, но он вдруг улыбнулся и потрепал Оанна по волосам. Ну разве не весело попробовать что-то новое? Отправиться навстречу опасности, полагаясь на кого-то другого, а не только на пресловутые ощущения, которые также могут быть обманчивы?

Не раздумывая ни секунды, Нуска взмыл над изгородью и приземлился ровно на острые шипы. Подошва надёжно защищала ступни, так что лекарь помог Оанну забраться наверх, а затем они вместе плавно спустились вниз с противоположной стороны.

Ночь. Вдали слышались завывание ветра в степи и оглушительное пение сверчков. Ни голосов, ни шороха шагов.

Абсолютно безнаказанно добравшись прямо до стены дворца, Нуска запрокинул голову и уставился в окно, на котором не было ни решётки, ни стекла. Влезай и бери что хочешь.

– Посторожи здесь. Если почувствуешь... верней, заметишь опасность, то беги, – успел только сказать Нуска прежде, чем подпрыгнуть вверх и уцепиться за оконную раму.

Только вот... что-то тут же тяжестью оттянуло ногу вниз. Лекарю ничего не оставалось, как быстро подтянуться и перевалиться через окно прямо на пол. Ещё секунда – и он упал бы и превратился в самую симпатичную лекарскую лепёшку.

Нуска злобно уставился на Оанна, который сейчас валялся прямо перед ним на жёлто-зелёной плитке. В данной ситуации громко ругаться и выяснять отношения было невозможно, так что лекарь решил, что устроит мальчишке трёпку по прибытии домой.

– Вы пришли к дяде?

Сердце ёкнуло и ухнуло куда-то вниз. Нуска обернулся и вскочил на ноги, однако перед ним оказалась всего лишь маленькая девочка в длинном белоснежном платье. Малышка даже в юном возрасте обладала невероятной красотой: её бронзовые волосы не просто вились, а плотными ровными кудряшками спадали на узкие плечики. Огромные карие глаза блестели в ночи. Лекарь бы поддался обаянию малышки и сразу же выдал все планы, не почувствуя он, какая мощь исходит от этого хрупкого ребёнка. Огненная дэ искрилась в воздухе и потрескивала всё сильнее и сильнее, наполняя жаром детскую спальню.

– Мы... Мы... – попытался подобрать слова Нуска, но язык не слушался. Как правильно разговаривать с детьми? Что им нравится? Как убедить её, что они пришли с миром?

В который раз за день на помощь пришёл Оанн. Мальчишка присел на корточки и вдруг вынул из-за пазухи красивый жёлтый цветок. На его устах отразилась обворожительная улыбка.

– Мы пришли выразить своё почтение Ванери Герье, первой красавице Арценты и наследнице могущественного рода, – уверенно выдал он и прикрыл с той же легкомысленной улыбкой глаза. Однако, видимо, зная, что его необычная внешность является преимуществом, – тут же распахнул их вновь, заставляя малышку замереть на месте и с интересом его разглядывать.

– Но всё же вы хотите увидеться с дядей? – нахмурившись, уточнила девочка, однако цветок приняла и вдохнула сладкий аромат.

– Да, но только для того, чтобы он разрешил нам провести с тобой время, – ласковым тоном ответил Оанн.

Нуска почувствовал странное дуновение в воздухе, но ничего не смог различить за бурной энергией девчушки.

– Хорошо, тогда идите за мной. Гирру сейчас должен быть в гостиной. Стражу он отослал несколькими часами ранее – хотел побыть один, – начала рассказывать Ванери, взяв Оанна за руку и потянув за собой. – Только вот он очень не любит гостей... Вы уверены, что хотите с ним увидеться? Оружие взяли?

Нуска с ужасом смотрел на эту малышку, которой на первый взгляд нельзя было дать больше семи лет. Только вот излагала свои мысли она по-взрослому просто и лаконично, да ещё позаботилась о том, чтобы нарушители держали оружие наготове. Нуска понял, что совершенно позабыл взять с собой клинок... С тех пор, как он оказался в Арценте, ему не приходилось сражаться. Не по торговым улицам же меч таскать.

Но Оанн бросил один уверенный взгляд на лекаря и подкинул в воздух маленький клинок – Нуска тут же перехватил его, разглядывая переливающееся всеми цветами радуги лезвие.

– Господин Нуска, возьмите. Вы намного лучше меня владеете навыками ближнего боя, – с улыбкой проговорил мальчишка, а затем последовал за девочкой, которая уверенно повела его к выходу из комнаты.

– Оанн... А вдруг это ловушка? – предположил Нуска, заткнув кинжал за пояс. Он поспешил догнать двоих, которые уже быстрым шагом пересекали коридор.

Дворец хоть и выстроили в изысканной форме, но внутри он был обставлен просто: всего несколько колонн и балюстрады лестницы подчёркивали высокий статус владельца. Искусные картины и тканые обои украшали стены, но в сравнении с другими дворцами, где Нуске доводилось побывать, этот был уж слишком скромным. Может, и владелец его тогда не будет чересчур заносчив?

«Гирру... Но ведь мы пришли встретиться с Жеро. Неужели придётся иметь дело с ещё одним аристократом?»

Нуска крепче взялся за кинжал. Эта девочка, Ванери, продолжала уверенно петлять по коридорам до тех пор, пока они не вышли в самый центр пустынного здания.

– Не беспокойтесь, Нуска. Она не будет нам врать, – тихо заверил Оанн, чьи глаза в блёклом освещении блестели необыкновенно ярко. Рябая радужка переливалась, а решимость, которая светилась на лице мальчика, странным образом ему шла.

Но Нуска не верил в такие перемены. Скромный и заикающийся юнец не мог в одну секунду преобразиться до такой степени, чтобы теперь успокаивать Нуску и давать советы. Либо его первый образ был поддельным, либо... Что-то иное сейчас придавало юноше, который только дорос Нуске до носа, уверенности.

Они пересекли залу, где были расставлены диваны и книжные шкафы. Кажется, богачи называют это гостиной? Под ногами приятно шуршал ковёр с длинным ворсом, а свечи в нескольких канделябрах слабо мерцали, придавая комнате таинственность.

Впереди, между двух колонн, виднелась арка, ведущая на балкон. Длинные прозрачные шторы танцевали от порывов ветра, пряча фигуру застывшего в проёме человека.

Нуска разом напрягся и встал столбом, останавливая за плечо Оанна. Сильный аромат вновь ударил в ноздри и заставил позабыть обо всём: где он, что здесь делает, как оказался так далеко от дома. В одно мгновение все мысли покинули голову, а на место им пришла пугающая картина.

Огромный цветущий сад. Нет, оранжерея, переполненная дивным запахом цветов и раскалывающаяся пополам, не в силах удержать в себе такое обилие диковинных растений. Тихо щебечут птицы, бабочки, взмывая в воздух, перепархивают с одного соцветия на другое. Цветы мягко подрагивают и склоняют макушки от переизбытка влаги. Но в одно мгновение всё меняется. Волшебный сад полнится безмолвными стонами нежных растений, а к небесам поднима-

ется дым. Оранжевая, сверху донизу охваченная пламенем, сгорает дотла, наполняя окрестности этим пугающе-дивным ароматом.

Нуска покачнулся, не в силах вынести чувств, заложенных в это воспоминание. Словно с него начинался мир и им же заканчивался. Словно этот человек, который сейчас медленно развернулся, чтобы взглянуть на гостей, навсегда застыл в том мгновении.

Это точно был Жеро. Казалось, сейчас, в ночи, он не прятал своих истинных способностей и, будучи потревоженным, не смог сразу взять себя в руки. Наверное, то, что его застали в миг душевной слабости, должно было вызвать вспышку гнева, но глаза арцента лишь зажглись ярким пламенем.

Молодой мужчина был одет в один красный атласный халат, выгодно подчеркивавший его фигуру. Капли пота стекали по обнаженной груди, а волосы цвета меди отливали в полутьме золотом.

Нуска помнил, что Жеро выглядел впечатляюще, но сейчас смутные воспоминания казались лишь жалким отблеском. Сильные руки, смуглая кожа, глаза в тон волосам и пышные ресницы. Как и у эрда, красота его была бесполой в силу отсутствия каких-либо изъянов.

– Это... ты? Это правда ты? Нуска, ты пришёл повидать меня? – удивленно-радостным тоном отозвался Жеро, быстро сокращая дистанцию между ними.

Оанн попытался влезть вперёд, но разве мог он что-то противопоставить двум сурии? Нуска отпихнул мальчика назад, чтобы через секунду оказаться схваченным за платок, повязанный на шею.

Жеро был всего на несколько сантиметров выше, но сейчас, когда лекаря приподняли над землёй, эта разница казалась существенной. Нуска почувствовал удушье, но стерпел, вызываясь глядя на бывшего соученика.

– Ха-ха, да. Вспомнил намеренно, что ты приглашал к себе... Только вот, кхм, мог бы ты опустить меня?

– Намеренно?! Ха-ха-ха, хорошо! Хорошо. Прости, я немного пьян и вышел проветриться. Совершенно не ожидал, что ты решишь зайти сегодня, да и... – Жеро скользнул взглядом по двоим, застывшим за спиной лекаря. От арцента повеяло холодом, – притащишь с собой мусор.

– Не отзывайся так о моих друзьях, Жеро, – нахмурился Нуска и тут же ударил аристократа по руке, рванув в сторону и выбираясь из хватки. Конечно, ему не хотелось злить его, но и позволять сурии поливать Оанна грязью он не мог.

– Я не только о нём, – сухо улыбаясь, проговорил Жеро, но лекаря отпустил. – Если ты хочешь говорить со мной как друг, то им придётся выйти.

Нуска на секунду еле сдержался, чтобы не расквасить самодовольное лицо этого аристократа. Оанн хоть и не был чистокровным сурией, но оказался умным и способным парнем. А эта девочка, Ванери, приходилась Жеро племянницей. Как он может называть их мусором? Кто вообще позволил ему произносить такие слова?

– Нуска, мы выйдем и поиграем на первом этаже. Не беспокойся, – тихо сказал Оанн, коснувшись плеча лекаря. После он без какой-либо обиды на лице вышел вместе с ребёнком из комнаты, направляясь к лестнице. Только вот девочка ещё несколько раз обернулась через плечо, бросая на двух молодых людей нечитаемые взгляды.

Жеро разом смягчился. Обойдя диван кругом, он грациозно приземлился на мягкие подушки и, закинув ногу на ногу, подлил вина в оставленный там бокал.

– Нуска, выпьешь со мной? Мы так давно не виделись... – начал с улыбкой Жеро, но его перебили.

– Я, вообще-то, по делу, – коротко ответил лекарь и плюхнулся рядом, развалившись. Теперь он совершенно не намеревался соблюдать хоть какие-то приличия. Этот знатный *hve* всего за несколько минут успел показать всего себя: самодовольного, высокомерного и малодушного.

– Как же так? Разве ты не собирался попросить о помощи? Даже не уважишь меня? – приподняв брови, проговорил Жеро, а затем наполнил второй бокал и впихнул его Нуске в руки.

– Это было до того, как ты столь высоко оценил моего спутника, – с недовольством в голосе ответил лекарь и отвернулся. Арцент продолжал пытаться его взволнованно-радостным взглядом, а Нуска не мог понять, чем мог вызвать столь хорошее настроение у этого аристократа.

– Незачем тебе якшаться со всяким сбродом. Они тебе не ровня. Чем какой-то полукровка может быть полезен избраннику духов? – со скучающим видом сказал Жеро, насильно чокаясь с Нуской, наполняя комнату чистым звоном хрусталя. – На самом деле и я бы хотел кое о чём тебя попросить... Это слишком важно для меня. Думаю, ты можешь рассчитывать на услугу за услугу.

Жеро тут же осушил бокал залпом. Красные капли, напоминающие кровь, потекли по его подбородку, окрашивая кожу в красный.

– Подожди... О чём ты? – неуверенно переспросил Нуска, во второй раз услышав от Жеро о каких-то там «избранных». В прошлый раз он счёл этого мужчину сумасшедшим, но во второй раз вскользь оброненная фраза звучала уж слишком убедительно. Арцент действительно в это верил.

– Хм-м. Моё настоящее имя – Гирру. Неужели тебе это ни о чём не говорит? – с явным удивлением на лице уточнил арцент и даже подался вперёд, нависая над Нуской.

– Имя? Откуда же мне знать его? Все вокруг называют тебя Жеро.

– Конечно. Какой дурак выдаст противнику свою истинную сущность? – продолжал с улыбкой Жеро, а затем коснулся пальцами бокала ошеломлённого лекаря, наклоняя. Губ Нуски коснулся холодный хрусталь. – Но я думал, что ты в курсе подобных вещей. Тебя никогда не смущало, что ты назван столь странным именем?

– Но оно лесное... – запротестовал Нуска, но не успел выдать ни слова больше. Арцент отставил собственный бокал на стол, а затем едва ли не силой влил вино лекарю в рот. Терпкий алкоголь полился по глотке, обжигая нутро. Это вино оказалось куда крепче того, что обычно пил Нуска.

– О, нет. Тебя нарекли сами духи. Как и меня. Как и ещё нескольких жителей Скидана. Если хочешь узнать немного больше, то... – Жеро шептал, а глаза его с каждой секундой вспыхивали всё ярче. Он вдруг отбросил наполовину опустевший бокал на пол – тот со звоном раскололся, разбиваясь в пыль от мощного броска. Арцент точно обезумел. – Помоги мне. Загляни в мои воспоминания и найди того, кто виновен. Найди того, кто убил мою сестру.

Этот шёпот походил на рычание дикого зверя. Арцент обладал немислимой мощью, а в этот момент в его глазах пылал огонь и даже распушенные волосы вспыхнули. Жаркие языки пламени танцевали прямо у мужчины на голове, не ранив его и не сжигая прядей. Но Нуска догадывался, что для других прикосновение этого огня будет куда болезненнее.

– Я... я не уверен, я никогда не видел чужих воспоминаний по собственной воле. Но если ты поможешь мне... то я сделаю всё возможное, – честно ответил Нуска, сдерживая лёгкую дрожь. Раньше ему не приводилось иметь дела с безумцами, а потому сейчас он всерьёз беспокоился о собственной безопасности. Предсказать действия человека, который не только не в себе, но ещё и пьян, невозможно.

– Хорошо... Хорошо! Мне этого достаточно! – громко заключил Жеро, встряхнув лекаря за плечи. Постепенно огонь погас, но Нуска всё ещё смотрел на этого сумасшедшего с недоверием. – Я расскажу тебе всё, что знаю, окажу поддержку, в которой ты нуждаешься. Но ты... Ты проникнешь в мои воспоминания и найдёшь их. Тех, кто расправился с ней.

Нуска сглотнул и ещё раз кивнул. Ему не так сильно хотелось влезать в дела богачей, но и просить о безвозмездной помощи он не мог. Однако лекарь на секунду нахмурился, отпихнул арцента в сторону и выпрямился, стараясь сохранить лицо.

– Только держи себя в руках. Если нужно, я могу очистить твой разум от огненной дэ... – спокойно начал Нуска.

– Нет. Помутнение рассудка не затрагивает меня. Потому что мой разум давно помутнён одним-единственным происшествием. Ничто другое не может затмить его.

Лекарь содрогнулся и задышал чаще. Вновь перед глазами мелькали картины: один цветок за другим медленно сгорал, превращаясь в густой дым.

Значит, его сестра погибла именно в той оранжерее? И это так сильно волнует этого молодого сурии, что он день за днём цепляется за любую возможность, чтобы найти виновника? Не станет ли Нуска крайним, если Жеро не удастся узнать имя убийцы?

– Если ты до сих пор сомневаешься... – арцент вновь наклонился вперёд и, закинув руку на спинку дивана, зашептал лекарю на ухо: – то информация, которой я обладаю, в той же мере касается и эрда Сина.

И тогда Нуска понял, что у него нет выбора. Огни свечей еле заметно подрагивали, бросая блики на двух молодых людей. Но стоило лекарю ответить, как огонь взметнулся практически до потолка.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему. Но сначала ты поможешь мне свести на нет повстанческое движение в Арценте, а затем сделаешь так, чтобы я покинул город.

– Без проблем. Мой дом обладает достаточным влиянием, чтобы оказать поддержку в таком... незначительном деле.

Нуска почувствовал лёгкое головокружение. То вино действительно было очень крепким, но вряд ли было отравлено. Скорее всего, этому Жеро или Гирру... можно доверять.

Оставалось сделать последний шаг – дожидаться утра и уже на трезвую голову во всех подробностях обсудить план, который, к всё возрастающему самодовольству Нуски, у него уже был.

Глава 54. Повстанцы

Всё-таки то вино не было столь безобидным. Конечно, Нуска не отравился, но желание как следует прочистить желудок его не оставляло. Хоть он знал, что уже слишком поздно: об этом следовало подумать намного раньше.

Нуске пришлось остаться в комнате для гостей в этом пустынном поместье. На самом деле, только почувствовав неладное, лекарь был уверен, что Жеро всё-таки замыслил что-то, но... Тот вскоре уснул прямо в гостиной на диване, не заботясь даже о собственной безопасности. Словно он был уверен, что Нуска даже не подумает причинить ему вред.

Что за глупость! Почему никто не воспринимает его всерьёз?!

Лекарь сидел в комнате, закутавшись в простыни, и сдерживал всё возрастающее желание тела. Загадкой оставалось только одно – каким образом Жеро так быстро уснул под воздействием этой пакости? И почему вообще аристократы любят мешать всякую дрянь с алко-голем?! Это же сокращает и без того их короткий срок жизни!

Даже глотка оказалось достаточно, чтобы всё тело Нуски охватил жар, а напряжение в низу живота не спадало на протяжении часа. Однако Жеро выхлебал, кажется, весь графин. Неужели это тоже какая-то особая устойчивость или магия? Может, его навык – это невосприимчивость к снадобьям?

Ещё более странным было то, что в поместье Рирьярдов Нуска, отравленный афродизи-аком, никак не среагировал. Возможно, он и сам уже, не заметив, стал устойчив к воздействию тёмной энергии. Однако то снадобье, что ему довелось выпить сегодня, ядом не являлось. Самая обычная вытяжка из растений.

Когда Оанн постучал в дверь и не раздумывая отворил её, Нуска мечтал лишь об одном – провалиться сквозь землю, в бездну и, желательно, на самое её дно. Однако, с головой укутавшись в тонкие ткани, лекарь со вздохом, полным страдания, устроился на животе и отвернулся к стене.

– Господин Нуска...? С вами всё в порядке? Я уложил Ванери спать и узнал кое-что важное. Хотел бы доложить.

Он вновь говорил скромно, даже робко. И куда подевался тот уверенный в себе юнец, знающий ответы на все вопросы?

– Завтра... Поговорим завтра утром, – хрипло отозвался Нуска, стараясь не выдать своё плачевное состояние. Хотя его голос всё равно оказался на несколько тонов ниже, что не могло остаться незамеченным для полукровки, владеющего музыкальным инструментом в качестве оружия дэ. Его слух был так же хорош, как и слух Нуски.

Лекарь всё ожидал ответа, когда чья-рука вдруг коснулась его волос, а затем – плеча. Нуска тут же замахнулся – раздался громкий хлопок от удара. Только вот Оанн никак не отреагировал и не подумал жаловаться. Его заботило другое.

– Нуска... Вы заболели?! Почему ваша кожа такая горячая? Всё точно в порядке? Может быть... – обеспокоенно затараторил он.

– Просто выйди и дай мне отдохнуть. Всё совершенно точно в порядке, – заверил его Нуска, не поворачиваясь. Он предполагал, что мог не рассчитать силу удара, но сохранение достоинства для него сейчас было важнее всего остального.

– Тогда, если понадобится, зовите... Я остановился в соседней комнате, так что... – вновь неуверенно пробормотал Оанн, а затем со вздохом покинул гостевые покои.

Нуске, конечно, было стыдно за своё поведение, но и выбор оказался не так велик. Он даже не мог, оставшись в одиночестве, снять лишнее напряжение – за тонкой стеной ночевал этот мальчишка, да и само место не вызывало желания расслабиться.

Нуска сглотнул и остановил свою руку, которая уже была готова скользнуть под бельё. Нет. Сейчас совершенно не время и не место. Может, как-нибудь ночью в бане в отдельной купальне, может, когда-нибудь в другой раз...

В другой раз? Но в какой? Когда подходящий момент настанет?

Лекарь зашипел и впился зубами в собственное запястье. Боль быстро отрезвила мучавшегося от жажды Нуску, а потому он перекатился к прохладной стене и прикрыл глаза. Пот лился градом, тяжёлое дыхание наполнило комнату. Но Нуска направил все свои мысли лишь на одно – на обдумывание плана, который уже завтра должен будет исполнить.

Верно. Любая ошибка может стоить лекарю жизни. И сейчас совершенно точно последнее, о чём он должен думать, – это удовлетворение низменных желаний.

Пряча лицо под лёгким белоснежным платком, облачённый в струящиеся красные одежды тонкого кроя, Нуска уверенно пересёк железные ворота. Столь яркий костюм был выбран неслучайно – всё-таки прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он виделся с братом. Было просто необходимо его как следует удивить и выставить себя на посмешище.

Сначала стражники, одетые в длинные бордовые плащи, напряглись, но по какой-то причине даже не подумали препятствовать хаванцу. Словно лекарь с кем-то заранее согласовал свой приход и его очень ждали. Но... неужели Вьен предусмотрел и такой вариант развития событий? Насколько же он умен?

Повстанцы занимали территорию в первых воротах города, среди бедных селян и торговцев. Да и сами называли свою организацию торговой ассоциацией. Наверняка они, названные торговцами, не испытывали никаких трудностей при закупке оружия и провизии; им точно было нетрудно брать в аренду корабли и повозки, объясняя всё защитой караванов.

Территория их организации была большой, но скромной. Несколько разбросанных меж островков сухой травы палаток были сделаны из веток и тканей. Хотя в Арценте даже это считалось дорогим удовольствием – регион был беден на древесину.

Вооружённые до зубов арценты сновали по территории между низеньких построек. Нуска быстро смог взглядом выхватить несколько основных точек – оружейную, конюшню, крохотные палатки-казармы и кухню с открытым очагом. По сути, это был самый настоящий военный лагерь, разбитый посреди южной столицы. Неужели никто из людей эрда не мог просто отправиться сюда и оценить обстановку?

Нуска в который раз мысленно ругал Сина. Всё-то он делает самостоятельно, никому никаких важных дел не доверяет. Ну разве правитель может рассчитывать только на свои силы? Это вам не какая-то школа сурии, а целая страна, *i fer klaam*⁹!

Вскоре Нуску окружили. При нём был лишь один жалкий кинжал, рассчитывать на который было бы полнейшей глупостью. Да и вообще весь план упирался лишь в одно...

– Вьен. Позовите Вьена, я знаком с ним, – спокойно и чётко проговорил Нуска, даже не думая трусить под множеством враждебных взглядов.

– А что, вы с лидером договаривались о встрече? – сощурилась одна из арцентов с лицом, обезображенным старыми шрамами и ожогами.

– Кто ты вообще такой? Хаванцам здесь делать нечего, не лезь в дела арцентов! – выплюнул один из молодых бойцов.

– Почему мы не должны выпотрошить тебя прямо здесь и сейчас?! – с угрозой обратился мужчина, уже готовый обнажить духовное оружие.

– Потому что я младший брат Вьена? – так же хладнокровно вопросом на вопрос ответил Нуска и сложил руки на груди.

---

⁹ *i fer klaam* – крайне грубое выражение на лесном языке. Общий смысл: «любил я ваш рот».

Круг сужался. Чужое дыхание уже почти обжигало шею. Стало жарко и даже немного страшно, а переполох поднялся нешуточный. Всё больше и больше повстанцев стягивались к воротам, чтобы поглазеть на чужака и «младшего брата» Вьена.

Но Нуска на это и рассчитывал. Шум и возня в лагере наверняка привлекут внимание вышестоящих.

– Разве вам не нужен лекарь? Что, ранений совсем не получаете? – хмыкнул вновь Нуска, на что получил вполне логичный ответ:

– Уж точно получаем их меньше, чем армия эрда, которая сейчас сдерживает наступление на севере. Грех жаловаться на такую жизнь. А вот наши братья и сёстры воюют и умирают – может, лучше отправишься на передовую и поможешь им, эрдова шавка?

Нуску, который давно не слышал подобное обращение, аж передёрнуло. Но пугало другое – его узнали. Притвориться братом их лидера не вышло, а потому и расправиться с ним могут задолго до того, как Вьен сочтёт нужным отреагировать на происходящее.

– Но разве вы не собираетесь выступить против эрда и прервать войну, а также заключить мирное соглашение с Дарвелем? Или вам достаточно резать нечестных арцентов в стенах своего же города? К чему вообще было тогда сбиваться в кучу и строить лагерь, если вы не планируете вступать в прямое противостояние?

На это Нуска услышал лишь звон волшебного металла и почувствовал резко возросшую концентрацию огненной дэ. В какой-то момент даже дышать стало тяжело – настолько воздух потяжелел и раскалился.

Первый удар должен был прийти сразу в голову, но лекарь, чувствуя уже знакомое жжение в глазах, предсказал движения нападавшего. Противники были довольно медлительны. Да и вообще все собравшиеся здесь не обладали такими уж выдающимися способностями. Вьен, как обычно, набрал под своё крыло кучу сброда. Но, грех таить, верного своим убеждениям сброда.

Нуска ловко увернулся и ушёл из-под удара, но услышал за спиной запальчивый голос:

– Вьен бы никогда не стал братом такому, как ты! Surha¹⁰!

Но лекарю ничего не стоило вновь увернуться от занесённой в спину секиры, как и от других грозно блестящих в свете звезды лезвий.

Эти арценты слабы. Достаточно одного удара эрда, чтобы заставить их молить о пощаде. Всё-таки, видимо, не стоило влезать в это дело. Они не могли быть угрозой для правителя, но...

Мощная дэ потоком накрыла лагерь. Расталкивая столпотворение, непринуждённой походкой вперёд вышел арцент. Сделав всего пару выпадов, он раскидал всех воинственно настроенных повстанцев и приблизился к Нуске так быстро, что лекарю еле хватило способностей, чтобы уследить за его движениями.

Нет. То, что творит Вьен, не может быть безопасным для кого бы то ни было. Его чёрные глаза светились таким безумным огнём, что лицо полубезумного пьяного Жеро казалось лишь его невнятным отражением.

Неужели и Вьен теперь совершенно не контролирует себя? Может, только из-за помутнения рассудка он и решился на подобные действия? Может, Нуска ещё способен ему помочь?

Нуска, не думая, протянул ладонь ко лбу старшего брата. Тот был причёсан, ухожен и одет в развевающиеся бордовые одежды, которые словно вымочили в крови.

Что странно – Вьен не отстранился. Несколько локонов отросших каштановых волос упали лекарю на руку. Многие собравшиеся громко вздохнули, но не предприняли никаких действий.

---

¹⁰ Surha – ругательство, существительное и очень грубое слово в адрес человека. Часто используется в сторону людей любого пола, неразборчивых в выборе половых партнёров или изменяющих своим мужьям, жёнам.

Нуска аккуратно ощупал лоб и макушку брата, но... не нашёл ни единого следа застоявшейся там и отравляющей разум дэ. Вьен поступал по собственной воле и полностью контролировал свои действия. Неужели его поступкам нет оправдания?

– Нуска, почему ты пришёл сюда? Всё-таки твои воспоминания вернулись?

Лекарь разом напрягся. Конечно, старший брат знал, что Нуска не помнит большую часть своего детства, но... Получалось, Вьен знал не только о самом факте потери памяти, а ещё обо всех подробностях прошлого Нуски.

Неужели... Вьен всё знал? Но почему же тогда ничего не сказал?

«Нет, не время думать об этом. Если он заставит меня как-то отреагировать, то легко докопается до правды...»

– Верно. Не все, но большая часть. И теперь я готов поддержать брата в борьбе против эрда, – с хищнической улыбкой ответил Нуска. Ему хорошо удавалась эта роль, тем более он уже как месяц был по-настоящему зол на эрда.

– Но разве ты совсем недавно не жил с ним вместе под одной крышей в Эрьяре? Разве ты не его приближённый?

Нуска приподнял бровь. И как много Вьену известно?

– Совсем нет. Я уже давно в ссылке в Арценте и планирую месть. Ведь Син – убийца моих родителей.

– И какое же тебе дело до родителей, Нуска? Разве ты горевал по ним хоть день? – с усмешкой уточнил Вьен.

Сейчас брат как никогда походил на тех аристократов, которых ненавидел. Нуску до костей пробрало знакомое неприятное ощущение. Неужели и он когда-нибудь станет таким, если обретёт власть?

Толпа, окружавшая лекаря, начала редеть. Многие, догадавшись, что Нуска действительно знаком с Вьеном, начали расходиться. Но кто-то всё ещё скалил зубы и продолжал стоять на месте, сверля хаванца злобным взглядом.

– Вся моя жизнь скатилась в бездну из-за того, что совершил эрд. Почему я должен оставаться на его стороне? Я хочу снова быть вместе с братом, как и раньше. И бороться против власти аристократов, которые день за днём проводят в богатстве и роскоши и poi`reh¹¹ для этого не делают. Что я должен сказать, брат? Что ненавижу их? А разве это не понятно без слов?

Нуска звучал убедительно. Хотя бы по той причине, что только вчера разговаривал с одним из знатных hve. А ещё он был непривычно сильно раздражён и зол. Возможно, даже не отказался бы скрестить с кем-то клинки, но... Меч всё ещё хранился в доме Жамина, куда было ни в коем случае нельзя возвращаться.

Вьен смерил лекаря оценивающим взглядом. Длинный хвост, переброшенный через плечо, делал его смутно похожим на эрда. Позиция лидера, которую он занимал практически всю жизнь, закалила его и научила держать себя в руках.

Но этот блеск в глазах, этот безжалостный неугасимый огонь скрыть было невозможно. Если кто-то не покорялся его воле, то склонял голову в страхе перед этим взглядом.

– Пойдём переговорим, – в приказном тоне распорядился Вьен и, не оборачиваясь, пошёл вглубь лагеря.

Нуске же оставалось только гадать, что задумал брат. Вонзят ли он свою саблю ему прямо под рёбра, когда они окажутся наедине?

Пришлось аккуратно мелькать между раздражённых арцентов, однако одежды Нуски были настолько вычурными и так выделялись на фоне бордовых плащей, что он невольно привлекал внимание.

---

¹¹ Poi`reh – ругательство на языке лесных племён, обозначает «ничего», но слово считается грубым и неприемлемым аналогом.

Звезда начала медленно закатываться за горизонт, когда они достигли палатки на противоположной стороне лагеря. Она оказалась высокой и была выстроена в форме пирамиды. Серая ткань со всех сторон скрывала внутреннее убранство и служила стенами.

Вьен медленно приподнял полог и с усмешкой пропустил Нуску вперёд. Лекарь успел лишь заметить, что в личной палатке лидера царила темнота. Чужой дэ тоже не ощущалось – кажется, внутри никого больше не было.

Стоило им оказаться наедине в полной темноте, как прямо за спиной у лекаря раздался смешок. Нуска только вздохнул – ему никогда не удавалось считывать настроение брата. Оставалось только ждать и смотреть, во что всё выльется.

– Зачем ты пришёл, братишка? Ты правда думал, что я тебе поверю?

Вот оно. Холодное лезвие упёрлось в спину и, с треском распарывая одежду, скользнуло вверх, вдоль позвоночника.

– Зачем ты так разоделся?

– Не хотел, чтобы мой визит остался незамеченным, – пожал плечами Нуска и резко развернулся, совершенно не боясь этого отливающего кровью лезвия. Оно неприятно мазнуло по боку и животу, но вновь лишь надорвало тонкие одеяния.

Стояла тишина. Вьен казался спокойным, но Нуска даже в темноте мог разглядеть его огненный взгляд, пробирающий до костей. Вряд ли они смогут когда-нибудь поговорить начистоту и выложить друг другу всё. Брат никогда не признается в своих истинных намерениях, как и Нуска, а потому... им следует просто хорошо сыграть свои роли.

– Брат, если хочешь убить меня, то сделай это сейчас. Я ведь пришёл сюда по своей воле, а значит, сам виновен в столь опрометчивом поступке, – тихо сказал лекарь и подался вперёд, чувствуя, как упирается загнутое кверху остриё в живот, как давит на плоть, будто желая поскорее её разорвать.

– Ты любишь жизнь, Нуска. Ты бы никогда не подставил себя под удар просто так. Ты не самоубийца, не глупец, не самонадеянный юнец. На что же ты рассчитывал? На наши братские отношения? На мою слабость?! – Сначала Вьен говорил спокойно, но затем его шёпот превратился в рычание.

Но Нуска уже знал, что брат не сможет его убить. Всё-таки в этом арценте ещё оставались хоть какие-то проблески человечности.

Лекарь улыбнулся и вновь шагнул вперёд, словно намереваясь самостоятельно напороться на саблю. Только вот... она тут же рассыпалась на мелкие частицы, а Вьен резко развернул Нуску, пытаясь укрыть от невидимой опасности. Что ни говори, а их узы нельзя разорвать так просто. Даже оказавшись по разные стороны баррикад, они инстинктивно пытаются защитить друг друга. Это обрадовало Нуску, но уж точно не Вьена.

В тёмной палатке было не так много места, но можно было стоять выпрямившись. Привычная подстилка из соломы в углу, маленький низкий столик и кипа бумаг... Брат никогда не изменял себе. Образ, который он выстроил вокруг себя, был нужен для сохранения власти, но в душе он остался тем же. Он был так же далёк от аристократии, как и раньше.

Лекарь не сдержался. Просто потянулся и заключил брата в объятия. Хоть Вьена и потрясывало от злости, но он никогда не мог противопоставить что-то этой привязанности. Всё-таки они вместе росли, ели из одной миски и вместе добывали хлеб для членов семьи на протяжении многих лет.

– Вьен, может, ты в чём-то и не прав. Может, я во многом тебя не поддерживаю, но нам придётся работать сообща. Ты ведь хочешь свергнуть действующего наместника? – перешёл Нуска к делу, медленно расцепив руки. Они стояли совсем близко, и лекарю пришлось задрать голову, чтобы заглянуть в это вмиг похолодевшее лицо.

– Он – всего лишь пешка, подставное лицо. Ни на что не способен, ничего не умеет. Мы встречались с ним лишь раз, но он так трясся от страха, был согласен на любые условия.

Такие люди не заслуживают уважения, – медленно проговорил Вьен. Его тон хоть и казался невозмутимым, но Нуска чувствовал затаившуюся за этими словами злость.

– Тогда давай разберёмся с ним вместе. Я хотел бы выбраться из Арценты, но введённый им режим не позволяет мне этого сделать, – признался лекарь, понимая, что не сможет утаить всю правду. – Тем более он хочет принять участие в войне, а тогда мне будет ещё сложнее...

– Что? Он хочет отправить основные подразделения Арценты на фронт? Откуда эта информация? – Глаза Вьена холодно блеснули.

Нуска задумался. Он хоть и предполагал, что ему зададут этот вопрос, но сейчас нужно было взвешивать каждое слово.

– По делам настоящей торговой ассоциации я был в поместье Герье. Если ты считаешь себя единственным, с кем наместник заключил некие договорённости, то ошибаешься, – уверенно отозвался Нуска, не моргнув и глазом. – Влияние семьи Герье по-прежнему сильно в Арценте. И они планируют поддержать эрда.

– И есть ли хоть какие-то подтверждения твоим словам? Почему я должен разрывать обоюдно выгодное соглашение? – приподняв бровь, с сомнением проговорил Вьен. Однако в его голосе уже чувствовалась неуверенность – кажется, он с самого начала не доверял тому знатному hve.

– Верно. Я знал, что ты так просто мне не поверишь, а потому... – Нуска вытянул из кармана нижнего белья плотно сложенный лист и протянул брату. – Здесь их письменная договоренность. Я стащил документ, пока Жеро валялся пьяным в гостиной.

Нуска даже вполне искренне поморщился, припоминая события того дня.

Вьен тут же выхватил бумагу, но не развернул её. Видимо, собрался сравнить почерки и печати.

– Завтра тебе придётся уйти. Мои люди не очень рады тебя видеть. Выходи, – коротко промолвил брат и отвернулся. Кажется, он всё ещё не был готов поверить в то, что Нуска на его стороне. Возможно, будет лучше, если доверительные отношения между ними так и не восстановятся, ведь... лекарь намеревался предать Вьена.

Нуска кивнул и, приподняв полог, выскользнул наружу. Его одежды оказались разрезаны в нескольких местах, а стража проводила его недоверчивыми взглядами, но не остановила. Всё-таки никто не смог бы уйти от Вьена живым, если бы он этого не пожелал.

Но лекарь успел сделать всего несколько шагов по выжженной солнцем земле. Из-за соседних палаток выскользнула фигура – один из тех, кто намеревался напасть на Нуску ранее, решил довести дело до конца.

Если бы при Нуске был меч, то он бы легко отбил, но сейчас ушло слишком много времени на то, чтобы сконцентрировать свои способности и предугадать движения нападавшего. Лекарь успел сделать манёвр в сторону, защищая жизненно важные части тела, но под удар попало плечо. Возможно, этой секире было суждено навсегда прервать работу Нуски в роли лекаря – ведь велика вероятность, что он разом лишился бы руки. Слишком внезапное нападение, слишком неподходящие условия для битвы. Лекарь успел разглядеть искорёженное злобой лицо. И уже через секунду увидел это же лицо залитым кровью и утратившим блеск в глазах.

Последний удар был нанесён мастерски, молниеносно. Короткий удар сабли о шею – и кровь уже залила землю, а глаза мужчины закатились в предсмертной агонии.

Нуска застыл, чувствуя сильную дрожь и слабость в ногах. Жизнь утекала из тела повстанца так быстро, что даже лекарь ему бы не помог. Всего несколько мгновений – и только что полное силы и жизни тело застыло навсегда, распластавшись на земле.

Ужас сковал Нуску с головы до ног. Он видел подобное уже во второй раз в жизни и даже боялся поднять голову, чтобы как следует рассмотреть лицо убийцы. Разве здесь могут быть хоть какие-то сомнения в том, кто мог бы это совершить?

Вьен в расслабленной позе стоял впереди и уже убирал оружие. В закатных лучах вся его фигура окрасилась красным. На фоне серо-белых палаток и жёлто-серой земли он выделялся ярким кровавым пятном. И на лице его играла поистине чудовищная улыбка.

Глава 55. Непримируемая вражда

Это произошло во второй раз. Во второй раз Вьен убил у Нуски на глазах. Но не просто из прихоти или необходимости. Так уж вышло, что уже второй раз виновником смерти человека был Нуска, а его спасителем – брат. Вьен пачкал руки в крови, но... Настоящим убийцей ощущал себя именно Нуска.

Лекарь стоял и смотрел, как остывает чужое тело, как сердце, что билось более двух десятков лет, замирает навсегда.

«Как странно, – выдал разум Нуски, мутнея. – Видимо, я не до конца честен сам с собой. Убийство – это непростительно, но... Когда я вижу, как эрд убивает кого-то, для меня это выглядит подобно... казни? Словно он имеет на это право. Словно он волен решать, кому жить, а кому умереть. А Вьен... Его я представляю только в роли безжалостного убийцы. Неужели и я... недостаточно честен с собой? Я считаю, что правитель имеет право убивать, а простой смертный – нет?»

Нуску сильно затошнило. Он и так пережил достаточно за последние два дня, и теперь ноги отказывались его держать. Видимо, Син был прав, отправив лекаря сюда. Он всё ещё недостаточно здоров, чтобы видеть, как кого-то за просто лишают жизни.

Однако пришлось взять себя в руки и отвернуться от трупа. А затем попросить Вьена указать путь к свободной палатке.

Что удивительно, такая действительно нашлась. Приближённые к Вьену бойцы уже растаскивали вещи взбунтовавшегося соратника. Нуску поселили в палатку, где ранее жил тот арцент, которому взбрело в голову напасть на лекаря.

Когда сидишь у подстилки того, кто только что умер, невозможно избавиться от ощущения его присутствия.

«Почему он погиб? Он был на стороне Вьена, поддерживал его и лишь не хотел видеть меня в лагере. Если бы я не пришёл сегодня, то он бы остался жив?»

Дэ того сурии всё ещё не рассеялась в палатке, когда Нуска услышал голоса снаружи:

– Тащите. Его убили ударом в шею – он может в любой момент возгореться.

– Лидер как всегда... Любит вот он убивать изощрёнными способами. Чем плох удар в сердце?

– Кто ж его знает? Наёмник! Что с них взять...

Но разговоры быстро прекратились. Послышалась ругань и поспешные удаляющиеся шаги.

– Он горячий, слишком горячий! Быстрее!

Нуска находился не так далеко от ворот лагеря. Скорее всего, эти арценты успели унести труп подальше, но что произошло потом – только духи знают.

Лекарь тяжело вздохнул и прикрыл глаза. В нём не осталось ни капли бывшего спокойствия или самоуверенности, но уже не было возможности отступить. Нужно было прорываться изо всех сил, рвать преграды зубами и вышибать затворённые двери ногами.

Так началась жизнь Нуски в поселении повстанцев. Вьен, утвердивший свою власть убийством бунтовщика, выгонять младшего брата насильно не стал.

Нуска быстро изучил территорию: около пятидесяти палаток были разбросаны по выжженной земле. Под ногами хрустела скошенная степная трава, песок забивался в обувь, а звезда пекла так, что иногда Нуска думал, что ткань палатки может возгореться в любую секунду.

С Вьеном они виделись редко, а другие повстанцы игнорировали лекаря, даже за лечением к нему не обращались. Видимо, то показательное убийство в первый день появления

Нуска заставляло их держать оружие при себе. Никому не хотелось испытать на себе гнев Вьена – его люди дрожали от страха при одном упоминании лидера. Нуска же, день за днём отсиживаясь в палатке, а по вечерам прогуливаясь, много думал.

И всё же прохладиться времени не было. Нуска влезал в разговоры, изредка бросался двусмысленными фразами и постепенно, шаг за шагом, настраивал людей против действующего наместника. Да и те были не против поверить в слова лекаря: уж очень им хотелось видеть на троне Арценты именно Вьена. Их положение бы вмиг переменялось, если бы Вьен дорвался до власти.

Как-то раз Нуска сидел у общего костра, ел кашу с большим количеством мяса и приправ, а заодно слушал. Не прошло и недели, как каждый в лагере повторял одно и то же как заведённый:

– Этот наместник – как бельмо на глазу. Разве он не пешка торговой ассоциации?

– Верно. Будет намного лучше, если его место займёт Вьен. Всего-то и нужно, что припугнуть его и попросить сложить полномочия.

– Это будет проще простого! Какое нам дело до стражи? Лидер сметёт их одним ударом!

– Правильно говоришь. Как раз завтра Вьен отправляется на очередные переговоры. Кто-нибудь уже говорил с лидером?

– Кажется, у него сейчас Орн, а днём была Вальми.

– Вот и хорошо! Лидер не сможет так просто отмахнуться от наших слов!

– А если отмахнётся – что будете делать? – влез в разговор Нуска, даже не глядя на двух неухоженных и заросших в полевых условиях мужчин. – Наместник вам не какой-то торговец. Может и оружием воспользоваться, и стражу на помощь позвать...

– Убьём, – коротко ответил один из арцентов, но тут же получил по голове от соратника. Недоверчивый взгляд так и пригвоздил лекаря к бревну, на котором он сидел.

– Я бы и сам его убил, – вдруг выдал Нуска, кивнув. А затем продолжил невозмутимым тоном: – Из-за его h'aïdgel приказов я не могу вернуться в столицу. Потому и примкнул к повстанцам.

– Мы – не повстанцы... – закипая, начал спорить арцент, но его тут же перебили.

– Тогда следует доказать это действующей власти. Что народ, живущий в Арценте, и есть власть.

Сказав это, Нуска тут же направился к огромному тазу с грязной посудой, чтобы бросить в общую кучу свою опустевшую миску, а заодно скрыть тень хитрой улыбки. Подобные действия не были в характере лекаря, но не нашлось другого выхода из сложившейся ситуации. Зато можно было позабавиться, наблюдая, как он один настраивает целое войско против нужной цели.

«Дело за малым, – думал Нуска, очерчивая большой круг по поляне и вслушиваясь в разговоры повстанцев. – Если Жеро будет следовать изначальному плану, то...»

Лекарь вдруг застыл. Завёл руки за спину и вздохнул, смотря поверх палаток ввысь, в небо. Звёзд не было видно из-за пляшущих вокруг огней костров.

Оправданны ли эти действия? Не повлекут ли они за собой ещё большее количество жертв? Ведь кто-то точно погибнет. Имеет ли Нуска право брать на себя такую ответственность?

«Можно лишь довериться Жеро. У меня нет другого выхода. Эта группа повстанцев, которая разбила лагерь прямо посреди южной столицы, может навредить не только эрду. Нельзя оставлять это без внимания, нельзя, но...»

Нуска не мог отделаться от ощущения, что делает это в личных целях. Что он готов пожертвовать парой-тройкой уродливых и грязных повстанцев, чтобы выбраться отсюда и вернуться в Эрьюру. Эти мысли заставляли его очень медленно плестись в сторону палатки, а затем долго и мучительно засыпать, вслушиваясь в голоса снаружи.

Умрёт ли кто-то из них завтра? Настанет ли для них новый день, или им суждено пасть жертвой по милости одного глупого решения юного хаванца?

К обеду следующего дня уже собрались несколько отрядов. Один должен был охранять лагерь, второй – ожидать возле дворца наместника, а третий – вступить внутрь вместе с лидером. Конечно же, Нуска забил себе место в последнем, только вот от самого выхода из лагеря вплоть до подъёма по ступеням, ведущим во дворец наместника, он продолжал ловить на себе недоверчивые взгляды Вьена.

В отличие от других повстанцев, брат был ухожен, пострижен и брит, а его красные одежды и бордовый плащ одновременно пугали и притягивали взгляд. По одной только ровной линии плеч, по этому лёгкому уверенному шагу можно было предположить, что этот человек никогда не испытывал сомнений и никогда ни о чём не жалел.

«В этом ли различие между Вьеном и Сином? Брат относится к окружающим людям как к инструментам, а эрд не может простить себя даже за смерть горстки дикарей из лесных племён. Если бы Сину предложили решить, кто должен умереть, а кто – выжить, то что бы он сделал? Не знаю. Но зато точно знаю, что сделал бы брат».

– Вьен, – обратился Нуска, поравнявшись с ним. Арценты, окружавшие лидера, расступились, а их бордовые плащи взметнулись подобно кровавым знамёнам. – Если бы перед тобой поставили двоих людей и попросили решить, кого из них убить, то как бы ты поступил?

– К чему эти вопросы? – Вьен вдруг усмехнулся, а его глаза продолжили пылать, прожигая видневшиеся впереди позолоченные ворота. – Кто полезен – тот должен жить дальше, кто бесполезен – должен умереть.

– И как же ты определишь, кто из них полезен? – приподняв брови, уточнил Нуска, стараясь не отставать.

– Всё очень просто. Кто полезен мне, тот и будет жить. А я уж решу, как его использовать и как сделать окружающий нас мир лучше.

Нуска содрогнулся, думая о том, насколько опасен этот человек. Выбери он не ту цель – и будет двигаться к ней, оставляя позади себя горы трупов.

Несмотря на напряжение, которое не оставляло лекаря, встретили во дворце их мирно. Стражи собралось довольно много, но было заметно, что это не первый визит повстанцев к наместнику.

«Так это всё-таки сговор? Вся Арцента целиком хотела восстать против Сина?»

Нуска нахмурился и поправил свой плащ. Сейчас он был одет точно так же, как и другие, так что можно было спрятать лицо и даже не выдать свою энергию – огненной дэ в помещении было так много, что от опаляющего лёгкие жара было больно дышать.

Дворец устлали длинные позолоченные ковры, ведущие из одного длинного коридора в другой. Золотые люстры, огромные картины, странные статуи и диковинные растения прямо посреди комнат... Словом, ничего особенного. Нуска даже на секунду не задержался взглядом ни на одном предмете. Как и Вьен. Зато другие повстанцы крутили головами, с жадностью разглядывали каждую блестящую побрякушку и шли нарочито медленно, чтобы как следует рассмотреть недоступную им роскошь.

После того короткого разговора Вьен продолжил игнорировать Нуску. Будто его и вовсе не существовало, будто лекарь и не приходил в их лагерь и не был сейчас частью их «семьи».

«Видимо, брат всё-таки что-то знает. Он никогда не вёл себя настолько холодно. Но раз знает, то почему не прогонит меня? Не убьёт?»

Стража медленно вела их в сторону тронного зала. Они переходили из комнаты в комнату под оглушающий звук шагов.

Их было... где-то пятнадцать человек? И сколько же стражи? Не менее тридцати.

Нуска опасался только одного: чтобы его план не обернулся против него же.

Этот поход, по плану Вьена, конечно же, должен был быть мирным. Однако и Нуска, и другие повстанцы думали совершенно иначе. Жадными глазами осматриваясь по сторонам, арценты уже решали, какие сокровища следует первыми сгрести в суму после покушения на наместника.

Никто больше не желал поддерживать хрупкий мир. Жажда крови так и витала в воздухе, вместе с жаром распространяясь по залам.

Вскоре впереди показались высокие расписные двери. Несколько стражников, увидев знакомые лица, синхронно распахнули створки. Нуска днями напролёт мечтал, чтобы этот момент настал и его смехотворный спектакль закончился.

Тронный зал был огромным и круглым. Под ногами змеёй вился ковер, который вёл ровно к постаменту и кованому трону.

В зале было светло. Горячие лучи дневной звезды пробивались сквозь тюль и пятнами ложились на деревянный лакированный пол.

Что-то пошло не так. По рядам повстанцев пролетел шепоток, а стражники ринулись вперёд, вверх по ступеням.

В воцарившемся хаосе Нуска отчётливо расслышал смешок, а затем увидел два обращённых к нему пылающих глаза. Кажется, Вьен был готов к чему-то подобному, но...

Нуска не был готов! Он предполагал совершенно другой исход!

Пробравшись через толпу, лекарь наконец разглядел то, что привлекло всеобщее внимание. Стражники уже успели вбежать наверх, но... градом скатились вниз по ступеням, куврякаясь и громко охая, а затем – крича.

Кольцо пламени обняло трон и сидящую на нём фигуру. Кажется, это и был наместник, но... Его лицо оказалось изуродовано, а плечи, ноги и даже рот его обвивали горящие змеи.

– Да что же происходит! Бездна дери! Главный сурии огня, кто это сделал?!

– Скорее, освободите его! Ему же сейчас обожжет лёгкие и шею!

Нуска с ужасом смотрел, как стражники отчаянно бежали наверх, применяли свои способности, пытаясь побороть пламя, но у них ничего не выходило. Слишком велика была сила создавшего это пляшущее в воздухе кольцо. Множество арцентов, сражаясь с огнём, падали наземь обгоревшие и скатывались в ноги к повстанцам, с криками хватаясь за лица, катаясь по земле, в попытках потушить пламя.

Люди Вьена просто стояли и с ухмылками на лицах наблюдали за развернувшейся трагедией. Некоторые даже начали перешёптываться, одобрительно кивая в сторону сгорающего заживо наместника.

– Так ему и надо.

– Раз слаб, то и нечего было во власть лезть.

– Заслужил, заслужил... Выше головы не прыгнешь, ха-ха!

И их насмешливые речи сыграли с ними злую шутку. Точнее, произошло именно то, на что Нуска и рассчитывал, когда разрабатывал свой план.

– Так... Так это вы! – взревел один из стражников, оголяя саблю. – Все мы знали, что грязному сброду доверять нельзя! Но настолько подлый трюк!..

– Язык проглоти! Сначала докажи, что это были мы! – осклабившись, без промедления ответил повстанец, а затем обнажил огромный тяжёлый топор. Может, у кого-то из знати такое низкосортное оружие и вызвало бы смех, но точно не у этого стражника, который едва удерживал в трясущихся руках лёгкую саблю. – Не нравимся вам – так все шишки свалить на нас вздумали?! Чьи одежды не красны, тот и вор¹², так?!

---

¹² Чьи одежды не красны, тот и вор – поговорка, получившая распространение в Арценте. Уже не первую сотню лет вся знать и обеспеченное население города одеваются исключительно в красные одежды, тогда как беднякам приходится довольствоваться самыми дешёвыми неокрашенными тканями (серыми, бежевыми, изредка чёрными). Потому считалось, что одетый в красное не может быть вором, ведь и без того богат.

– Ха! Ваши-то одежды как раз цвета крови! Неужто такая обида взяла, что вы уродились плешивыми нищими, а наш господин – кровным семьи Ариера?! Только вот одежда не смоем с вас позор, не изменит вашу вониючую, подлую кровь...

Стоило стражнику договорить последние слова, как глаза его округлились. Через секунду в воздух взлетела оторвавшаяся от шеи голова. Брызнул кровавый фонтан, горячими каплями орошая Вьена, застывшего с оружием наголо.

Как безднова тварь, он продолжал стоять, объятый горячим пламенем, а сверху на него с глухим стуком лился кровавый дождь.

Весь день Нуска видел лишь спину своего брата. Вот и сейчас этот сурий стоял, укрытый своим алеющим плащом, и сжимал в руках пойманный в полёте трофей. Однако уже через секунду голова стражника загорелась, и Вьен с лёгкой брезгливостью швырнул её в столпившуюся стражу.

Раздался взрыв. Энергия, накопленная в теле арцента, обдала комнату жаром. Нуска закашлялся и, чувствуя жжение в глотке, обвязал лицо платком, но этого было недостаточно. Арценты, может, и легко переносили подобные выбросы дэ, но Нуска сразу же покачнулся, чувствуя, как слабая кровь Жамина в теле сдаётся под напором нескольких клокочущих в воздухе энергий.

Пускай конфликт развязал не Вьен, но он поддержал его. Обозлённые и разгорячённые повстанцы сразу же кинулись в бой вслед за лидером. Началась битва – каждый рубил направо и налево, бордовые плащи и серо-чёрные костюмы стражников смешались в кашу.

Нуска же остался простым наблюдателем. От начала и до конца. Он не сделал почти ничего, чтобы это сражение состоялось, но и этого оказалось достаточно, чтобы арценты схлестнулись насмерть.

Им не требовался особый повод или причина. Они просто хотели биться, надеясь, что это сделает их жизнь лучше. Отчаяние ли это? Можно ли простить подобное безрассудство? И прав ли оказался Нуска, когда затевал всё это?

И... кто напал на наместника ещё до их прибытия сюда?

– Нуска.

Лекарь вздрогнул и почувствовал, как покрывается гусиной кожей. Самым страшным было то, что его имя произнесли одновременно двое, почти синхронно, и эти голоса звучали так мощно, что заглушили гул идущего в зале сражения.

Голос, что раздался рядом, принадлежал Вьену и был полон укоризны.

Второй голос прозвучал на другом конце зала, из уст Жеро, он наполнился неприкрытой радостью и ликованием.

Лекарь, который и так еле держался на ногах, медленно сполз на пол. Но до этого успел разглядеть, что возле наместника застыла ещё одна фигура в ярко-красных вульгарных одеждах. Обнажённый мужской торс и пышные медные волосы ярким пятном выделялись на фоне золотистых стен. Жеро стоял ровно в круге огненного пламени.

Не оставалось никаких сомнений в том, кто повинен во всём произошедшем.

Наместник уже был мёртв, как и некоторые стражники и повстанцы. Огненные взрывы раздавались там и тут – ни один из бойцов не обладал должным мастерством для того, чтобы убить противника точным ударом в сердце.

Может, Нуске и следовало прийти на помощь и влезть в битву. Но у него не было сил даже для того, чтобы взглянуть хоть в одно искорёженное в предсмертной агонии лицо.

Это он виноват. Это он привёл людей Вьена на смерть. Он не должен был доверять методам Жеро и надеяться, что тот просто отпустит бунтовщиков и напоследок пожмёт их лидеру руку.

– Вьен, если не можешь простить меня, то убей, – коротко сказал Нуска, чувствуя, как и его сознание вспыхивает от переизбытка энергии и медленно мутнеет от жара. Наверное,

температура в зале превысила уже все пределы – лекарь обливался потом, но даже не замечал этого.

И Син живёт с этим чувством каждый день? Каждый день просыпается, чтобы вспомнить, как из-за него погибли сотни и тысячи человек?

Лекарь впервые по своей воле захотел покинуть этот мир. И даже холодное лезвие, что уже через секунду коснулось его шеи, сейчас не пугало.

Верно. Как бы сильно он ни хотел вернуться обратно в Эрьяру, увидеть Сина, выступить на его стороне в войне... Он не должен был использовать подобные грязные методы.

Вьен стоял над ним, но Нуска не мог разглядеть его лицо – боялся. Как и на протяжении всего дня, это не брат отворачивался от него и прятал лицо, нет. Это именно Нуска не решался заглянуть в его глаза и увидеть там боль от предательства.

Лекарь взял себя в руки в последний раз. Он не был ни слабаком, ни трусом. Но, всмотревшись в лицо брата, Нуска опешил и повалился наземь.

На его лице не было ни грусти, ни боли, ни удивления. Только широкая кровожадная ухмылка, которая могла до дрожи испугать любого, кто бросил бы случайный взгляд на перекосенное в радостном безумии лицо.

Но смотрел Вьен не на Нуску, а на Жеро, который погасил огненный круг и медленно спускался по лестнице, расталкивая всё ещё отчаянно бьющихся второсортных сурии.

С посохом наголо Жеро Герье грациозно и медленно приближался, вертя оружием в руках так, как это делают циркачи на городских площадях.

Два безумца. Два отчаянных и налитых кровью взгляда. Две фигуры, в секунду вспыхнувшие огнём.

Вокруг Вьена плясали сотни красных клинков, а вокруг Жеро – горящие цветы. Неизбежная битва, которая повлечёт за собой смерть всех во дворце.

Нельзя. Сурии нельзя биться в зданиях. Сильным сурии нельзя биться, когда поблизости есть кто-то ещё.

Нуска был наблюдателем от начала и до конца. Но больше не мог оставаться им. Если их не остановить, это место взлетит на воздух вместе со стражей, повстанцами, прислугой и остатками семейства Ариера.

Глава 56. Огонь против огня

– Разберёмся с тобой позже, Нуска. Тебя убивать – что кролика разделявать, – бросил Вьен прежде, чем сорвался с места.

Полуживые стражники и повстанцы отступили. Пламя и искры, наполнившие комнату, оттеснили всех к стенам. Кто-то из ближайшего окружения наместника подхватил обугленное тело своего правителя и на плечах потащил его к дверям.

Сражение прекратилось. Из выживших остались всего две горстки обгоревших и залитых кровью арцентов. Кто-то наблюдал за происходящим с ужасом, а кто-то – с восторгом. Особую радость испытывали повстанцы, ведь их лидер всё ещё был жив и сейчас собирался сразиться за трон с неизвестно откуда взявшимся аристократом.

Для них эта битва имела огромное значение. Если простой наёмник победит, то рухнет прежний мир, в котором властью обладала только элита; где только избранные могли рассчитывать на тёплый кров, вкусный ужин и значимое положение. Стоит только незнатному сурии занять это место, как перевернётся весь старый мир, а на место ему придёт новый, полный возможностей и богатства.

Во всяком случае, так они думали. Нуска же видел сотни растерзанных тел и междоусобную войну, которая непременно начнётся, если сейчас ничего не предпринять.

Два огненных сурии уже застыли друг напротив друга посреди зала и, держась на расстоянии нескольких шагов, начали кружить, точно дикие волчаки. Ни у одного из них в глазах не было даже малейшего проблеска понимания того, что они творят. Они желали схлестнуться, желали пролить ещё больше крови и затопить ею всю Арценту. Точно так же, как это произошло в Рире.

В Карборе Син уничтожил восстание на корню, несколькими ударами отправив в бездну сразу сотню повстанцев. Так и будет продолжаться? Недовольные будут восставать, чтобы упасть замертво. Если же им удастся победить, то что тогда? Казни подвергнут всех, кто сейчас живёт припеваючи? Разве это не превратит Скидан в самую настоящую бездну?

Жеро был чуть старше Нуски и явно на протяжении многих лет вёл праздную жизнь во дворце. Хоть он и обладал огромной силой, но ведь не мог драться наравне с наёмником, которому удавалось выживать в трущобах более двух десятков лет? Должно быть так, разве нет?!

Однако всё развернулось совершенно иным образом.

Оба арцента с ног до головы пылали в прямом смысле слова. Их обуял неугасимый огонь, который лизал их тела и волосы, искрами освещая злобные гримасы.

Жеро было достаточно вскинуть руку, чтобы запылали пол и стены, чтобы с потолка один за другим посыпались сотканые из пламени цветы. Повстанцы завопили; прикрывая головы, спасаясь бегством, к лестнице ринулась стража. Комната превратилась в огненный океан, застигнутый штормом.

Нуска успел создать защитный купол над собственной головой, но ничего больше сделать оказался не в силах. Другим сурии обжигало лица и глаза, даже несмотря на то, что они тоже являлись арцентами и должны были безболезненно переносить прикосновения огня.

В сражении между сурии всё было иначе. Слабые удары, конечно, не тронут огненного мага высшего ранга – именно поэтому и Жеро, и Вьен решили атаковать со всей мощи. Выжигать дё в собственных жилах, чтобы спалить плоть противника.

Вьен пошёл в атаку. Он редко разбрасывался огненными плевками, а потому сразу же сократил дистанцию, чтобы всадить клинок в сердце жертвы и сжечь артерии. Если брат был не против прикончить какого-то слабака ударом в шею, то Жеро он воспринял совершенно иначе.

Выброс энергии, который может произойти после смерти этого сурии, приведёт к гибели и самого Вьена.

Но брат не смог даже приблизиться. С сумасшедшим хохотом Жеро лишь поднял над головой короткий чёрный посох – и цветы, что сыпались с потолка, взвились вокруг него, не позволяя никому приблизиться. Длинные волосы Герье стояли дыбом и пылали, а Нуске показалось, что в его чертах проступило что-то абсолютно чудовищное и нечеловеческое, но в то же время неуловимо знакомое.

Почувствовав, как прогнулся под напором щит, Нуска снова вскинул руки: ему пришлось придерживать его, как крышу, готовую вот-вот обвалиться. Бледное белое свечение то вспыхивало, то меркло – лекарь никогда не обучался защитной магии и мог лишь пародировать приёмы Минхэ, которые когда-то увидел высоко в горах. Только вот учитель мог движением одной руки удержать лавину, а Нуска трясущимися руками кое-как защищался от огненных искр.

«Я должен вмешаться. Они разнесут тут всё к *vae`al reh`z*. А если выиграет Вьен...»

Нуска не мог решиться. Не мог в открытую выступить против брата, но и предать Жеро, который сейчас вступил в схватку за звание главного сурии, не выйдет.

«Если оба эти поступка неправильны, то стоит выбрать тот, который приведёт к меньшим потерям».

К этому моменту в комнате остались только лекарь, Вьен и Жеро, а также около двух десятков обугленных бездыханных тел. Все, кто мог хотя бы уползти отсюда, уже это сделали.

Два арцента обменивались мощными ударами: в какой-то момент почти вся комната вспыхнула, не выдержав жара, но Нуска нашёл самый укромный уголок за одним из канделябров и просто сел на пол.

Он никогда не пользовался двумя способностями одновременно, никогда не пытался концентрироваться на чём-то ещё, находясь в пылу битвы. Но иного выхода не было. Чтобы остановить их и принять решение, необходимо заглянуть в будущее.

Сколько может занять эта битва? Кто из арцентов погибнет, а кто займёт трон?

Способен ли Нуска сейчас увидеть то, что должно произойти не в ближайшие несколько секунд, а через час или даже завтра?

– Ни за что не узнаешь, если не попробуешь, – пробормотал лекарь себе под нос и усмехнулся.

Продолжая держать руки вытянутыми в стороны, поддерживая бледный купол, Нуска вгляделся в разгорающиеся на ковре искры, а затем перевёл взгляд на двух сумасшедших аристократов.

Скрестились посох и сабля. Громкий звон, рычание и скрип половиц под ногами танцующих противников. Жеро отступает и наносит атаки с воздуха, Вьен раз за разом сокращает дистанцию и, парируя саблей, разрубает созданный другим арцентом огонь, чтобы напасть сбоку.

Глаза горят от боли. Нужно терпеть.

Вьен ранит противника в плечо, но несколько лепестков обжигают его лицо – оно залито кровью, он почти ничего не видит и наносит удары наотмашь, уже никуда не метя.

Жеро теряет концентрацию. Взревев, он повышает температуру в комнате. Всё становится красным, воздух дрожит от зноя, а с потолка валяются горящие балки перекрытий. Огненный дождь срывается с неба, пробивая крышу насквозь.

И в этот момент видение прекращается. Видимо, потому что и Нуске не суждено выжить в этом безумном шторме.

Никто из них не выживет. Они все погибнут.

Нуска качнул головой, отгоняя видение. Странная красная пелена застлала глаза, слёзы безудержно катились по щекам, но лекарь, утерев рукавом лицо, рывком поднялся на ноги.

И тогда ещё одно видение прокралось в мысли Нуски. Он потонул во тьме: звуки битвы и треск огня стихли.

Вьен мёртв. Он растерзан устрашающими по силе цветами, которые, пустив корни прямо в его тело, проросли до небес. Став почвой, его труп быстро разлагается, а видимыми остаются лишь почерневшие, обугленные кости.

Жеро мечется в беспамятстве. Его лицо покрывает золотая чешуя, а изо рта торчат клыки. Длинными когтями он вырывает огненные цветы и бесповоротно сходит с ума.

Нуска вновь качнул головой. Он не желал видеть это. Он и так ожидал чего-то подобного.

Один тяжёлый шаг по истончившемуся от жара полу. Огонь лизнул ступни, и Нуска, скалясь, побежал. К этому моменту лекарь плохо понимал, что сейчас происходит, были ли его действия видениями из будущего или настоящим. Но боль от начинающей медленно тлеть одежды подсказывала, что именно сейчас у него появился шанс исправить собственные ошибки.

Нуска подобрался так близко, что его затянуло в огненный шторм из цветов и клинков. Они метались, сплетались в единый пламенный пляс, подхватывая обе фигуры и позволяя им атаковать друг друга в воздухе. Арценты парили, лишь изредка касаясь ногами земли.

Кому из них можно доверять? Кто из них не всадит Нуске меч в спину?

На размышления не осталось времени. Вьен как раз опустился на пол, желая вновь оттолкнуться и взмыть под потолок, когда Нуска просто бросился на него сверху.

Брат, целиком поглощённый битвой, совершенно не ожидал атаки со стороны. Его глаза, всё это время внимательно следившие лишь за действиями Жеро, на секунду округлились. И лекарь впервые в жизни увидел в них – пускай и на короткий миг – растерянность.

Нуска налёг всем весом и с громким шипением пригвоздил брата к полу. Совершенно позабыв о защитном куполе, лекарь почувствовал, как огонь, лизавший руки Вьена, сразу же взялся за длинные рукава плаща. Ладони оказались целиком поглощены пламенем, но Нуска только криво улыбнулся, глядя брату прямо в глаза.

Что-то всё ещё стекало по щекам. Лекарь не мог понять, отчего же он плачет, пока не увидел, как ярко-красная капля упала на щёку Вьена.

– Нуска... Твои глаза.

Это всё, что сказал ему брат. В этом голосе смешались волнение, горечь и страх. Кажется, почувствовав это, Вьен сразу же замолчал. Его тело потухло вмиг, но этого было недостаточно, чтобы остановить схватку.

– Жеро! Остановись сейчас же, иначе я погибну, а ты никогда не узнаешь правды о своей сестре! – из последних сил выкрикнул Нуска.

Жар и дым успели опалить лёгкие и глотку. Голос лекаря оказался намного тише, чем нужно, да и после сказанного Нуска задохнулся от приступа кашля.

Руки обожжены до мяса, и тут что-то с силой толкнуло лекаря в спину, сорвав с неё одежду и верхний слой кожи.

Нуска терпел. Прикрывая телом брата, он терпел и надеялся, что... Жеро не пронзит его посохом. А потому лишь крепче стискивал плечи брата, не позволяя ему встать.

В какой-то момент стало прохладнее. Что-то дёрнуло Нуску назад, заставляя повалиться прямо на прогоревший до деревяшек пол.

Как же, tje vaе, больно!

– Битва закончена, Вьен Ариера, – послышался голос Жеро. – Прими поражение. Вашей семье никогда не сесть на этот трон вновь, пока вы не раскаетесь во всех грехах. Ведь это твой... твой отец был одним из тех, кто брал силой мою сестру. Ты и вся ваша грязная до уродства семья год за годом поддерживали традиции, за которые вас мало сжечь живьем. Вам суждено вечно гореть в снедаемых пороком и жадностью телах. Поэтому я не убью тебя. Поэтому ты продолжишь жить, чтобы страдать и оставаться изгоем до конца своих дней. Как и я.

* * *

Нуска так и не узнал, чем всё закончилось. Он пришёл в себя в гостевых покоях в доме Герье, а над ним орудовали сразу несколько лекарей. Однако Нуска не увидел этого, а только почувствовал, потому что глаза его были перевязаны тканью, смоченной в смеси снадобий.

Если он вернулся именно к Жеро, значит, он всё-таки победил, а Вьен признал поражение. Но жив ли брат? Насколько сильно он пострадал? И почему отступил?

На самом деле Нуска знал, что в любом случае победителем стал бы Жеро. Внутри здания их обоих ждала неминуемая гибель, а Вьен дорожил своей жизнью. Чего не скажешь о молодом наследнике Герье – тот бы ни за что не остановился, если бы Нуска не влез в битву.

Ничто не могло остановить Жеро, даже смерть. Этот арцент вернулся бы из самой бездны, чтобы найти тех, кто сжёг его сестру заживо. И единственным шансом узнать правду для него оставался Нуска. Потому он никогда бы не убил его, но...

Нуска зажмурился и хрипло вздохнул.

Он бросился именно на Вьена, чтобы не подставлять ему незащищённую спину. Вот во что превратились их когда-то братские отношения.

– Он очнулся?

– Кажется, да.

– Позовите сурии Жеро. Он просил сразу же доложить, как только хаванец очнётся.

Кажется, лекарей было трое. Удивительно, что Жеро вообще умудрился где-то их раздобыть в Арценте. Тело всё ещё ломило, а руки и спина горели. Кажется, эти хаванцы не слишком хорошо справлялись с поставленной задачей. Но Нуска был жив только благодаря им, а потому грех было жаловаться.

Дрожащей рукой Нуска притронулся к своей глотке. Остальные повреждения его мало заботили, ведь он точно знал, от чего быстрее всего можно двинуть кони. Лекарь сразу же принялся восстанавливать пострадавшие гортань и лёгкие.

– Эй, не двигайся. Что ты делаешь? У тебя дэ практически не осталось.

– Верно. Оставь хоть немного в каналах, чтобы скорее пойти на поправку.

– Пф-ф. Сразу видно дворцового лекаря, – шёпотом добавил третий. – Не даёт другим делать свою работу, не доверяет. Что толку стараться? Он ведь держит нас за каких-то второсортных знахарей.

Нуска поморщился, но ничего не ответил. Кажется, эти хаванцы были не такими плохими ребятами, но налаживать сейчас с ними отношения лекарь не планировал. Не задохнуться бы – уже хорошо.

Хаванцы ещё некоторое время вполголоса переговаривались, но затем резко замолчали. С громким хлопком двери и оглушительным боем каблуков в комнату вошёл Жеро. Нуске не нужно было даже открывать глаза, чтобы узнать эту мощь и будоражащий сознание запах.

Он даже ничего не сказал. Видимо, справядил всех одним взглядом. Нуска услышал чужие удаляющиеся шаги и звук затворяемой двери.

– Как ты себя чувствуешь? Уже пытался снимать повязку?

Лекарь умудрился уловить некоторый намёк на заботу в голосе. Конечно, волнения в нём не звучало, но Жеро в этот момент искренне беспокоился о пострадавшем. Неужели даже этот арцент не лишён сочувствия?

Нуска как раз касался руками грудины, а его хриплое дыхание постепенно выравнивалось. Потому, выждав ещё несколько секунд, лекарь заговорил:

– Глаза? Я так и не понял, что с ними.

– Удивительно, но лекари сказали то же самое. Но... – мягкий голос раздался около уха, а Нуска вздрогнул, ощутив прикосновение горячих пальцев к мокрой щеке. – Они всё ещё кровят.

– Кровят?

– Верно. Ещё в тронном зале дворца наместника они истекали кровью, а белки налились красным. Я думал, что ты просто повредил их, а потому поднял все свои связи, чтобы призвать в Арценту группу лекарей, однако они сказали, что это не внешние повреждения. Словно, гм... что-то разорвалось внутри?

– Капилляры? – уточнил Нуска, а затем медленно поднёс руку к повязке на лице, чтобы ощупать глаза. Благо, они хотя бы были на месте.

– Что-то вроде того.

– Во дворце наместника, бра... Вьен. Что с ним случилось?

– Сбежал. Ты потерял сознание, так что я больше обеспокоился твоим состоянием, чем преследованием этого отброса из Ариеры.

Нуска облегчённо вздохнул и сконцентрировался на излечении глаз, но это оказалось не так просто. В какой-то момент кровь остановилась, но при любой попытке разлепить веки жгучая боль пронзала всю голову. Так что лекарь бросил это дело и решил, что будет разумнее сначала отдохнуть и восстановить запасы энергии.

– Жеро.

– Да?

– Ты теперь наместник Арценты, верно?

– За исключением некоторых формальностей, можно сказать, что да.

– Тогда, как только поправлюсь, я постараюсь заглянуть в твоё прошлое. И выяснить то, что тебя так беспокоит.

На секунду воцарилось молчание, но Нуска почувствовал, как его обдало жаром.

– Со своей стороны обещаю помочь тебе вернуться в столицу, Нуска, – отозвался коротко Жеро, а затем, поколебавшись с минуту, покинул комнату.

Нуска остался наедине с самим собой, своими мыслями и медленно пожирающим изнутри бесконечным чувством вины.

Глава 57. Ответ

Утро выдалось тягостным. Нуска очень медленно приводил в порядок себя, а с ещё большим трудом – свои мысли. Принять ситуацию и признать вину оказалось непросто, но необходимо было двигаться вперёд несмотря ни на что. Что бы он ни натворил, к чему бы ни привели его действия... Эрд сейчас был один на границе. И наверняка нуждался в помощи лекаря.

Тёплая водопроводная вода. Свежие красные одеяния. К середине дня Нуска уже выглядел как благородный господин, но белки глаз всё алели.

Лекарь с недовольством разглядывал собственное отражение в зеркале. Худой, подзагоревший и длинноволосый юнец на той стороне никак не походил на могущественного сурии, способного оказать помощь правителю. Но это было неважно. Нуска не мог просто ждать вестей, отсиживаясь на юге и ничего не делая.

Жеро во дворце не оказалось. Лекарь обошёл половину здания прежде, чем это понял. Не встретил он даже слуг. И единственным живым человеком во всём поместье оказалась та девочка. Нуска наткнулся на неё, когда решил проверить внутренний двор. Ванери в ярко-красном платье сидела прямо в песке и играла с веткой, на кончике которой была повязана пропитанная маслом бумага. Маленькая арцентка развлекалась, то поджигая её, то вновь туша о песок. Видимо, это одна из местных детских забав, которая не только занимала время, но и с малолетства учила контролю дэ.

Нуска, застывший за спиной Ванери, не мог не восхититься её способностями. Ветка не успевала остыть, как разгоралась вновь, бросая искры прямо на платье девчушки. Только вот пламя не оставляло следов и не ранило хозяйку, а это означало, что в своём юном возрасте она уже близка к рангу сурии.

«Разве аристократы не пугают? Другие дети в этом возрасте играют в кто дальше плюнет, а она уже так хорошо владеет своими способностями».

На секунду Нуска даже припомнил свои сны о детстве эрда. Там юная Вильна абсолютно не контролировала пламя и поджигала не только всё вокруг, но и собственные одежды.

Что же получается? Эта малышка должна стать сильнее, чем вторая помощница Скидана?

– Не прячься. Я всё равно знаю, что ты здесь, лекарь.

Нуска вздрогнул, ощутив рой мурашек на спине. Внешний вид девчонки никак не соотносился с её силами, а потому лекаря в который раз бросило в дрожь от этого пугающего контраста. Возможно, при желании она могла бы и убить взрослого сурии...

– Лекарь, а где старший братик? – спросила Ванери, медленно поднимаясь с земли и отряхивая платье от пыли. Палка полетела наземь, а девочка, задржав голову, медленно подошла к Нуске.

– Братик? Жеро? – непонимающе переспросил лекарь. Он всё ещё не был уверен в том, кем именно приходится эта девчушка будущему главному сурии огня. Но, судя по тому, что поместье пустовало, она жила здесь неспроста.

– Нет, не Гирру. Тот разноцветный полукровка. Арцент, который не арцент, – уточнила Ванери, прожигая Нуску взглядом круглых блестящих глаз.

Она была очень похожа на Жеро. Особенно этими необычными ореховыми глазами и вьющимися медными волосами. Нуске никогда прежде не приводилось видеть такое сочетание цветов – видимо, это было отличительной чертой семьи Герье. Правда, вот... Нуска не видел никого больше из этого древнего аристократического рода, кроме самого Жеро и этой девочки. Неужели они все...

– Так что с ним? Он не придёт больше играть со мной, так? – Ванери нахмурилась, не услышав ответа. Видимо, те редкие слуги, что навещались в поместье, всегда повиновались ей, а потому столь продолжительное молчание вызвало у молодой госпожи возмущение.

– Гм... Я и сам давно не видел его. Возможно, у него возникли какие-то дела в городе? – предположил Нуска, подняв задумчивый взгляд к небу. Он действительно понятия не имел, куда делся Оанн. На второй же день в поместье Нуска влез в первый попавшийся нарядный костюм и направился к повстанцам.

– Какие же вы друзья, если ты даже не знаешь, где он? Значит, тот полукровка – твой слуга? Но разве тогда он не должен был получить от тебя дальнейшие распоряжения? – отчитывала его Ванери, по-взрослому складывая руки на груди.

Нуска не понимал детей, да и себя совершенно не помнил маленьким. О чём только эта девочка думает? Воображает себя важной сурии огня? Лекарь удержался от того, чтобы весело хмыкнуть, и только с улыбкой проговорил:

– Он не мой слуга. Но, Ванери, скажи... Вы с Же... Гирру живёте тут вдвоём? – поинтересовался он, решив воспользоваться ситуацией и вытянуть побольше информации.

– Да. К нам ежедневно приходят слуги, но во дворце они не живут. Приготовят, уберутся и сразу же уходят, – кивнула Ванери, склонив голову набок. Длинные локоны скрыли половину её лица, но зато открыли другую. Нуске удалось увидеть на правой щеке девочки страшный глубокий ожог, видимо, очень старый. И по форме он напоминал... расплывшийся цветок?

Нуска нахмурился. Неужели Жеро применял по отношению к ней силу? Разве они не родственники?

– Ванери, а Гирру... кем он тебе приходится? – тихо спросил Нуска, вновь натягивая на лицо улыбку, как делал Оанн.

– Гирру? Конечно, он мой... – начала она, но вдруг осеклась и замолчала. Взгляд девочки упал куда-то за спину Нуски и стал задумчивым. Испуга на лице Ванери, впрочем, не появилось, но глаза ребёнка на секунду блеснули холодом. Как у взрослого человека, который вдруг встретил знакомого, которого предпочёл бы никогда больше не видеть.

– Нуска, я только вернулся. Как ты себя чувствуешь?

Без сомнения, это был Жеро Герье. Только вот в его дружелюбном тоне на секунду промелькнул намёк на неприязнь.

Нуска рывком развернулся и практически столкнулся с аристократом нос к носу. Жеро был выше лекаря всего на несколько сантиметров, но сейчас его рост сильно увеличивали туфли. Красный костюм был настолько ярким, что Нуска даже испугался, когда всё вокруг застлало кровавой тканью.

Длинный плащ развевался на ветру. Бордовая рубашка и чёрные брюки сидели безукоризненно. Рубины и золото украшали и без того вычурные одежды, а на собранных в хвост волосах красовался драгоценный обруч. Он сидел ровно на лбу, подобно тренировочной повязке поддерживая волосы, а над переносицей сверкала кованая стрела; она делила лоб надвое, а наконечник её был выполнен из маленького треугольного граната. Камень блестел и переливался так ярко, что Нуска застыл, не в силах вымолвить ни слова. Всё его внимание приковал этот самоцвет, завораживая и путая мысли.

Жеро сначала терпеливо дожидался ответа, а затем его брови медленно поползли вверх. Арцент вдруг рассмеялся и двумя руками медленно снял с головы украшение.

Нуска моргнул и тут же ударил себя по лбу.

– Жеро... Я тебя искал, – неловко начал лекарь, который и вовсе позабыл о том, что ему задали вопрос.

– Прости, Нуска, я так спешил с тобой увидеться, что даже не стал переодеваться. Кажется, я всё-таки наделал шуму на торговых улицах... – Прикрывая рукой лицо, арцент

продолжал тихо смеяться. На пальцах второй руки в это время покачивался волшебный обруч. Лекарь тут же отвёл взгляд, стараясь не попасть вновь под его воздействие.

– Оставь эту мелочь тут. Пусть развлекает себя сама. И возьми с собой чистые одежды – мы сходим искупаться, а заодно поговорим, – задумчиво протянул Жеро, а затем бросил один недовольный взгляд на Ванери. Кажется, он не собирался говорить о делах в присутствии девочки. – Встретимся у южных ворот.

Нуска только приподнял брови в ответ и проводил взглядом удаляющуюся фигуру нового главного сурии огня. Как много тайн хранит этот человек? Почему одно его присутствие заставляет всё внутри натянуться подобно верёвке? Лекарь знал наверняка лишь то, что Жеро, или Гирру (непонятно даже, как его зовут на самом деле), был слишком неоднозначен. Добр он или плох? Щедр или жаден? Труслив или храбр? Нуска не мог дать ему совершенно никакой характеристики, хотя видел этого арцента далеко не в первый раз. Он вносил хаос абсолютно во всё – стоило Жеро вмешаться, как планы рушились, а ход событий менялся.

Можно было сделать только один вывод: он каждый раз брал на себя важную роль и никогда не оставался в стороне. Нужно сохранять бдительность.

– Это так странно, лекарь, – вдруг раздался тихий безучастный голос за спиной. – Меня он ненавидит, а к тебе так добр. Лекарь, почему? Ты кто-то особенный?

Нуска развернулся и поймал на себе застывший взгляд. С лица девочки разом сошли все краски – сейчас она походила на обескровленный труп.

– Всё, что я слышала от него, – это «убирайся» и «уберите отсюда мусор». Чем ты лучше меня? Чем ты заслужил его... его... – Голос Ванери сорвался. Она опустила голову и вцепилась в свои красные одежды.

Она была так похожа на Жеро, особенно сейчас, когда еле сдерживала слёзы, что Нуске в голову пришла одна догадка. Чьей любви может так сильно желать ребёнок в этом возрасте? Нуска знал, каково это – всю жизнь провести без родительской любви.

– Он твой отец, Ванери? – сглотнув, решил спросить Нуска.

– Так говорили слуги. Но... за всю свою жизнь я никого больше не видела. Только слуг, учителей и... и Гирру, – пробормотала тихо она. Милое лицо Ванери скрывали упавшие локоны.

– Он бил тебя? Тот ожог на лице... – начал Нуска, но его вопрос потонул в детском писклявом крике.

– Нет! Он никогда не бил меня! А ожог... Это то, за что он меня ненавидит!

Ванери плакала. Нуска стоял, не зная, что предпринять, и размышлял.

Сестра Жеро погибла в оранжерее, сгорев заживо. Возможно, Ванери – это её дочь? Тогда Жеро приходится ей дядей. Но если он так сильно любил свою сестру, то откуда такая ненависть к этому ребёнку? Ванери напоминает ему о том дне?

Нуска нахмурился. Это было бы слишком просто. Жеро не настолько мягкотелый, чтобы пугаться лишь одного вида своей племянницы.

Что же на самом деле произошло в этой семье?

* * *

Нуска встретился с Жеро у ворот. Молодой арцент снял с себя все праздничные одежды, но и теперь, облачившись в самый обыкновенный красный костюм, выглядел преисполненным величия. То, как он стоял, как поправлял волосы и, сложив за спиной руки, вглядывался вдаль, выдавало его статус и положение. Даже натяни на него мешок с прорезями для головы и конечностей – он бы всё равно выглядел самым царственным оборванцем.

В этом, наверное, и было основное отличие Вьена и даже Нуски от аристократов. Они никогда не смогут держаться так и создавать вокруг себя атмосферу неприступности.

Жеро хранил молчание. Услышав шаги, он обернулся и с вежливой улыбкой поприветствовал Нуску, а затем отправился за стену. Лекарь, что-то хмыкнув под нос, последовал за ним.

Звезда пекла так же, как и всегда, безжалостно. Нуска укутался в красные платки с головы до ног, но уже через несколько минут после выхода из тени стал обливаться потом.

Во вторых стенах царила полная неразбериха: арценты бегали, таскали на телегах, запряжённых быками, кирпичи и деревянные балки, громко переговаривались и толкались. В сравнении с тем, как тут было пустынно ранее, эти перемены сразу же бросались в глаза.

– Последний наместник, кажется, его звали... Орцин? Орчил? Ох, неважно. Он запрещал простым людям посещать эти стены. Я же решил действовать наперекор и смягчить ограничения, чтобы уменьшить размах повстанческого движения, как и обещал тебе, – монотонно и без энтузиазма прокомментировал Жеро, прогуливаясь по улице с таким видом, будто это продолжение его дома. Люди в ужасе расступались и давали ему дорогу. Нуска же плелся следом, озираясь и шурясь от яркого света.

– Умно, – отозвался лекарь, а затем поравнялся с Жеро и спросил уже шёпотом: – Ты знаешь, как умер предыдущий наместник Гевер Ариера?

Жеро разом развернулся. Уставившись на Нуску, он смотрел на него, как заядлый игрок смотрит на игорный дом.

– Если ты знаешь, как он умер, то расскажи мне. Во всех красках.

Нуска сглотнул. На самом деле он не собирался делиться подобной информацией, скорее желал убедиться, что никому, даже аристократам, не известна эта тайна. Однако ответил:

– Возможно, позже.

На лице арцента вновь застыло скучающее выражение. Он отвернулся и ускорил шаг, словно желая как можно скорее добраться до цели, а затем вернуться в свою крепость.

Взгляд Жеро был устремлён только вперёд. Несмотря на то что по обеим сторонам сгрудились рабочие, которые глазели на него и очень тихо перешёптывались, он не пытался подслушать их разговоры. Ни ясное синее небо, ни беркут, своими огромными крыльями расчертивший небосвод, ни люди не интересовали молодого аристократа. Словно... ничто в этой жизни не могло пробудить в нём чувств, кроме мести.

Шли они около получаса. Вскоре широкая мощёная дорога привела их к ещё одной высокой стене. Несколько стражников разом расступились, пропуская двоих молодых людей в высокие каменные ворота.

Нуска поначалу подумал, что ему напекло голову. Он несколько раз поморгал, протёр глаза и только потом изумлённо ахнул.

Высокие зелёные деревья. Трава, кусты и пальмы, с которых свисали необыкновенные красные фрукты... Нуска застыл, не в силах пошевелиться. Он так давно не видел листвы, что не сразу пришёл в себя. А ещё большее удивление вызвало то, что меж деревьев бликами играла водная гладь.

Озеро?! Посреди этой безжизненной пустыни... озеро?!

– Это оазис. Купальня наместников и их ближайшего окружения, – объяснил Жеро, а затем, совершенно ничего не стесняясь, разулся и, не останавливаясь, на ходу начал раздеваться.

Нуска попробовал последовать его примеру, но тут же обжёг ступни о раскалённый песок. Выругавшись, лекарь просто побежал следом, спеша скорее оказаться в тени и окунуться в воду.

«Действительно... Настолько напыщенных аристократов даже я ещё не встречал! Наместники используют единственное озеро в пустыне лишь для того, чтобы купаться?!»

Вода в тени оказалась прохладной. Нуска просто плюхнулся в озеро по самый нос, ведь уже минимум месяц не мог как следует принять ванну. Конечно, в Арценте не было таких

серьёзных проблем с питьевой водой, но никто не растрачивал её попусту. Простые работяги раз в неделю наведывались в бани, где принимали ванны вместе с несколькими десятками таких же бедняков.

По краям от озера стояли глиняные ковши и сосуды, чтобы обливаться, а некоторые из них были закупорены и наводили на мысли о том, что здесь не только моются, но и частенько распивают...

Жеро чувствовал себя комфортно. Возложив локти на очерченный круглыми камнями край водоёма, он откинул назад голову и прикрыл глаза. Казалось, он глубоко задумался, а потому Нуска вздрогнул, услышав его слова:

– Я позвал тебя сюда не случайно. Здесь нас некому подслушать. Ты ведь хотел узнать, кто такие «избранные духами»?

Нуска сощурился.

– Верно. Расскажи всё, что знаешь.

– Это не займёт много времени, ведь сам я узнал об этом от своих давно мёртвых родителей да от шаманов из Фасида. Чтобы узнать больше, необходимо посетить Хавану и получить доступ к старинным манускриптам.

– Я просто хочу, th`are, понять, что происходит. Не более того.

Нуска вдруг почувствовал закипающую внутри злость. Он объехал уже по меньшей мере половину Скидана, но так и не получил ответов ни на один из своих вопросов.

– Хм-м, – протянул Жеро и, распустив свои длинные волосы, потянулся к одному из кувшинов с вином. Наполнив для себя полукруглую чашу, он, вглядываясь в вино, заговорил: – На самом деле у подобных нам нет названия. Но разве не забавно было бы мнить себя избранным кем-то? Ты можешь заменить это слово на любое другое. Например, «проклятые духами», «изгнанные духами», «обречённые на страдания духами»? Ха-ха-ха...

Нуска хотел уже прервать затянувшийся монолог, но от этого смеха у него зашевелились волосы на затылке, и он решил промолчать.

– Верно, Нуска, – кивнул сам себе Жеро, а затем залпом опустошил чашу и уставился в зеленеющий полог листвы с лёгкой улыбкой на лице. – Мы отличаемся от других людей. У каждого из них есть своя судьба и свой путь. Но как же так? Неужели вдруг духам захотелось посмотреть, что будет, если выплюнуть на свет горстку людей, способных не только повелевать собственной жизнью, но и ломать чужие?

Лекарь мог только догадываться, что пытался донести до него Жеро. Качнув головой, он всё же потребовал:

– Выражайся яснее.

– Хм-м, – вновь протянул арцент и с легкомысленным видом повторно наполнил чашу. – Так и быть. У каждого ныне живущего человека есть своя судьба. А ты – один из немногих, у кого её нет. И один из немногих, кто может сломать не только собственную жизнь, но и чужую. Так понятнее?

Лекарь уставился вниз, судорожно соображая.

– Нет! Ни бездны непонятно.

Тогда Жеро, казалось, разозлился. Он допил вино и швырнул чашу над водоёмом – посуда влетела в дерево и разлетелась на мелкие осколки.

– Нуска! Ты способен перевернуть с ног на голову ход любых событий в этом мире. И никто для тебя не указ – ни люди, ни сурии, ни аристократы, ни даже духи. Никто не в силах остановить тебя.

Лекарь так не вовремя вдруг решил почесать голову, а затем с не менее глупым выражением лица уставился на Жеро.

– Но ведь я не один такой? – переспросил Нуска.

– Да, так и есть. Я тоже один из избранных козлов отпущения. Эрд – тоже. Потому и резня, которую он устроил в лесных племенах, навсегда останется на его совести. Он не может винить в том проступке никого – ни других людей, ни духов, он сам...

– А что, если... А может... – вдруг затараторил Нуска, вскинув руки. Капли воды взлетели в воздух и даже долетели до Жеро. – Ведь другой из избранных... может тоже влиять на судьбу?

Арцент вдруг замолчал. Его лицо посерьёзнело, а челюсти, казалось, стиснулись так сильно, что зубы вот-вот потрескались бы от напряжения.

– Ты хочешь сказать... что знаешь ещё кого-то, кто обладает подобной силой? – уточнил он.

– Я не уверен. Но одна хаванка...

– Нет-нет, Нуска. Все избранные являются представителями разных народов. Раз ты хаванец, то не может быть второго хаванца, – отмахнулся Жеро.

– Но почему ты так уверен, что я – тоже избранный?! – не выдержал Нуска.

– Твоё имя. Оно особенное. И между нами есть еле уловимая связь. Я ненавижу людей, Нуска, не мог так просто довериться кому-то без причины.

– Если тебе нужно имя... Её зовут Тиама. Скажи, может ли она иметь ко всему... ко всему этому отношение?

Нуска нахмурился и уставился на Жеро. Тот вдруг медленно приподнялся, а затем приблизился. Лекарь не успел ничего увидеть, просто через секунду лицо арцента оказалось всего в паре сантиметров от его лица, а налитые кровью глаза прожгли насквозь.

– Её зовут... Тиама?

– Да, я уверен.

– Но это... невозможно, – мотнул головой Жеро. На его лице одно выражение быстро сменялось другим, а затем он и вовсе принял совершенно сокрушённый и растерянный вид. – Это имя кажется мне знакомым. Необходимо как можно скорее посетить библиотеки Хаваны и узнать о предыдущих...

– Предыдущих?... – одними губами переспросил Нуска.

– Верно. О предыдущих носителях имён. Самым известным из них был Энлиль. Именно он развязал войну с драконами и уничтожил их, – кивнул Жеро.

– Но как с ним связана Тиама? Я не понимаю...

– Я тоже не понимаю, Нуска. Потому что Энлиль жил более семи тысяч лет назад. Никто из его окружения не мог дожить до наших дней, даже хаванка, – покачал головой арцент и вздохнул.

Кажется, они оба оказались в тупике. Но Нуска всё же решился кое-что рассказать:

– Эрд Син не принимал решение об истреблении лесного народа. С самого начала он находился под контролем Тиамы. Именно она вынудила его это сделать. Возможно, если я загляну в твоё прошлое...

– Погоди-погоди, – усмехнулся Жеро. Его плечи вдруг дёрнулись вверх, а на лице отразилась насмешливая улыбка. – Ты хочешь сказать, что и я убил всех членов своей семьи под воздействием какой-то Тиамы? Ни за что! Я никогда этого не признаю, что бы ты ни увидел в своих снах.

Нуска судорожно сглотнул. Вот и ответ. Вот почему Жеро является единственным обитателем дворца, вот почему Нуске никогда не приводилось встречать ещё кого-то из семьи Герье.

Этот арцент собственными руками...

– Почему ты так смотришь на меня, Нуска? – Жеро скосил взгляд в сторону лекаря и, криво улыбнувшись, развёл руками. – Да, я убийца. Да, я отцеубийца. И я бы убил каждого из них ещё сотни тысяч раз, если бы мне позволили. И я бы каждого из них заставил пройти через

то, что выпало на долю моей сестры. Но, Нуска, даже я... Даже я не настолько омерзителен. Поэтому я просто убил их.

Пальцы Жеро в нервном жесте потянулись к лекарю – и коснулись его волос, медленно перебирая светлые, отросшие до плеч пряди.

– А тебе придётся что-то с этим сделать, если хочешь покинуть Арценту в ряду воинов, – вдруг сменил тему Жеро, а его лицо вновь стало спокойным, как мирно поблёскивающая гладь озера.

Глава 58. Сон о сожалении

Они вдвоём вернулись в поместье. Жеро в какой-то момент просто перестал говорить на волнующие Нуску темы. Казалось, сознание арцента просто отключилось, пока сам он медленно пересекал улицы, пугая рабочих одним своим видом.

Нуске так и не удалось проникнуться сочувствием к этому аристократу. Слишком легко он убивал, слишком прямо говорил о смерти всей своей семьи и слишком высокомерно относился к окружающим. Почему Син должен ежедневно страдать от чувства вины, в то время как Жеро наслаждается жизнью, распивает вино и помышляет лишь о мести?

Рассказы об избранных и возможностях менять судьбу... Нуска не мог поверить в них так просто, но Жеро, казалось, и не намеревался никак доказывать свою правоту. А лекарь не был из тех, кто принимает на веру слова медленно съезжающего с катушек, не контролирующего свой гнев малознакомого аристократа.

Они вновь оказались в поместье. Жеро молча поманил Нуску рукой, приглашая лекаря пройти в свои покои.

«Скажите честно, здесь что, произошло стихийное бедствие? Или военные действия с северной границы зачем-то перенесли во дворец Герье?» – мысленно вопрошал Нуска, хотя очень бы хотел задать эти вопросы вслух.

Первой бросалась в глаза кровать с кроваво-красным балдахинном. Плотная, свисающая с потолка ткань покачивалась на ветру, демонстрируя смятую простыню. Стеклопанные балконные двери были открыты нараспашку, словно приглашая всех желающих пробраться в спальню главного сурия огня и свершить над ним расправу.

Бумаги от сквозняка с шелестом поползли по полу, посыпались с заваленного одеждой и документами стола. Все четыре стены были изуродованы свисающими клочками обоев и чёрными прожжёнными отметинами. Даже люстра, увешанная самоцветами, покосилась и сейчас покачивалась, так и норовя свалиться кому-нибудь на голову.

Нуска сглотнул. Опрятный внешний вид Жеро никого бы не натолкнул на мысли о том, что он способен жить в хлеву. Но так оно и было.

Жеро не подумал даже извиниться за беспорядок – просто сразу проследовал к балкону. Лекарь со вздохом поспешил его догнать, и они вместе пересекли порог и вышли наружу.

Балкон мог уместить на себе по меньшей мере десять человек: с левой стороны примостилась софа с маленьким столиком, а с правой находился большой обеденный стол, на котором, к сожалению, обнаружилось не меньшее бедствие. Некоторые фрукты в вазах успели почернеть, а большая часть винных кувшинов пустовали и валялись прямо на скатерти и под столом. Пока Нуска всё это разглядывал, его брови медленно ползли вверх, а сам он пытался понять, каким образом потомственный аристократ мог довести место своего обитания до состояния выгребной ямы.

Жеро же лишь подошёл к столу, схватил кувшин вина и наполнил для себя, кажется, последнюю чистую чашу. Облокотившись на перила, он махнул ею вперёд.

– Арцента кажется мне довольно дикой, но красивой. Что скажешь, Нуска?

Лекарь кое-как оторвал взгляд от творившегося на балконе бедлама и посмотрел, куда указывал Жеро. Несмотря на то что это был всего лишь третий этаж, сам дворец стоял на холме. И Нуска, припав к перилам, уставился вдаль, разглядывая крохотные жёлтые домишки, выжженную степь и пустыню на горизонте.

Звезда прожигала землю насквозь, испещряя трещинами безлюдные степи. Дома, словно построенные друг на друге, мостились меж узких улочек. Две высокие каменные стены очерчивали город, поделив его на трущобы отщепенцев и территорию богачей. Нуска на несколько секунд, конечно, проникся бесконечным пустынным простором, тонушим где-то далеко в небе-

сах, но затем всё равно обратился к той отвратительной стене, что отделяла простолюдинов от знати.

– Дикие земли красивы, не спорю. Но не те города, где бедняков выгоняют за забор подобно скоту, – процедил Нуска в ответ.

Жеро ещё некоторое время полюбовался видами, а затем развернулся, в задумчивости покачивая в руках чашу.

– В чём-то ты прав. Но ты считаешь, что так просто преломить взгляды людей и заставить их мирно относиться друг к другу?

Нуска на это ничего не ответил и лишь уставился на вино, которое арцент с удовольствием поглощал.

– Ты всё время пьёшь одно и то же вино, так? – спокойным тоном поинтересовался лекарь, сделав несколько шагов к Жеро.

– Верно. Хочешь попробовать? – с улыбкой отозвался он.

– Я уже пробовал. Мне не понравилось, – качнул головой Нуска, а затем, выхватив чашу из рук арцента, одним точным движением отправил её содержимое за перила. После лекарь в не менее наглом жесте вернул опустевшую посудину владельцу. – Ты хоть знаешь, что пьёшь?

Жеро не выглядел ни раздражённым, ни растерянным. Он лишь с неким удивлением наблюдал за Нуской, а затем так же спокойно принял из его рук пустую чашу.

– Знаю, – коротко ответил он.

– Тогда для чего? Ты не понимаешь, что потребление такого количества афродизиака может привести к...

– Конечно знаю, – с лёгкой улыбкой кивнул арцент, а затем тут же направился к столу за новой порцией. – Ты считаешь меня дураком, Нуска?

– И для чего тогда...

– Как раз для того побочного эффекта, о котором ты говоришь, – равнодушно бросил Жеро, а затем залпом влил в себя новую порцию этой отравы.

Нуску перекосило. Столько лет юности он потратил на то, чтобы лечить подобные недуги, а Жеро... калечил себя осознанно?

– Мы не можем обсуждать здесь важные темы, однако моё прошлое к незыблемым тайнам не относится. Когда ты планируешь...

– Сейчас.

Нуску до бездны достало поведение этого зазнавшегося, ни на что не способного арцента, который мнил себя не только самым важным, но и во всём правым. Лекарь хотелось, наконец, выполнить свою часть договора и направиться в столицу на заслуженную встречу с эрдом. А этот убийца... Пускай сам разбирается и с Арцентой, и со своими проблемами. Повстанческое движение теперь подавлено, а власти эрда ничто не угрожало. Нуска свою работу сделал.

Внезапно ветерок всколыхнул распушенные, лишь недавно успевшие высохнуть волосы Жеро. Он прикрыл глаза, а с лица его медленно сползла обыкновенная безучастная улыбка.

– Тогда... тебе, наверное, нужна частица моей дэ? Связь между нами сильнее, чем между обычными людьми, а потому этого должно быть достаточно. Тем более я заметил, что ты не так уж хорошо переносишь местный климат.

Нуска кивнул. Он и сам уже чувствовал, что всё сильнее и сильнее обливается потом, а жар медленно и безвозвратно затмевает рассудок. Возможно, и излишнее раздражение, направленное на Жеро, было вызвано этим. Кровь Жамина была слишком слаба, чтобы надолго убедить лекаря от пагубного воздействия огненной дэ.

Жеро вдруг приложил руку к груди и извлек посох. Лекарь смог лишь судорожно вздохнуть, наблюдая за ярко-красным, переливающимся в свете звезды оружием дэ. Внезапно лёгкая палка с острым наконечником исчезла, а на её месте оказалось красное лезвие. Нуска вылупил глаза, ведь никогда в жизни не слышал, чтобы сурии мог обладать двумя оружиями.

– Жеро, это...

– М? Переданный мне клинок. Ничего особенного, всего лишь осколок бывшего меча, – покачал головой арцент, разглядывая сверкающее лезвие. Затем он точным движением вспорол вену на запястье, подставляя под рану пустую чашу.

Нуска хмыкнул. Всё-то у аристократов должно быть изысканно – даже подобные процедуры. В доме Жамина было всего несколько некрепких чашек, которые не смогли бы выдерживать огненной крови арцента, зато Жеро мог позволить себе и портить посуду, и использовать её для своей крови.

«Неслыханно», – мысленно возмутился Нуска, используя одно из типичных словечек знати.

Даже эта смуглая рука, что подала лекарю наполненную кровью ёмкость, была элегантна. Ровно обстриженные ногти, позолоченные браслеты и кольца... Большинство бойцов не могли себе позволить носить украшения, ведь как иначе держать меч или, хуже того, какую-нибудь секиру? Но лёгкий посох Жеро, видимо, не накладывал на него подобных ограничений – аристократ мог и покрасоваться вдоволь, и сжечь разом пару-тройку деревьев.

– Будь осторожен. Моя кровь достаточно сильна, можно и обже...

– Ты правда думаешь, что меня может что-то испугать после крови эрда? – не выдержал Нуска, а затем залпом опрокинул в себя всё содержимое.

И совершенно, совершенно зря.

Свет рассеивает тьму. Вода тушит огонь. Металл обрастает землёй.

Но свет неспособен потушить пламя.

Словно кипящее масло потекло по гортани, сжигая всё на своём пути. Нуска со стоном повалился на плитку и, с трудом удерживая себя в сознании, схватился за горло. Лёгкий свет забрезжил под пальцами, обволакивая обкусанное огнём горло и глотку. Нуска мучился от боли, но не мог издать ни звука, лишь катался по земле. Кровь уже скользила по пищеводу, выворачивая внутренности наизнанку. Руку, что всё ещё плохо справлялась с дэ, пришлось перевести на грудь, сдерживая потоки огненной дэ.

– Нет, она должна попасть в твой желудок. Иначе ничего не выйдет. Потерпи, Нуска. Это не убьёт тебя.

Лекарь кое-как смог разобрать слова Жеро и, скрипя зубами, медленно опустил руку. Огненная жидкость потекла дальше, наполняя собой не только желудок, но и каналы, выжигая каждую клеточку тела.

«И всё же кровь эрда приносила больше боли», – усмехнулся про себя Нуска, медленно склоняя голову набок.

Уже находясь в полубреду, он почувствовал, как чьи-то руки аккуратно подхватили его и, кажется, уложили на софу.

«Что ж... Надеюсь, здесь хотя бы нет гнилых яблок и грязной посуды», – успел подумать Нуска, медленно проваливаясь в кроваво-красные сны.

А красным было всё. Всё, что Нуска видел вокруг себя. Языки пламени и прогорающие в воздухе цветы вновь заполнили собой опустевшее пространство. Лекарь на секунду даже испугался, что ничего больше и не сможет увидеть. Неужели Жеро настолько поглощён единственным воспоминанием в своей жизни, что даже Нуске не удастся разглядеть его утерянное прошлое?

Этот дикий запах. Разве листва, сгорая, не пахнет гарью? Что не так с этими цветами, которые, загораясь, лишь сильнее испускают свой терпкий аромат?

Нуска стоял посреди пустоши, объятый огнём, и боялся лишь задохнуться здесь, навсегда затерявшись в воспоминаниях Жеро.

Они мелькали, точно звёзды на небосводе: миллионы смазанных и размельчённых в прах воспоминаний. В забитой арцентами комнате Жеро вершит расправу: с маской гнева на лице пронзает клинком каждого члена своей семьи.

Клинком? Но разве Жеро... владеет не посохом?

Множество голых мужчин собрались в богато обставленной спальне. Жеро среди них, но напуганный, ослабленный и со слезами на лице. На кровати в полупрозрачных одеждах сидит девушка, внешне неотличимая от Жеро. На её лице смешались страх, ненависть и боль. Несколько мужчин, усмехаясь, хватают Жеро за плечи и толкают на кровать, прямиком в объятия девушки.

Но разве Жеро был способен что-либо сотворить по своей воле в том состоянии?

Вновь пожар. Кто-то невидимой тенью пробирается в оранжерею и поджигает всё, что видит, превращая цветущий сад в огненную бездну. Нуска проник в воспоминания только ради этого момента, но... ничего не смог рассмотреть.

– Эти воспоминания... ненастоящие.

Нуска резко обернулся. Он вновь стоял посреди кровавых огненных лугов. Рядом с ним оказалась та девушка, которую он успел рассмотреть в промелькнувшем видении. Красивая, мягкая... и внешне почти ничем не отличимая от Жеро.

– Ты уверен, что хочешь знать правду?

Нуска нахмурился, но кивнул. Зачем бы он решил отправиться в полное боли, смерти и страдания прошлое этого полубезумного арцента? Он бы лучше провёл вечер за трубкой и кружкой эля.

– Ты расскажешь ему правду, верно? Я так долго... хранила воспоминания. Удерживала Гирру от падения, но совершенно не обращала внимания на то, что всё это время он стоял на краю обрыва. И любой лёгкий ветерок мог бы отправить его прямиком в бездну.

– Ты... его сестра? – решил уточнить Нуска.

– Так и есть, хаванец. Я думала, что замутнённые воспоминания позволят ему избавиться от чувства вины, заменят ненависть к себе гневом. Так и произошло, но... – Она вдруг поморщилась и опустила голову. – Он переиграл меня. Он перекроил свои воспоминания до такой степени, что и вовсе позабыл обо мне, но лишь его чувства... они остались прежними.

Нуска молчал. Неужто ему привелось говорить с мертвецом? Но каким образом? Разве от них остаётся хоть что-то, кроме медленно разлагающегося тела? Или это ещё одна необыкновенная способность, доставшаяся ему от лесного народа?

– Клинок. Гирру успел забрать осколок моего клинка и сделал его частью себя. Ровно здесь... – Женщина приложила ладонь к груди Нуски и надавила. – Он хранит часть меня здесь. Если бы он слил клинок с посохом, то это было бы не так страшно, но... Его личность, хаванец, он потерял её. Он забыл себя. Он не знает, что любит, а что ненавидит. Он похоронил своё сознание в ненависти и всё глубже утопает в этом омуте. Ещё немного... Ещё немного, и он окончательно сойдёт с ума. Спаси его, хаванец.

Девушка плакала. Она накрыла ладонью щеку Нуски и приблизилась так, что лекарь смог разглядеть подрагивающие на её ресницах слёзы. Кроткая и грустная улыбка играла на устах прекрасной девы.

– Этот ребёнок не должен был разделить мою участь. Этот ребёнок добр и сострадателен. Прошу, помоги ему.

Картина сменилась. И лекарь стремительно, как сахар, растворился в долгом сне.

* * *

Тел было слишком много. Так много, что Гирру давно прекратил считать их или различать лица своих мёртвых родственников.

«О, кажется, брат».

«А что здесь забыла она? Разве она не свихнулась сразу после своего ритуала совершеннолетия?»

«Ребёнок? Неважно. Я точно помню: он – сын отца. Подобные гнилые отродья не должны пачкать ногами пол, по которому ходит Она».

«Кажется, он участвовал в ритуале до меня. Надеюсь, ему действительно больно».

Гирру медленно переводил посох с одного на другого: множество мужчин, женщин и детей были связаны. Они плакали и что-то вопили, умоляя сохранить им жизнь. Она пожелала, чтобы их выстроили в ряд, – Гирру так и сделал. Она начала убивать их с правого края, а он – с левого. И ровно через каждые десять секунд в одно и то же мгновение на пол падало два бездыханных тела. Одно – с прожжённой насквозь грудиной, другое – располованное до костей.

Обеденный зал медленно наполнялся ярким запахом крови. Крики и всхлипы стихали. Гирру старался не вслушиваться, старался не видеть лиц тех, кого убивает, но...

– Сын, – бесстрашно обратилась к нему женщина, горделиво вскинув голову. – Ты понимаешь, что вы творите?

Ритм уже сбился, потому Гирру ответил:

– Как и учили меня Герье, я жаден, бесстрашен, красив, силен и жесток. Разве вы не должны похвалить меня?

– За резню, которую ты устроил в собственном доме?! – Женщина привычно повысила голос на сына, даже не задумываясь о том, в каком положении находится.

– Это никоим образом не противоречит тем истинам, которым вы учили меня с детства, мать.

– Я не учила тебя поднимать оружие на тех, кто слабее! – не выдержала она. Лицо когда-то красивой женщины были испещрено морщинами, ожогами и следами пыток. Гирру в этот момент действительно не понимал, как она может защищать тех, кто сотворил с ней подобное.

– Герье изгнали Галана, потому что он был недостаточно силен и орудовал розой, изгнали Ольи, потому что она рожала слабых детей и понесла от фасидца. Герье продавали неспособных женщин в бордели. Герье вынудили вас понести ребёнка от вашего дяди, а затем породить меня.

– Но твой ребёнок!..

Прежде чем мать договорила, в её плотку вонзился клинок. Уже через секунду раздался взрыв – Гирру, подхватив её под пояс, отскочил к противоположной стене. А все, кого они не успели добить, разлетелись ошмётками по комнате.

– Брат, зачем ты слушал её? – наклонив голову набок, спросила сестра. – Тебе всё-таки жаль их? Тогда я...

– Нет, ты не будешь одна. Никогда. Я буду поддерживать тебя во всём, – заверил её Гирру. Но на его лице застыло вымученное и отстранённое выражение.

Девушка вздохнула. Покачала головой и обвела взглядом комнату. После, подавив смех, широко улыбнулась.

– Братик. Мы – последние из Герье. Мы последние, понимаешь? Никто из них не сможет навредить нам, не сможет заставить или вынудить нас сделать что-то. Мы оказались сильнее, чем они все вместе взятые. Представляешь? Братик...

Гирру только кивнул, выдавив улыбку. Вглядываясь в ту кровавую кашу, что осталась от его матери, он выдал лишь один судорожный вздох. А затем развернулся и, даже не бросив взгляда на сестру, пошёл прочь.

В тот день поместье Герье вновь окрасилось красным. Как Она того и хотела.

* * *

Гирру был слишком слаб в те годы. И недостаточно предусмотрителен. Его заранее заковали в цепи и сутки держали в одной из подземных камер в ледяной воде, выжигая всю накопившуюся в теле дэ. Когда же его, с завязанными глазами и цепями на руках, силком выволокли из воды, он не был способен ни призвать оружие, ни сопротивляться.

Он ничего не видел. Но примерно угадывал, куда его ведут. Сердце от холода и страха бешено колотилось в груди. По пути Гирру несколько раз падал на колени и его рвало желчью. Его со смехом вновь поднимали на ноги, хлопали по плечам и весёлым тоном уговаривали:

– Не надо так волноваться!

– Ты только не подведи.

– Если ты не справишься, то её придётся продать в бордель, понимаешь...

– Кто ж знал, что самой сильной арценткой в семье окажется она?! Ни один ей не ровня!

– Вот же она *svishe*! Уже каждый попытался, а толку – ноль! Если арцент не будет сильнее, то и продолжения рода мы не дождёмся...

Гирру вдруг застыл. Лёд сковал ноги, сердце едва не остановилось. Они... они хотят... чтобы... чтобы он...

– Вы... Ч-что вы... Сделали... С ней... – сквозь плотно сжатые челюсти прошипел Гирру. Говорить он всё ещё не мог, потому что зубы стучали, а тело била дрожь. И с каждой секундой всё сильнее.

– Не волнуйся, сегодня ты будешь первым. Если уж и это не удастся, то придётся избавляться...

– Да, хотя так жаль. Данные же просто превосходные! Сильна, красива, м-м...

Вверх по лестнице Гирру уже волокли. Он отказывался идти. Он не желал идти. Он понимал, что выбора нет, что, возможно, всё быстро закончится и необходимо воспринимать это как обычную процедуру, но...

«Она поймёт. Она всё поймёт. Она поймёт. Поймёт. Поймёт. Поймёт...»

– ...поймёт, – шёпотом пробормотал он, а затем его впахнули в комнату.

Когда кругом собрались потомки семьи Ариера, а также его собственные братья, дяди и отец, Гирру уже содрогался всем телом. От страха его сознание помутилось – он успевал лишь отпихивать плечами всех, кто касался его, в редких, но необузданных вспышках гнева он начинал искрить, призывая на помощь крупницы дэ, а заодно вгрызался в руки и ноги каждого, кто приближался к нему. И рычал, рычал, как животное, брызжа слюной. Но глаза его всё ещё оставались завязанными, но он уже чувствовал... Она. Она здесь.

– И что же будем делать? Афродизиак?..

– Нет-нет. Он уменьшит наши шансы на успех. Да и... Ты же знаешь, как сильно он привязан к любимой сестрёнке.

– О-о. Ты думаешь, что Гирру...?

– Ну конечно. Все мужчины в Герье одинаковы. Не то что с женщиной, даже с хорошенькой фигуристой коровой...

– Только не снова! Не хочу это слушать!

– Да не так и плохо...

– Заткнись! Давай лучше решим, что делать с ним. Думаешь, стоит сначала попробовать нам, а потом...

– Нет.

Холодный женский голос прервал разговоры. Послышалось шуршание лёгких одежд, несколько отчётливых шагов – и ледяная рука коснулась щеки Гирру, отодвигая спутанную, волнистую прядь, упавшую ему на лицо.

– Я хочу, чтобы это был он. Гирру, ты сделаешь это для меня? Это ведь просто процедура, верно?

Гирру мог игнорировать множество других голосов. Мог пропускать их слова мимо ушей, отказывать им, противиться. Но... не Её просьбе.

– Сестра, сестра... – взмолился он, роняя голову и утыкаясь лбом ровно ей в ступню. – Быть может, есть другой...

– Гирру, если тебе тяжело сделать это ради меня, то давай остановимся. И ещё десять ночей подряд эти мужчины будут приходить и...

Гирру сглотнул. И молча несколько раз кивнул, насилу поднимаясь на непослушных ногах.

Когда его, связанного, толкнули на кровать, страх отступил. И когда маленькие холодные руки стянули с него нижние одежды, он уже чувствовал лёгкий жар.

– Гирру, ты...

– Нет.

– Но ты уже...

– Нет!

– Тогда я сниму с тебя повязку, чтобы ты посмотрел на меня.

Гирру так неистово тряс головой, сопротивляясь, что перед глазами засверкали звёзды. Но сестра всё равно рывком стащила повязку с его лица.

Он решил не смотреть. Решил так и сидеть, закрыв глаза, но... вновь услышав Её голос, уставился во все глаза сначала на лицо с раскрасневшимися губами. Затем – на тонкую медную шею. Взгляд скользил всё ниже и ниже, разглядывая безупречный силуэт в прозрачных одеяниях. Дыхание становилось всё чаще.

Можно обмануть взглядом, можно обмануть словом. Но тело неспособно врать.

– Ничего, брат, зато это будет быстро. Просто посиди...

Но Гирру уже слышал в Её тоне разочарование и боль.

Он – такой же, как и они. Он – такой же ублюдок и отброс. Он не заслуживает того, чтобы разделить с ней вечность. Он должен исчезнуть.

Даже заливаясь слезами, Гирру понимал, что ситуация не меняется. Даже мучая себя мыслями, обзывая всеми словами на свете и прокусывая до крови язык, губы, щёки, он не мог унять жар, медленно захватывающий его с головы до ног. Гирру перевернули на спину, и всё продолжилось без его прямого участия.

Каждое касание обжигало. Тёплое прерывистое дыхание у уха было подобно самой страшной муке. Никогда в жизни Гирру не страдал так. Никогда ему не было настолько больно.

Он предал единственного, кого должен был защищать. Он предал Её.

И теперь Она знает о его отвратительных, до безумия мерзких мечтах и желаниях, о которых нельзя поведать даже духам... Знают Она и они все. Смотрят, смеются и понимают, что он...

Мечтал об этом.

* * *

– Ты опять пьёшь эту пакость? Зачем? Сделанного не воротишь, брат.

Она появилась внезапно. Просто выскочила из-за спины и со смехом выхватила чашу у Гирру из рук. Он качнул головой, но с покладистой улыбкой повиновался.

Поместье пришло в запустение. Редкие кусты разрослись, по земле пошли трещины, а фасад дома начал медленно осыпаться из-за ярких и безжалостных лучей звёзд.

Гирру сидел за маленьким пыльным столиком на заднем дворе и просто смотрел перед собой, распивая вино. Но в одно мгновение всё изменилось: его мысли всколыхнулись, а чув-

ства ожили. Тупая боль в груди распространилась по всему телу, и теперь Гирру ощущал себя одним целым комком, полным бесконечной ненависти к самому себе.

Сестра держала на руках маленький свёрток. То, что Гирру ненавидел больше себя. То, на что не был в силах смотреть.

Вот оно – доказательство его предательства. Шрам.

– Гирру, – позвала она.

– Гирру? – переспросил он.

Сестра мотнула головой и вздохнула.

– Приходи в сад. Мы будем ждать тебя, – бросила она, а затем развернулась и быстрым шагом пошла обратно.

Гирру ощутил это как закат: словно звезда, на секунду осветившая его макушку, вновь зашла за горизонт, и наступила полная тьма. И он ещё некоторое время сидел, смотря на опустевшую столешницу. Почему Она забрала лекарство? Разве он не обязан пить его? Разве это – не его наказание?

Так прошло несколько минут или час. Но затем Гирру вспомнил, что его звала Она. И тогда он поднялся на исхудавших ногах и пошёл вперёд. Лёгкий притягательный аромат вёл его, как слепого, в нужную сторону. Сестра давно не жила в отмеченном кровью поместье – она переселилась в стеклянную пристройку, где взращивала сотни видов растений.

Но каждый раз, как Гирру оказывался там, он не понимал: разве Она не желала, чтобы мир был красным? Разве он не помог ей окрасить каждую комнату дворца в этот цвет? Тогда почему Она пожелала переселиться в оранжерею, поросшую зелёным?

Гирру помнил свои обещания, Гирру исполнял их. И не мог понять, почему Она постоянно ходила в белом, почему окружала себя зелёным и почему... Почему ЭТО всё ещё живо и всё время находилось рядом с ней.

Две огромные стеклянные двери. Посреди застывшей в своей неизменности пустыни под стеклянным куполом цвёл прекрасный сад: некоторые из сотен растений упирались широкими листьями в прозрачную крышу. Другие бурно цвели, осыпая всё яркими красками и невыносимо сладким, насыщенным ароматом. Гирру задышался здесь. Только делая шаг через порог, он желал скорее унести ноги и вновь скрыться во дворе, где уже несколько месяцев гнили трупы родителей, сестёр и братьев.

Иногда Гирру так и делал. Приходил и ложился среди них. Закрывал глаза и представлял, что был одним из тех плачущих в шеренге, а затем Она... Она забрала его жизнь. Гирру часто грезил, плакал, улыбался и засыпал только с мыслями об этом.

– Брат?

Она снова позвала его. К Гирру обратилась прекрасная женщина. На вид ей было около двадцати лет. Она сидела в кресле-качалке и, медленно покачиваясь, продолжала держать на руках этот ворочающийся, изредка попискивающий свёрток, который Гирру пытался игнорировать. Прекрасные пышные волосы сестры были распущены и спадали вниз, прикрывая запавшие щёки. Кожа и глаза цвета меди блестели в лучах дневной звезды. Белое лёгкое платье подчёркивало тонкую талию и пышную грудь. Она прекрасна, но и ужасна... Ужасна своим сходством с Гирру. Но он так давно не смотрел в зеркало, что и вовсе позабыл, как выглядит сам.

А был ли он вообще? Может, он лишь выдумка? Или дух давно мёртвого храброго воина, влюблённого в Неё?

– Брат, подойди.

Гирру потряс головой. И только тогда сдвинулся с места. Широкие, гладкие листья и травы лизали щиколотки и лицо, но он медленно пробирался через дебри к голосу, что звал его. Ведь только его он не мог игнорировать. Ведь только его был способен услышать в абсолютной тишине.

Она улыбнулась, когда он подошёл. Гирру это обрадовало – всё-таки он ещё способен ошастливать Её. Это замечательно. Значит, ещё имеет смысл продолжать... продолжать что?

Сестра схватила его за грязную рубашу и заставила склониться ближе – Гирру лишь успел испугаться, что Она может запачкаться.

– Брат, я хочу, чтобы ты воспользовался своим навыком, – прошептала она прямо ему на ухо. И Гирру вздрогнул. И поблагодарил небосвод за то, что он уже который месяц принимает лекарство.

– Сестра... Кого я должен убить? – спокойно поинтересовался Гирру. Он был искренне рад, что наконец, спустя столь долгое время, пригодился.

– Брат, я хочу посмотреть, как тлеют мои цветы. Они надоели мне. Подожги их.

Гирру нахмурился.

– Но... Разве они тогда не сгорят? – неуверенно уточнил он. Ему всё это время казалось, что сестра взращивает сад с искренней любовью. Разве так необходимо избавляться от него?

– Я хочу на это посмотреть. Возьми Ванери, выйди и используй навык на оранжерее.

Шёпот раздавался прямо в голове. Он призывал его, нет, заставлял повиноваться. Разве можно отказать? Разве можно сказать «нет»?

И всё же Гирру вновь переспросил:

– Ты уверена? Ты выйдешь через задний ход?

– Всё так. Хочу хорошенько рассмотреть твой огонь, Гирру.

– Гирру?

– Да, брат.

Гирру помотал головой и вздохнул. Приняв из рук сестры свёрток, он изо всех сил продолжал игнорировать это существо.

– Хорошо, я понял. Я сделаю так, как ты просишь.

– Спасибо, – коротко отозвалась она и уже во второй раз спустя столько месяцев улыбнулась. Это заставило Гирру испытать невообразимое счастье – он и сам не понял, как улыбнулся в ответ.

– Брат, хочешь ли ты что-то в обмен?

– Что-то? – уточнил он.

– Хочешь ли ты, чтобы я что-то сделала для тебя?

Гирру растерялся так, что чуть не выронил из рук свертки. Но, припомнив наказ сестры, лишь прижал его крепче к груди.

– Я не понимаю, – беспомощно сказал он.

Сестра вздохнула. А затем вскинула голову, провела пальцами по щеке Гирру и коснулась губами его губ.

Это был первый поцелуй, который Гирру получил за свою жизнь. Он вновь растерялся, да так сильно, что опустил руки. Но сестра успела подхватить свёрток, а затем настойчиво сунула его обратно.

– Брат, иди же. Сколько я могу ждать? Разве ты не обещал окрасить в красный всё, что я ни пожелаю?

Гирру кивнул. Не в силах сдержать радостной улыбки, он быстрым шагом покинул оранжерею. Встав возле стеклянных, распахнутых дверей, он поднял посох. К сожалению, вторая рука была занята этим раздражающим свёртком, который начал издавать какие-то неприятные звуки, но Гирру всё равно ничего не слышал. Он вновь оглох и ослеп. Её рядом нет – значит, вокруг пустота.

Свёрток всё не замолкал. По какой-то причине голос этого существа пробивал даже глухоту Гирру – он не мог пропускать этот шум мимо ушей. Невыносимо.

Хмурясь и морщась, он поспешил поскорее вскинуть посох выше: внутри стеклянного купола образовался второй купол. Жар, что шёл от звезды, стал медленно стекаться в одну

точку. Воздух задрожал, аромат стал резче, а крупные зелёные листья поникли, не выдержав духоты.

Медленно, лист за листом, сад начал возгораться. Цветы осыпались, занимались огнём, но продолжали гореть. Пышущий жаром вихрь вылетел из оранжереи – и Гирру едва не обжёг лёгкие, прижимая к груди, спасая то, что было ему доверено.

Дикий. Необузданный. Невыносимый аромат и смрад цветочной пыли и пламени. Он поглощал, он нанизывал сознание на остриё, не выпуская из своих цепких лап. Гирру вдыхал полной грудью это неистовство – огонь и цветение. Две стихии, не имеющие ничего схожего, два противоположных цвета и запаха, два несовместимых начала сошлись в танце, похитив все мысли Гирру без остатка.

Заворожённый, он смотрел, как лопаются стёкла. Как, осыпаясь, летят наземь сгоревшие стволы. И как до его лица, обжигая, долетают резко пахнущие лепестки жёлтых, белых, синих и красных соцветий.

Невыносимо... красиво. Невыносимо больно.

Дыхание в груди спёрло. Свёрток в руках зашевелился, прибавляя звук. «Оно» кричало. Плакало, словно звало кого-то.

Гирру медленно опустил взгляд и недоумённо уставился на маленькое уродливое лицо.

– Кто ты? – неуверенным тоном поинтересовался он, поворачиваясь спиной к разрастающемуся пламени. – Нет, нет, подожди... – вдруг перебил он сам себя, схватившись за голову одной рукой. – А кто... я?

Гирру вскинул бровь. А затем вдруг услышал за спиной громкий взрыв. Осколки врезались в спину – Гирру пришлось присесть, пряча в руках то... То, что было нужно сохранить?

Обернувшись, он увидел только красно-чёрное марево. Оно напомнило ему что-то очень давнее, но приятное... И тогда он вновь улыбнулся.

Внезапно взгляд натолкнулся на маленький, странно блестящий предмет, брошенный на землю.

– Клинок?... – безучастно проговорил Гирру и поднял блестящее лезвие. Кажется, его принесло сюда взрывом. Осколок оранжереи?

«Надо будет узнать, нужен ли он Ей», – вдруг решил Гирру, а затем прижал лезвие к груди. Оно медленно и болезненно проткнуло его, но, не успев достигнуть сердца, лишь вспоров грудь, потонуло в глубине тела.

Ощувив на секунду невыносимую боль, Гирру задрожал. На лице выступили слёзы, но он только мотнул головой.

Нет-нет. Ему нельзя плакать.

Отчего так больно, бездна подери?!

Почему его словно раздирает на части?!

Что за удушающая боль, не знающая ни конца, ни края?

Гирру вздохнул. Подняв голову, он увидел дым. Густой, чёрно-красный, он поднимался всё выше и выше к небесам, затмевая их.

Свёрток в руках дёргался, крича. Небеса горели. Цветы, охваченные пламенем, обжигали спину, а удушающий смрад дышал в лёгкие.

– Надо уходить, Ванери... Ванери, верно? – на всякий случай переспросил Гирру, но, слыша в ответ лишь плач, поспешил подняться с колен. А затем, шатаясь, покинул выжженную до пепла местность. И скрылся во дворце, похожем на пирамиду, надеясь, что теперь окрасил в красный... Окрасил всё, что Она желала. И сделал всё, что Она хотела.

* * *

– Эй, Гирру, что это? – спросила маленькая девочка. Она сидела на широких перилах балкона и покачивала ногами, смотря вдаль, на покрасневшее небо.

– Затмение светил, – тут же отозвался мальчишка и тоже ловко взобрался на перила, усаживаясь рядом. Его неуверенный взгляд сначала обратился к сестре, а затем он протянул руку и накрыл её ладонь своей.

– Гирру, так красиво... Может ли весь мир стать таким? – с восхищением проговорила она и тут же сжала потную ладошку в ответ.

Мальчик смутился, но затем перевёл взгляд на алеющие небеса. Город, равнины и пески, каждый дом окрасился красным. Не осталось ни одного светлого участка, словно мир в одно мгновение оказался перемазан кровью. Будто на континент опустилось красное море, будто все, кроме них двоих, умерли, а кровь погибших теперь освещала мир вместо звёзд.

– Если ты пожелаешь, мы сделаем его таким, – спокойно ответил мальчик, но улыбнуться не смог. Взрослые давно укрылись в подземелье, забившись в угол, страшась конца мира. И ему тоже не очень-то нравились эти перемены, но если того хочет Она...

– Братишка, а братишка? Они изгнали Галана и вынудили его пойти на войну. Дядя Галан слаб, а его оружие – это роза. Разве сможет он выжить? Они убили его, Гирру. Как думаешь, мы должны убить их в ответ? – с тёплой улыбкой девочка вновь обратилась к мальчику. В ярком красном цвете её выражение лица выглядело пугающе, но Гирру и не подумал испугаться. Ему нравилось всё.

– Если сестра пожелает, то я помогу ей. Не все мужчины укрылись в подземелье. Кому ты хочешь отомстить?

– Другому дяде, Онро. Он больше всех...

– ...хотел участвовать в твоём ритуале совершеннолетия, – закончил Гирру. И в этот момент на лице мальчика лет десяти отразилась поистине кровожадная гримаса. Он оскалился, а кровавые в свете единственной оставшейся звезды глаза блеснули неукротимой ненавистью.

Не дожидаясь дальнейших указаний, он спустился на балкон, а затем подал руку девочке, что была выше и старше. Стоило ей опереться на поданную ладонь, как Гирру подхватил её под пояс и, как самую настоящую даму, медленно опустил на пол. Её длинное пышное платье всколыхнулось, а локоны пышной копной легли на плечи.

Несколько секунд они просто стояли в обнимку и смотрели друг другу в глаза.

Одинаковые, как зеркальные отражения. Но в глазах одной было волнение и радость, а в глазах другого – уверенность и желание защитить любой ценой.

Бегом они спустились на этаж ниже. Продолжая держаться за руки, мальчик оголил посох, а девочка – короткий клинок. В необычных кровавых красках всё выглядело совершенно иначе, но Гирру быстро отыскал спальню Онро.

Мужчина в это время стоял подле окна и грыз ногти. Резко обернувшись на вошедших, он вскрикнул.

– Бездновы отродья! Уходите! Отродья!!!

Его истеричный вопль ещё несколько секунд звенел, наполняя собой весь дворец, а затем прервался. Посох синим залпом пронзил грудь, а клинок вошёл ровно в глотку. Девочка хохотала, вынимая клинок и погружая его вновь и вновь в плоть медленно сползающего по стене мужчины. Голубые в свете затмения пятна крови испачкали дорогие узорчатые обои.

Гирру стоял и смотрел, как его сестра расправляется с уже бездыханным телом, кромсая его на кусочки, отрубая руку, а затем снимая скальп с головы дяди. Скрыв невольно пробежавшую по телу дрожь, он заставил себя смотреть, но не на тело, а на искаженное радостным безумием лицо сестры. Ярко-красные одежды уже насквозь промокли от голубой жижи, но она продолжала вонзать оружие, превращая тело мужчины в грудку мяса.

– Гирру.

Девочка внезапно остановилась. Поднялась и встала напротив мальчика. Резко налетев на него с крепкими объятиями, она провела руками по спине, оставляя длинный синий след.

– Да?

– Ты ведь поможешь мне, Гирру? Поможешь избавиться от Герье?

– Да. Помогу.

Гирру заставил себя улыбнуться, но, попытавшись обнять сестру в ответ, понял, что не может даже шелохнуться. Посох рассыпался на частицы дэ в его руках, как и решимость в сердце, но... Подняв взгляд на прекрасное лицо сестры, на котором наконец-то можно было прочесть покой, он вымученно улыбнулся.

– Я сделаю всё, о чём ты попросишь. Абсолютно всё. И неважно, чем это обернется для нас. В отличие от других... я всегда буду только на твоей стороне, Жери.

Глава 59. Гирру Герье

Нуска очнулся с одной-единственной мыслью. И с этой же мыслью выскочил из гостевых покоев, в которые его перенесли, пока он видел сны, подобные кошмарам.

Лекарь засыпал, думая, что ничто не заставит его сострадать какому-то напыщенному аристократу. Не просто аристократу, а сумасшедшему арценту, который превратил свой дворец в хлев и собственноручно избавился от всех претендентов на звание главы семьи. Который, обладая властью, и не пытался думать о городе, в котором жил, а мечтал лишь о мести.

Мог ли Нуска ненавидеть его дальше? Возможно. Мог ли осуждать за безразличие к живущим в этом городе арцентам? Да. Но заслужил ли он те страдания и мучения, которые выпали ему? Нет.

Нуска хоть и ощущал слабость после долгого сна, но продолжал упрямо плестись по коридорам. Теперь он видел, что хоть этот дворец и был украшен дорогими обоями, обставлен искусно сделанной мебелью, но находился в запустении. Видимо, Гирру всё-таки прибегал к помощи наёмных слуг, но не разрешал им здесь жить.

Что вообще заставило его покинуть дворец и направиться в школу сурии? Как он вообще смог найти в себе силы хоть для чего-то? Или же...

«Он просто искал мести и искал кого-нибудь, кто сможет в этом помочь. Услышав слухи о хаванце, который способен видеть прошлое, он последовал в школу и целенаправленно искал меня. Но даже когда нашёл, не стал убеждать, чтобы я поехал с ним. Гирру... действительно слишком мягкий?»

Нуска на секунду даже остановился, пытаясь переварить эту мысль. Тот сурии, что безжалостно убивал. Тот арцент, что без памяти влюбился в собственную сестру. Тот человек, что называл собственную дочь мусором... мягкий?

Лекарь помотал головой, а затем поплёлся дальше. Был поздний вечер, и коридоры освещал лишь слабый свет звёзд. Однако Нуска по длинному следу дэ смог отыскать покои Гирру.

«Верно. Его зовут Гирру, не Жеро».

Нуска толкнул дверь. Комната выглядела по-прежнему: ворох бумаги под ногами, пустые бутылки, кровать, что теперь выглядела ещё хуже, чем в прошлый раз. И Гирру, который стоял у балконных дверей и вновь держал в руках чашу с вином, перекидывая её из руки в руку. Арцент не сразу услышал шаги за спиной – лишь когда Нуска прикоснулся к его руке и выхватил чашу, он, казалось, вышел из оцепенения. Но затем так же заторможенно наблюдал, как Нуска идёт на балкон и уже во второй раз выливает вино за перила.

– Гирру, тебе это не нужно. Ты... ни в чём не виноват.

Арцент почему-то молчал, он только медленно вышел из-за спины Нуски и тупо уставился на опустевшую чашу в его руках.

– Ты узнал, кто убил её?

Голос Гирру дрожал. Да и сам он выглядел не лучше: лекарю хватило лишь одного взгляда на арцента, чтобы понять: тот и сам догадывался, кто повинен в пожаре. Только вот... Гирру ошибался.

– Обнажи лезвие, – вдруг попросил Нуска.

Гирру нахмурился, но приложил руку к груди. На арценте был лишь тонкий красный халат, в котором Нуска впервые встретил его здесь, во дворце. Тогда Гирру показался лекарю лишь заносчивым аристократом, но теперь... всё приобрело смысл.

Как только тонкое лезвие блеснуло в руках Гирру, Нуска попытался выхватить его, как и чашу ранее, но на этот раз арцент оттолкнул руку лекаря, не позволив даже притронуться к сверкающему оружию.

– Трогать нельзя, – холодно отрезал он.

– Это ведь настоящее оружие дэ? Не часть твоего посоха, а оружие Жери? – повысив голос, уточнил Нуска, хоть и так знал ответ.

И Гирру в одно мгновение растерялся, опуская взгляд на обломок в руках.

– Жери? Её звали Жери... – неуверенно пробормотал он. – Да. Это её оружие.

– Тогда почему ты заставляешь меня искать убийцу живой сурии?! Разве её оружие не должно было исчезнуть в тот момент, когда она умерла?! – выкрикнул Нуска, чувствуя, как краснеет его лицо. Неужели Гирру все эти годы винил себя в убийстве, которого не было?!

– Нет-нет. Она не могла выжить, – замотал головой Гирру. Осколок тут же распался на частицы. – Она не могла оставить меня, она была бы рядом.

– Это беспокоит тебя? Или ты действительно все эти годы надеялся, что она мертва? – вновь выпалил Нуска.

Глаза лекаря горели. Ему было тяжело вникнуть в столь сложную связь, но... Кажется, Гирру так сильно любил собственную сестру, что потерял себя. После смерти человека, который направлял его столько лет, он так и не стал свободным. Он просто...

– Ты даже взял себе её имя! Разве Жеро – это не мужской вариант имени Жери? Даже когда она пропала, ты продолжал лишь слепо следовать её желаниям, продолжал вести себя жестоко и вершить расправу?

Гирру молчал. Он выглядел так, будто каждое сказанное Нуской слово было пощёчиной.

– Тебе хотелось думать, что она мертва, ведь тогда не нужно ни перед кем оправдываться? И потому что... потому что она напоминает тебя и напоминает о грехах, которые ты совершил? В твоём дворце даже нет зеркал, ты...

– Нуска! Прошу тебя, перестань.

Гирру стоял, низко склонив голову. В полутьме и холодном свете ночных звёзд он напоминал мертвеца: блеск в глазах в одночасье померк, руки безвольно свесились вдоль туловища, а голова медленно склонялась ниже и ниже под невидимой тяжестью.

– Но Гирру, ты ни в чём не виноват. Твоя сестра выжила, да и всё, что ты натворил, ты сделал не по своей воле. Ты выполнял приказы сестры и своих родственников. Разве у тебя был выбор?

– Нуска... – Гирру помотал головой, сжал руки в кулаки, шурясь. – Выбор есть всегда. Но он есть лишь у людей, обладающих собственной волей. Я же отринул себя и был безвольной куклой всю осознанную жизнь. И... даже сейчас я не хочу вспоминать о том, что я... существую.

Нуска вздохнул. Эта ситуация казалась ему знакомой. Син точно так же, как и Гирру, сгибался под тяжестью совершённых преступлений. Но Син оставался собой несмотря ни на что, он шагал вперёд с высоко поднятой головой, игнорируя свою боль и неся ответственность за прегрешения. Гирру же пошёл иным путём. Он решил не просто забыть обо всём, что совершил, а...

– Ты просто превратил себя в орудие. Ты отринул свою человеческую суть, забыл, кто ты есть, и стал инструментом в чужих руках. Но почему, Гирру?..

Арцент ещё некоторое время стоял, но затем сделал несколько шагов к центру комнаты и медленно опустился на край кровати. Волосы скрыли его лицо, и Нуска мог разглядеть лишь еле заметно подрагивающие губы.

– Мои родители... С того момента, как я получил имя, они знали, что я не такой, как другие. Что я наделён силой духов. И боялись этой силы, потому что не понимали её. С самого рождения меня принижали, «ставили на место», говорили, что я не могу быть особенным, что я обязан заслужить переданную мне силу. Кто-то из семьи меня сторонился, кто-то искал повод плюнуть в лицо. И лишь сестра относилась ко мне по-человечески. Да и то потому, что... это имя должно было принадлежать ей.

– Ей? Но как... Она... – изумлённо выдохнул Нуска, примерно догадываясь о том, что произошло.

– Имя Гирри было дано ей при рождении. Я изначально не должен был стать кем-то особенным. Однако когда родился я, она решила назвать Гирру меня, а себя – Жери, в честь покойной матери. Но, став простой женщиной в нашей семье, она...

– Стала для них тем, кто должен рожать потомство, и потеряла ценность в каком-то другом смысле? – понимающе кивнул Нуска и со вздохом сел рядом.

Такие истории он слышал не раз. И встречал в трупобах женщин, которых за ненадобностью просто вышвырнули вон. Обычно они были сломлены настолько, что либо теряли рассудок, либо вовсе не разговаривали и всецело отдавались пьянству или непомерной работе.

– Я... Нуска, ты же всё видел. Ты видел, что я совершил. С детства Жери понимала, что никогда никем не станет, что, чего бы она ни добилась, всё для неё закончится одним – ритуалом совершеннолетия, а затем рождением детей. Я хотел защитить её, но что же я сделал, Нуска?.. Что я... сделал... – Голос Гирру сорвался. Он схватился за голову и с громким шипением, рвущимся через стиснутые зубы, чуть не вырвал у себя клочок волос. Нуске даже пришлось вмешаться – лекарь накрыл побелевшие костяшки арцента своими ладонями и покачал головой.

– Гирру, сколько лет ты собираешься винить себя? Разве это что-то исправит? Почему ты, находясь на своей должности, не мог бы...

– Что, Нуска, что? Что хорошего я могу сделать? Я – мужчина. Точно такой, как и те, кого презираю. Я не имею никакого права...

– Но кто тогда должен это сделать? У кого есть такие полномочия? Разве Арцента не является до сих пор единственным городом в Скидане, где женщины не имеют права выбирать свою судьбу?

– Да. Да, ты прав. Жери отказалась от своего имени лишь по той причине, что знала... Её руки всё равно будут связаны, – замотал головой Гирру.

– Получается, своё имя и судьбу... можно передать кому-то другому? – неуверенно переспросил Нуска, нахмурившись. Но ответа так и не получил, потому что Гирру вдруг вскочил и заметался по комнате: он топтал собственные документы и безумными глазами смотрел по сторонам.

– Я не заслужил, Нуска. Не заслужил ни это звание, ни этот дворец... – Он махнул руками, обводя свои запущенные и грязные покои. – Нуска, я не заслужил этого! Почему моя сестра... Почему Жери должна была страдать, когда я жил все эти годы, ни о чём не заботясь?! Лишь потому, что я мужчина... Поэтому я не должен был проходить через то, через что прошла она?!

Гирру не кричал, но голос его срывался после каждой фразы. Нуска почувствовал нездоровое дуновение дэ – кажется, именно сейчас энергия ударила арценту в голову, желая похитить последние крупницы его рассудка.

– Гирру, подожди... – предостерёг Нуска, вскакивая с места.

Он уже хотел воспользоваться помощью времени и быстро очистить разум Гирру, но тот первым сократил дистанцию и... крепко обнял Нуску за плечи. Лекарь растерялся настолько, что просто застыл, чувствуя частое биение чужого сердца.

– Скажи мне, Нуска, заслужил ли я прощение? Можешь ли ты... Хотя бы ты простить меня? Я не желал рождаться мужчиной и не желаю им быть... Как можно закрыть глаза на то, что я сотворил, как можно мне продолжать жить, есть, спать и радоваться, когда моя сестра и все Герье мертвы по моей вине?!

Нуска стоял и смотрел, как сурии утыкается в плечо и, как малое дитя, рыдает, хватаясь за его одежду. Возможно, кто-то другой даже почувствовал бы отвращение или его захлестнуло бы чувство собственного превосходства, но... Нуске тоже нестерпимо хотелось завывать. Ска-

зять, что этот мир несправедлив. Подтвердить, что с самого начала эта жизнь была нечестна с ними.

Лекарь медленно опустил руки на спину Гирру, сдерживая бьющую его дрожь. А затем заговорил:

– Гирру, послушай. Тебе не за что просить прощения. Из-за того, что жизнь оказалась несправедлива к тебе, из-за того, что люди, которые были возле тебя, оказались самыми настоящими ублюдками... ты не должен ненавидеть себя. Ты не должен винить себя. – Нуска обнимал всё крепче и крепче. Даже слёзы арцента были горячими и сейчас невыносимо жгли промокшее насквозь плечо. Но Нуска терпеливо ждал, пока Гирру придёт в себя. – Твои помыслы, желания и мечты изначально были чисты. Да, ты истребил практически всех Герье, но и они совершили столько ужасного, что их невозможно было простить.

Гирру молчал. Нуска понимал, насколько ему сейчас тяжело: наверняка этот аристократ ни разу в жизни не позволял себе плакать или даже жаловаться, пенять на судьбу или попросту быть слабым. И теперь, когда этот взрослый мужчина в отчаянии цеплялся за него, лекарь хотелось помочь хоть чем-то.

На всякий случай лекарь всё-таки прикоснулся к волосам Гирру, провёл пальцами по лбу, очищая его голову от воздействия дэ.

Нужно было что-то сказать. Задать ему направление и указать путь. Нуска не был уверен, но... Что сделал эрд, совершив свои грехи? В чём он нашёл свой собственный путь к прощению?

– Гирру, теперь ты главный сурии огня и глава семьи Герье. Своими руками ты способен выстроить новый мир, где у женщин и мужчин будут равные права, а чистота крови отойдет на второй план. Ты не должен сдаваться, Гирру. Ты всё ещё жив. В твоих силах изменить Арценту и Скидан, – медленно и с расстановкой проговорил Нуска.

Лекарь особо ни на что не рассчитывал, но эти слова всё-таки подействовали. Гирру постепенно обмяк, поднимая голову. Нуска чувствовал горячие руки поверх своего пояса – хватка всё ещё была крепкой.

– Моя сестра... Жери. Она действительно... жива? Она не погибла, не сгорела в моём огне? – спросил Гирру. И тогда Нуска кивнул, поднимая взгляд к потолку.

– Если часть её клинка всё ещё не пропала, то она жива. Но не думаю, что...

– Ты прав. Я ещё не готов встретиться с ней... Ещё не время.

Они просто стояли обнявшись, а Нуска молчаливо поддерживал этого сломленного арцента с непростой судьбой. Ещё днём он казался лекарю совершенно невыносимым, но...

– У всех людей есть причины для того, чтобы поступать тем или иным образом. Но всё равно, Гирру, не позволяй ненависти и даже любви затмевать твой рассудок. Не совершай поступков, которые считаешь неправильными, даже ради тех, кого ценишь. Однажды ты уже забыл своё имя. Не позволяй этому случиться вновь.

Гирру кивнул и отстранился. Его глаза всё ещё были красными, но в них появился живой блеск.

– Нуска, спасибо. Пускай ты был простым зрителем, но... Рядом со мной не осталось никого, кто мог бы рассказать и напомнить мне, кто я. Все они... уже сгнили.

Нуска кивнул. Человеку необходимо помнить своё прошлое, ведь оно является доказательством существования. И сейчас возле Гирру не было никого, кто мог бы подтвердить, что он действительно рождался, что его сестра существовала, а все события, произошедшие с ним, не были сном.

– Гирру, ты правда любил свою сестру? Ты...

– У нас разные матери, но один отец. Но ты прав, Нуска. Такого не должно быть... Это неправильно. А Ванери, наша дочь...

Нуска вздрогнул. Он вдруг ощутил всплеск чужеродной дэ, и источником её был совсем не Гирру.

– Нуска! – Гирру, совершенно ничего не замечая вокруг себя, вдруг схватился за руку лекаря. – Своими действиями я правда могу... заслужить прощение?

– Я думаю, что Жери никогда не винила тебя. И я не виню. Мир, в котором мы живём, жесток, но мы способны изменить его. Своими руками, – кивнул Нуска, а затем перевёл взгляд в сторону двери. Она оказалась приоткрыта, а за ней стояла та самая девочка. Дочь Гирру.

Ванери молча сделала несколько шагов из темноты. На её красивое смуглое лицо упал свет, и лекарь сумел разглядеть две дорожки слёз. Гирру всё ещё ничего не замечал, полностью погрузившись в свои мысли.

– Моя мама... Она правда жива?

Нуска сглотнул. Слишком рано. Гирру ещё не готов говорить с ней, он только начал переосмысливать свои поступки и не был способен принять свою дочь.

Так оно и было. Лицо Гирру перекосило лишь от голоса Ванери – Нуска, стиснув зубы, повалил арцента, собравшегося обнажить оружие, на кровать.

– Гирру! Это ведь дочь Жери, разве забыл?! Ты ведь пообещал защищать её! – выкрикнул Нуска, пытаясь воззвать к его разуму.

Но Гирру сейчас был слишком уязвим. Лицо, что всего несколько минут назад заливали слёзы, теперь исказила ненависть. Нуска с ужасом осознал, что хоть и очистил голову арцента мгновение назад, но в неё вновь потоком хлынула огненная дэ.

«Разве такое может быть? Неужели безумие может наступить так внезапно?! Почти как...»

Нуска припомнил катастрофу в Рире. Ту сумасшедшую, Шайри, которая раскрыла бездну лишь для того, чтобы уничтожить лекаря и Сина. Ранри тогда сказала, что безумие настигло её внезапно – просто в один день главной сурии тьмы захотелось перебить всех риров в округе.

«Но так, th`are, не должно быть, я читал об этом! Дэ постепенно накапливается в области головы, начинает давить на некоторые области мозга, что и вызывает безумие. Каким образом энергия может хлынуть в голову и привести к безумию мгновенно?!»

Нуска всё ещё удерживал арцента прижатым к кровати. Тот хоть и не очень активно сопротивлялся, но выглядел пугающе: даже кожа его стала горячее, а глаза налились кровью. А что было ещё хуже... Ванери не спешила уходить.

– Гирру... действительно мой отец?

Нуска бросил лишь один косой взгляд на неё, и этого хватило, чтобы понять: девочка совершенно не чувствует опасности. От Ванери исходила не меньшая мощь – огненная дэ так и плескалась в теле ребёнка. Если вдруг она сможет ответить силой на силу, то дворец просто взлетит на воздух.

– Ванери, уходи! Ты совсем не понимаешь, что происходит?! – выкрикнул Нуска, а затем перевёл взгляд на Гирру: его лицо становилось всё темнее, а сам он, казалось, еле сдерживался от того, чтобы швырнуть Нуску на пол и сжечь собственную дочь на месте.

– Не хочу уходить. А Гирру меня не обидит – он уже пытался, но так и не смог.

Её уверенный тон вселял уверенность, но Нуска, видя, как Гирру скрипит зубами и пытается атаковать, всё равно не мог просто оставить их вдвоём для вечерних посиделок отца и дочери.

– Она права. Я не смогу навредить ей. Я обещал Жери.

Этот голос вновь был тусклым и безжизненным. Кажется, жизнь под одной крышей с дочерью приносила Гирру невероятные страдания. Он видел в ней доказательство своего предательства, он видел в ней себя и Жери. Всё, что он так неистово ненавидел, было заключено в этом ребёнке.

Нуска не был мудрым старцем и не обладал никаким опытом в этой части: настоящих братьев и сестёр у него не было, как и семьи, детей. Но... разве у Гирру остался хоть кто-то, кроме этой необычной девочки? Разве осознание того, что он делает Ванери несчастной, не сделает его вину ещё больше?

– Гирру, – Нуска заговорил и встал, выпуская арцента из захвата. Тот разом подорвался, сев, но что-либо предпринимать не спешил, просто внимательно смотрел на лекаря в ответ. – Пока ты не примешь хотя бы Ванери, то не сможешь принять себя. Ты – тот, кто ты есть. Ты не орудие, как бы тебе ни хотелось так думать. Ты несёшь полную ответственность за каждое совершённое действие, а потому... должен принять себя таким. Принять своё прошлое и настоящее.

Нуска шагнул в сторону девочки и не самым вежливым жестом толкнул её вперёд, в сторону Гирру. Это хоть и было опасно, но выбора не оставалось. Конечно, они не станут примерными отцом и дочерью за один день, но первый шаг необходимо сделать сейчас.

– Она хочет знать, кто её мать. Нет, даже не так... Она должна знать. И ты, как отец, должен рассказать ей всё. – Голос Нуски вдруг стал жёстче, а светлая энергия взбунтовалась, на секунду перекрыв горячие крупницы дэ в комнате. – Прекрати сбегать и прятаться. Прими ответственность на свои плечи и исправь то, что сделал. Подружись с Ванери, измени ситуацию в Арценте и отправляйся на поиски Жери. Я считаю, что ты должен поступить именно так, если желаешь простить самого себя.

Нуска громко выдохнул. Он и сам не заметил, насколько громко и уверенно говорил до тех пор, пока в горле не запершило.

Но, посмотрев на Гирру, Нуска пересёкся взглядами с абсолютно растерянным человеком. Его состояние менялось ежесекундно – от плача до бешенства, а теперь от бешенства до испуга. Нуска боялся даже представить, что сейчас творилось в его голове, но... Арцент вдруг впервые за всё это время задержался взглядом на девочке. Ванери вздрогнула и отступила к Нуске.

Лекарь качнул головой и нахмурился, а затем толкнул Ванери во второй раз – и та полетела на пол, практически в ноги к Гирру. И тот нехотя и, видимо, машинально подхватил маленькое тельце под плечи, спасая от падения.

В это мгновение должно было решиться всё. Нуска даже успел испугаться. Неужели он, сирота, был способен решать подобные проблемы? Стоило ли вообще влезать в это и пытаться что-то сделать?

Нуска знал, каково быть одному. Знал, каково это – потерять всех. Возможно, он никогда надолго не задумывался о том, что утратил, но сейчас у Гирру была только Ванери, а у Ванери – только Гирру. И лекарь корил бы себя всю жизнь, позволь он им просто разойтись по разным комнатам, не сказав друг другу ни слова.

Гирру помог Ванери встать. А затем отец впервые посмотрел на свою дочь: на эти золотые глаза и смуглую кожу, на эти каштановые, отливающие медью волосы.

– Ты правда хочешь узнать о Жери? – уточнил он, смотря на красное от волнения лицо девочки.

– Хочу, – подтвердила она. – Мою маму звали Жери?

– Верно. А ещё её волосы и глаза... – начал он, и, хоть его голос и сорвался, но он заставил себя продолжить. – Она была похожа на меня. Но ты ещё больше похожа на неё.

Нуска боялся потревожить их, а потому просто развернулся и направился к выходу. Будет ли у них всё хорошо? Как закончится эта история? Он не знал. Решить эту проблему мог только Гирру, который был не менее способным и таким же «избранным», как и Нуска.

Лекарь не без тяжести на сердце покидал эту комнату, но всё остальное могли решить лишь они – почти обезумевший арцент и маленькая девочка.

Глава 60. Покидая Арценту

Следующим утром Нуска чётко осознал одну вещь: он покидает Арценту. Хотя этот город и оказался самой настоящей огненной бездной, но лекарю было что вспомнить. Здесь он осознал себя сурии, здесь он вновь встретился с Вьеном и впервые ощутил, каково это – быть повинным в чужой гибели, а заодно узнал, кто он.

Однако встреча с Гирру не только приоткрыла лекарю глаза на происходящее – она и предостерегла его.

«Сейчас я так сильно хочу вернуться к эрду... И поэтому совершил ошибку: из-за меня погибли люди. Не знаю, что мной движет, но не хотелось бы закончить, как Гирру».

Нуска как раз выглянул в окно: там неумелый молодой отец пытался гулять с дочерью. Может, это выглядело бы даже мило, не зная лекарь всей истории этой семьи.

– Гирру, смотри! Птица. Тебе нравятся птицы? – вопрошала Ванери, указывая пальцем куда-то в небо. Нуска тоже взглянул: кажется, это был орёл, выискивающий добычу.

– Это птица-падальщик. Она поедает останки мёртвых животных в пустыне и никогда не атакует живых, – проинформировал её Гирру тоном учителя.

– Понятно... Но птицы же красивые? – уточнила Ванери, бросая ещё один взгляд на отца.

– Красивые?

– Да. Их перья, крылья... – задумчиво протянула она, а затем перевела взгляд на обеденный стол под одним из деревьев во дворе. – Гирру, а какая еда тебе нравится?

– Еда? Нравится...?

Нуска только покачал головой, наблюдая за тем, как этот арцент начинает жизнь заново. Вряд ли лекарь сделал что-то особенное: просто поговорил с ним о прошлом, подсказал решение. Неужели этого достаточно?

«Нет. Его ждёт очень долгий путь. То, что другие узнают о себе в возрасте Ванери, он не знает даже сейчас. Возможно, и хорошо, что с ним ребёнок, не требующий ничего взамен. Может, Жери это и планировала?»

Нуска нахмурился. Он ведь видел не какой-то мираж или сон, он разговаривал с самой настоящей Жери. Неужели оружие дэ – это не просто один из органов, сформированный с помощью дэ, а самый настоящий отпечаток живого человека? Он хранит в себе и кусочек души, и воспоминания, а также...

«Может передаваться».

Упоминаний об этом не было ни в одной из прочитанных Нуской книг, но разве подобные практики не опасны? А что, если какой-нибудь сурии захочет отнять чужие орудия и использовать их?

Лекарь прикоснулся к груди, в которой билось лишь сердце. Что ж, ему ещё рано беспокоиться о подобном. У него никогда не было своего оружия, да и зачем оно обыкновенному врачу? Возможно, когда он отправится на войну...

Нуска принялся собираться. С ним были только старые поношенные одежды и кинжал, одолженный у Оанна. В любом случае, сейчас необходимо заручиться поддержкой Гирру, записаться в армию, а затем вернуться в дом Жамина и забрать хотя бы клинок, выкованный Минхэ.

К обеду лекарь уже собрался, а Гирру вернулся обратно во дворец. Сегодня его комната выглядела на порядок лучше, а разные документы и бумаги лежали аккуратными стопками на столе. Арцент просматривал их с серьёзным выражением лица и теперь действительно походил на главного сурии огня.

– А, Нуска, – обратился Гирру, встретившись с лекарем взглядом. – Я уже всё подготовил. Но тебе придётся перекрасить волосы и ещё хлебнуть арцентской крови, чтобы сойти

за арцента. Когда покинешь город, сможешь смешаться с толпой новобранцев. В Эрьяре уже будет неважно, кто ты.

Нуска почувствовал в теле лёгкую дрожь от одного упоминания столицы. Там он провёл много лет, там он впервые отправился в путешествия и там, в маленьком двухэтажном доме, жил под одной крышей с Сином. Но теперь его путь вновь лежал прочь от столицы, на границу, где эрд прямо в эту секунду сражался на передовой.

Лекарь был уверен, что он бьётся один, сдерживая своим мечом наступление на целом фланге. И так живо это представил, что совершенно пропустил и всё сказанное Гирру, и не заметил, как арцент медленно приблизился сбоку, чтобы заключить Нуску в объятия.

Нуска опешил, но не стал вырываться. А затем и сам приобнял Гирру в ответ.

– Я знал, что мы станем друзьями. Что ты pomoжешь мне и укажешь, куда двигаться дальше. Новая жизнь... пугает меня. Я никогда не жил как Гирру. Да и ты, увидев всё это, наверняка считаешь, что Жери подошла бы роль вершителя судеб лучше. Но теперь я понимаю, что сбежать не удастся. Судьба всё равно настигнет каждого из нас. Не считаешь ли ты забавным, что мы можем влиять на судьбы других, но всё равно вынуждены повиноваться собственной?

Гирру говорил тихо – видимо, старался, чтобы никто не услышал. Нуска вновь почувствовал сильный запах цветов, но на этот раз в нём не чувствовалась гарь.

– Если то, что ты говоришь, правда, то духи неспособны вмешиваться в нашу жизнь. Мы можем делать абсолютно всё, что нам захочется, и никто не будет в силах остановить нас, – проговорил лекарь.

Вот к какому выводу пришёл Нуска. Это и было единственным отличием его, Сина и Гирру от простых людей, однако...

– Ты говорил, что мне достаточно одной крови, чтобы увидеть сон другого «избранного». Значит ли это, что и Хайя...

– Хайя? Не тот ли это карборец, который изобрёл водопровод, сталь и латы? – Гирру вдруг усмехнулся, смотря Нуске прямо в глаза. Гирру продолжил: – Он практически перевернул Скидан с ног на голову. Он изобрёл то, чего не существовало в природе, когда ему было меньше восемнадцати. Разве тебе нужны какие-то ещё подтверждения?

И тогда Нуска понял, что Гирру имел в виду. Хайя не только упростил жизнь многим тысячам карборцев, он озаменовал своими изобретениями новую эпоху. Возможно, они помогут выиграть войну и завоевать влияние на всём континенте. Хайя и правда был особенным.

Но если Хайя – талантливый изобретатель, Син – прекрасный правитель и сурии, Гирру – великолепный маг... кто тогда Нуска? Обыкновенный лекарь, коих десятки в Скидане?

«Хоть я и способен видеть прошлое, но что оно даёт? Толк тот же, что и от учебников истории. А несколько секунд будущего не спасут мертвеца от кончины, а страну от падения. Этого недостаточно».

Нуска нахмурился и встретился с понимающим взглядом Гирру.

– Теперь ты понимаешь, да, Нуска? Возможность менять судьбу – это всего лишь возможность. А вот хватит ли на это сил, зависит только от тебя.

Его волосы блестели, спадая упругими локонами на плечи, а глаза сверкали. Нуска никогда не видел, чтобы его глаза горели так ярко: кажется, всего сутки в компании другого человека пошли ему на пользу. Да и не какого-то, а именно Ванери – маленькой девочки, которая не требовала от Гирру ничего особенного. Она принимала его таким – даже сломленным, даже слабым.

«Возможно, дети и глупы, но в чём-то точно лучше взрослых. Гирру может позволить себе быть настоящим, а не притворяться, как в школе, всемогущим и жестоким сурии».

А Гирру таким не был. Наблюдая за ним, Нуска понял, что тот и сам ещё ребёнок. Как долго Гирру находился в плену своих иллюзий? Как долго он плясал под чужие песни, пытаясь угодить другим? И сможет ли он теперь начать жить, как хочет того сам?

Гирру медленно выпрямился и отступил на шаг. Нуска поймал себя на кроткой улыбке: возможно, этого арцента ждёт завидная судьба. Он – главный сурии огня, у него есть дочь, а человек, которого он любил, оказался жив. Хотя ему и пришлось пройти через самую настоящую бездну когда-то... Возможно, Жери была права в своём желании уничтожить всех Герье? Были бы они свободны так же, как сейчас, находясь под давлением этой развращённой семьи?

И, возможно, это новый шаг для всей Арценты? Сделает ли Гирру то, что пообещал? Позволит ли людям в этом городе выбирать свою судьбу, а не слепо следовать указаниям предков?

– Гирру, пообещай, что сделаешь всё, чтобы твоя судьба и судьба Жери не повторились. Пускай это будут другие люди, та же Ванери. Если ты не хочешь, чтобы она столкнулась с той же жестокостью, что и Жери, то не позволяй этому произойти, – вдруг громко выдал Нуска, сам не соображая, о чём просит.

Как и говорил Гирру, разве так легко переломить взгляды людей и заставить их относиться друг к другу уважительно? Разве так просто изменить этот неправильный мир?

И всё же Гирру, расправив плечи, ответил:

– Получится или нет, возможно это или нет, я сделаю всё, чтобы это не повторилось. Неважно, сколько времени это займёт – всю мою жизнь или несколько последующих жизней моих потомков. Я сделаю так, чтобы никто больше не повторил нашей судьбы. Таково слово Же... Гирру. Гирру Герье.

Нуска знал, что он не лжёт. Этот арцент действительно предпримет всё, чтобы сделать мир лучше. Потому что судьба Скидана в его руках, потому что каждый может раскрасить континент в белые, чёрные или красные цвета, повинаясь прихоти. И только от желания человека зависит, каким будет выбранный цвет.

* * *

Лучи звезды пробивались в резное окно. Жёлтые узорчатые следы света растянутыми пятнами лежали на полу – и это было единственным украшением полупустой комнаты. Место для сна располагалось прямо на полу – какой-то тюфяк, набитый соломой, да маленький деревянный столик рядом. На нём стояло сразу два пустых винных кувшина.

Нуска думал, что не успел, а потому его мелко трясло с ног до головы – он паниковал так сильно, использовал все свои способности разом, выбрасывая в воздух напрасные вспышки светлой дэ.

Когда он вернулся в дом торговцев, Жамина и Оанна, там было тихо. Несколько свечей на кухне расплавились и застыли лужами воска, и Нуска сразу направился в комнату старшего арцента. На самом деле он сильно соскучился по ворчливому Жамину – тот был очень сдержанным и закрытым, часто сквернословил и бросался чем-то в Нуску, но... это было даже мило? Лекаря хоть и тяготило это странное ощущение собственного превосходства над кем-то, кто старше, но он всё равно очень тепло относился к этому арценту и желал ему только долгих лет жизни.

Только вот когда Нуска вошёл в комнату, то нашёл Жамина, мучившегося от жара, без сознания. Ещё немного, опоздай лекарь на час – и сердце торговца бы остановилось, а мягкие черты лица никогда не исказились бы от гнева – они бы застыли в трупном окаменении.

Жар у арцента и жар у представителя другого народа – совершенно разные вещи. Нуска даже не мог коснуться раскалённой кожи Жамина, лишь обжигался, притрагиваясь к нему даже на секунду.

«Именно поэтому арценты живут меньше. Хотя они и хорошо переносят высокие температуры, но не такие. Они просто... сгорают изнутри? Как карборцы превращаются в металл, так и они медленно тлеют?»

Нуска запаниковал. Неужели недостаточно того, что несколько десятков арцентов погибли из-за него? Неужели он теперь должен чувствовать себя виноватым, потому что бросил Жамина умирать в одиночестве?

Лекарь ведь знал... Знал, что энергия, наполняющая каналы Жамина, намного сильнее, чем он сам. Этот арцент с мягкими и приятными чертами лица, острым носом, красивыми кудряшками был очень и очень похож на... учителя Сина?

Нуска вдруг застыл, но не прекратил лечение, сидя над больным и удерживая руки в нескольких сантиметрах от его кожи.

«В своих сновидениях я видел многих... И, кажется, Жери тогда говорила о Галане? А учителя Сина разве звали не Галан? А та женщина, которую выгнали из семьи, потому что она понесла от фасидца, была матерью Жамина и матерью Оанна?»

Всё встало на свои места. И Жамин, и Оанн, и учитель Сина, Галан, происходили из одной семьи – Герье. И их жизни были самым настоящим мучением.

Нуска содрогался, вспоминая, как умер Галан. И отводил взгляд, думая о том, как росли в нищете Жамин и Оанн.

А ведь ни один из них не был сиротой, как Нуска. Все они происходили из знатной семьи сурии, но просто оказались не нужны. Их просто выбросили, как самый настоящий мусор, о них позабыли.

Но Нуска не был согласен с таким исходом. Только не так, не так просто! Жамину рано покидать этот мир, как и Оанну. Только не потому, что они оказались вдруг не нужны своим родным... Только не потому, что Нуска не уделил им достаточно внимания и бросил их точно так же, как и члены семьи.

Он ведь способен изменить судьбу? Он способен сопротивляться ей?

Нуска надавил руками на грудь арцента: неважно, как сильно она жжётся, опаливая пальцы. Нуска обязан спасти этого человека.

Энергия боролась – пробиралась, стелясь по телу, в ткани Жамина. Тот тяжело дышал, обливаясь потом, и Нуска понимал, что каждый вздох может стать последним.

«Перегрузка дэ в каналах. Как эрд... переносит это так долго? Но и Жамин чуть старше Сина, верно? Th`are! Не значит ли это, что в ближайшие несколько лет Син точно так же... умрёт?»

Эта перегрузка – совершенно неизведанная болезнь. Нуске удалось не так много узнать в библиотеках: болезнь появилась совсем недавно, чтобы сопротивляться ей, нужно использовать свои способности как можно чаще. Чем выраженнее будет результат, тем лучше. Например, арцентам необходимо сжигать в пепел различные предметы, фасидцам, в зависимости от вида магии, – что-то замораживать или менять погоду, направлять течение рек. Сифам – возвращать растения, карборцам – добывать и ковать руду, хаванцам – очищать поражённые области и предотвращать распространение тёмной дэ, но рирам...

Их способность – убивать. Разными методами и способами: вспарывая глотки, заражая болезнями, вызывая кровотечения и отравления. Возможно, это звучит жестоко, но в законы мира заложена непоколебимая истина: пока не умрёт один – не родится другой. Если бы хаванцы могли излечить каждого, если бы человек жил не до ста лет, а тысячи, то мир оказался бы разрушен. Даже если убийство считается чем-то плохим, как и смерть вызывает только скорбь, они – это неотъемлемая часть существующего порядка.

Кто-то должен убивать, кто-то должен уничтожать. Но что, если того не хочет человек, наделённый подобным могуществом?

«Вот почему эрд постоянно страдает от перегрузки? Он не хочет ранить других, но всё равно вынужден это делать? Но что тогда с Жамином? Я ведь много раз предлагал ему просто выходить в степь и сжигать всё, что он видит. Почему, h`aidgel i fer, он этого не делает?! Или...»

Нуска, сдерживая огненную дэ в теле арцента, стараясь очистить от неё тело, судорожно соображал. Конечно, он способен сейчас спасти его, но... Лекарь вынужден покинуть Жамину, оставить его один на один с болезнью, сжирающей тело. Если Нуска не поймёт, как избавиться от проявлений перегрузки, то Жамин всё равно умрёт. Не сегодня, так через месяц.

«Он постоянно читает книги. Обучается. Возможно ли, что в его теле очень много энергии, доставшейся от Герье, но он не умеет ею пользоваться? И каналы его настолько неразвиты, что неспособны сдерживать такой напор? Получается, его мать была из Герье, но отец, скорее всего, не был умелым сурии. Поэтому он получился неправильным...?»

Нуска не смог подобрать слова точнее. Как бы ему ни было обидно за Жамину, но с каждым поколением сурии становились сильнее. Энергия в теле возрастала, а каналы росли, обрамляя каждый капилляр в теле. Из-за этого и появилась болезнь вроде перегрузки дэ в каналах: человеческое тело уже не справлялось с настолько сильным потоком энергии; он стал доводить своих владельцев до безумия, до иступления, до гибели.

Лекарь провёл в комнате арцента несколько часов. Лучи звезды с пола медленно взобрались по стене и исчезли – настал закат. В бледно-красном цвете, осветившем город, Жамин наконец открыл глаза. Нуска как раз держал руки на животе арцента и ногах, подавляя последние всполохи энергии. К сожалению, Жамин не был риром, и Нуска не мог рассеять его энергию так просто.

Стоило арценту приоткрыть глаза, как его лицо перекошило от бешенства. Глаза, волосы и кожа вспыхнули – Нуска понимал, что арцент бы сейчас пылал, будь он чуть более опытным сурии.

– Зачем... Зачем ты вернулся?! – прохрипел Жамин, порываясь встать, но тут же с учатившимся дыханием упал обратно на матрац.

Выбор у Нуски был невелик. И с тяжёлым сердцем, дрожащим от слабости голосом он промолвил:

– Украл вина. Надеюсь, что ты прикроешь, Жамин.

– Ты! Ты обещал мне... Ты!!! Как ты смеешь называть себя сурии, когда даже не держишь данное слово?!

Кричал он так, будто Нуска не чужого вина стащил, а как минимум сжёг дом торговца дотла. И уже через несколько секунд Жамин вскочил и набросился на Нуску, целясь в него огненными всполохами.

Лекарь успел вовремя вскинуть руку, защищаясь щитом. Но жар всё равно поднялся удушающий, а искры больно жгли тело. Нуска смотрел на искажённое лицо арцента и думал, что они могли бы стать хорошими друзьями... Когда-нибудь в другой жизни.

Жамин прижимал Нуску к полу и практически плевался огнём. С его тела срывались языки огня, которые обжигали стены и пол, окрашивая их чёрным, заставляли тлеть стол и матрац. Нуска, морщась, чувствовал, что его рабочая рука и лицо сильно пострадали, но... может, оно и к лучшему? Кто будет приглядываться к изуродованному новобранцу?

– Прости, Жамин, – устало отозвался Нуска. Ловко нашарив в кармане короткий клинок Оанна, лекарь вогнал его в одну из вен над ключицей арцента. Жамин взревел – хватаясь за пронзённое плечо, он потоками выпускал мощную огненную дэ. Никто бы сейчас не посмел назвать этого сурии слабым – накопившейся в его теле энергии было достаточно, чтобы сжечь Арценту, обратить весь город в пепел.

На этот раз Нуска повалил Жамину на пол: придавив его своим весом, лекарь рывком вынул кинжал, позволяя крови свободно течь.

«Убью разом двух куропаток. Жамину полезно потерять пару чаш крови».

Больше Нуска не думал. Надавив на шею арцента, не позволяя ему подняться, лекарь припал ртом к пронзённому плечу. Высасывая больную кровь, как яд, Нуска чувствовал, как в него проникает пагубная, чужеродная энергия, обжигающая нутро.

Лекарю было с чем сравнить эту боль: жжётся, раздрает, но не так, как кровь Сина или Гирру. Чем больше он вытерпит, тем дольше и сильнее будет эффект: он сможет долгое время не выдавать своё хаванское происхождение, обманывая всех вокруг.

Сначала Жамин сопротивлялся. Брыкался, шипел и царапал плечи и спину Нуски, отталкивал. Лекарь терпел. Вскоре хватка арцента начала слабеть, взгляд стал отстранённым, а руки медленно упали на пол. Нуска вскинул голову, утирая губы и подбородок от крови; он одним касанием залечил рану. Кровотечение было остановлено, а арцент развалился на полу в луже собственной крови. Нуска в этот момент молился всем духам, чтобы в комнату случайно не забрёл Оанн или другие торговцы, потому что подобная сцена больше походила на попытку убийства, а не излечения.

– Ты... Ты пытался меня... убить? – вдруг прохрипел Жамин, медленно переводя взгляд на Нуску.

Лекарь непонимающе уставился в ответ. Неужели Жамин успел повредиться рассудком? Этот арцент с самого начала был в полном распоряжении Нуски – если бы лекарь хотел покончить с ним, то давно бы это сделал. Но зачем? Было ли у Жамина что-то, что можно украсть? Был ли Жамин какой-то важной фигурой в Арценте? Нет. В этом с самого начала не было никакого смысла.

Глинобитные стены обуглились, но устояли, а вот стол и матрас непоправимо пострадали; запах гари пропитал дом целиком. Нуска, закашлявшись, уселся рядом, внимательно рассматривая Жамину и оценивая его состояние.

– Ты почти умер от перегрузки дэ в каналах. Я позволил тебе сначала выплеснуть излишки энергии, а затем пустил кровь. Если бы я хотел твоей смерти, то мне бы ничто не помешало, – покачал головой Нуска.

Жамин долго молчал. Эти глаза цвета древесной коры и переливающиеся медью кудри, а также отстранённый взгляд...

– Жамин, кем тебе приходился... арцент Галан? – Нуска не выдержал и всё же задал этот вопрос. – Ты действительно производишь из рода Герье?

Сначала глаза арцента расширились от удивления, но затем он медленно качнул головой, отворачиваясь к стене. Нуска уже думал, что не дожждётся ответа, но через несколько минут всё же услышал:

– Галан был младшим братом моей матери. Когда родился я, мать впала в немилость и питалась одними объедками. Её положение было хуже рабыни или служанки – любой мог посмеяться над ней, вылить ей на голову помои, швырнуть её в выгребную яму. И всё потому, что я... оказался слабым и неспособным сурии. Тогда она сбежала и бросила меня среди Герье. Каждый день меня... Надо мной... – Жамин судорожно вздохнул и замолчал. Нуска отвёл взгляд. – Когда её вернули, она уже была беременна Оанном. На последних месяцах беременности им удалось почувствовать чуждую энергию – Оанн оказался полукровкой. Это стало бы самым настоящим позором семьи, а потому... Поэтому они просто обрезали матери волосы, одели её в тряпье и выкинули на улицу с одной золотой монетой, которую затолкали ей прямо в глотку. Я помню, что мать сутки пыталась вызвать у себя рвоту, выплюнуть эту монету, чтобы мы поели.

Нуска поморщился, представляя всё это. В какой-то момент он даже ощутил облегчение от осознания того, что те Герье уже мертвы.

– Мать ненавидела меня и Оанна. Иногда я думаю: может, лучше бы я не родился?..

Это было уже слишком. Нуска приблизился и уложил голову арцента к себе на колени. Переложить его на матрац сейчас не было никакой возможности – спальное место прогорело насквозь.

– Жамин, я рад, что ты жив. И что ты родился. Если тебе удастся справиться с болезнью, то ты станешь хорошим сурии и торговцем. А Оанн...

– Оанн исчез вместе с тобой. Я был тут... совершенно один, Нуска. Меня бросила мать, меня бросил брат. И оба – ради чужаков.

В одно мгновение взгляд Жамина стал ледяным. В нём больше не было безудержной ярости и злобы – только непереносимый холод и отчуждение.

– Нуска, ты ведь хотел сбежать? Уходи. Покинь уже Арценту. Я правда не могу больше выносить это... Ты моложе, чем я, даже Оанн привязался к тебе сильнее, чем к собственному брату. Нуска, просто уходи.

Жамин почти плакал. Его глаза закрылись, словно он даже видеть Нуску больше не мог.

Лекарь почувствовал укол в самое сердце. Он прожил здесь недолго, часто цапался с Жамином, приносил ему неприятности, но... Разве Нуска сейчас не спас его? Разве не делился золотом, которое зарабатывал? Не помогал с уборкой, не подсказывал, какие книги лучше взять в библиотеке? Разве Нуска... заслужил такое обращение? И был для Жамина кем-то чужим?

Очень медленно Нуска поднялся на подгибающихся дрожащих ногах. Ни сил, ни дэ в его теле, к удивлению, не оказалось. Как и желания задерживаться в Арценте хоть на секунду.

Нуска перенёс матрац из своей комнаты в комнату Жамина, уложил потерявшего сознание арцента и укрыл мокрыми простынями. Неизвестно, как долго протянет Жамин, но... На всякий случай лекарь также набросал на бумаге несколько страниц рекомендаций, трав и лекарств, которые помогли бы ему протянуть дольше.

Остатки одежды, немного провизии – всё это Нуска уложил в кожаную сумку, а меч устроил на поясе у бедра.

Кинжал и несколько золотых монет лекарь оставил на кухонном столе. В последний раз посмотреть на усталое и болезненное лицо Жамина Нуска тоже не решился – он боялся увидеть там отпечаток неприязни.

«Верно. Просто я не принадлежу этому месту и должен поскорее его покинуть. Как человеческий организм отторгает всё лишнее и чуждое, так и Арцента отвергает меня. Но вдруг так будет в каждом месте, куда я пойду? Что, если... я так и не найду города и дома, который меня примет? Что тогда? Я буду шататься из города в город, лечить одного сурии за другим, чтобы получать плевики в спину?»

Видимо, такова судьба любого сироты. Если Жамин хотя бы знал свою мать и у него был брат, то Нуска... Нуска был совершенно один в этой большой стране и на этом огромном континенте.

* * *

В последний раз воспользовавшись радушием торговцев, Нуска вымыл волосы колодезной водой во дворе и нанёс на них чёрную краску. Лекарь в точности следовал всем рекомендациям Гирру, но многие прядки всё равно отказывались менять цвет, продолжали отдавать серебром. А Нуска только хмурился и наносил краску снова и снова, пока каждый волос не стал иссиня-чёрным.

Собрав отросшие волосы в короткий хвост простой бечёвкой и приведя себя в порядок, Нуска бросил последний взгляд на небольшой глинобитный домик. Больше он сюда не вернётся. Возможно, никогда.

Не без сожаления лекарь затворил за собой покосившиеся ворота и побрёл в другую часть города. Там, по словам Гирру, записывали в новобранцы.

Нуске часто доводилось покидать города, особенно в последний год. И каждый раз он делал это с сожалением: проблемы, настигшие Арценту, не были решены, но Нуска понимал, что он не тот, кто должен этим заниматься. Возможно, он бы пожелал когда-нибудь вновь посетить лесные племена, Карбору, Рир, Арценту, чтобы узнать, что там... теперь всё хорошо? Что больше не приносят в жертву детей, что больше не строят славу на обмане, что больше не выживают кое-как и не притесняют слабых.

Прогуливаясь по пустынным жёлтым переулкам, Нуска вдруг подумал, что, наверное, это и есть его мечта. Он хотел, чтобы в Скидане слабые были равны сильным, безродные – аристократам, а женщины – мужчинам. Конечно, сравнивать их нельзя, но первые не должны страдать из-за вторых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.